Э.У. Умаров, Ф.Б. Загыртдинова

ЭТИКА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Э. У. Умаров, Ф. Б. Загыртдинова

ЭТИКА

Рекомендовано Министерством высшего и среднего специального образования в качестве учебника для студентов вузов

Издательско-полиграфический творческий дом имени Чулпана
Ташкент — 2005

87.7
У52

Под общей редакцией
доктора философских наук, профессора *С. Мамашокирова*

Рецензенты:
доктор педагогических наук ***Р.Т. Талипова,***
кандидат философских наук ***Е.Д. Каменев***

Умаров Э.У., Загыртдинова Ф.Б.
У52 Этика: Учебник для вузов /Э.У. Умаров, Ф.Б. Загыртдинова; М-во высш.и ср. спец. образования Республики Узбекистан. – Т.: Издательско-полиграфический творческий дом имени Чулпана, 2005. – 136 с.

Учебник предназначен для более ясного и полного понимания сущности и принципов учебного курса этики. В нем рассмотрен ряд методологических вопросов и категорий этики. Глава 4.2. написана доктором философских наук А. А. Курбанмамадовым. Строгое изложение той или иной концепции иллюстрируется зарисовками из мира живой природы, облегчающими понимание и запоминание материала, так как опыт преподавания показал, что студенты склонны рассматривать этику как частный случай целесообразности в природе. Благодаря этому книга может представлять интерес для широкого круга читателей.

Предложенный материал в соответствии со структурой курса состоит из трех частей: теории этики, истории учений, прикладной этики. Для закрепления материала, каждый раздел завершается советами в интерактивном режиме.

ББК 87.7я73

У $\frac{4306020600-81}{360/04/-2005}$ – **Тверд. зак.**

ISBN 5-8250-0970-1

© Издательско-полиграфический творческий дом имени Чулпана, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из особенностей процесса трансформации общества в Республике Узбекистан является политическая воля руководства республики сознательно управлять духовно-нравственной переориентацией общественного сознания. Если в первые годы становления независимости принимаемые законы, указы, постановления касались в основном социально-экономических аспектов жизнедеятельности, то затем явно возрастает количество политических решений в духовно-нравственной сфере. Такую закономерность можно заметить и в произведениях Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, уделяющего особое внимание нравственному и духовному климату в обществе.

Ориентированность и сосредоточенность на решении проблем социальных сторон жизни общества ради большей эффективности получили выражение в реализации таких специальных программ, как Год семьи, Год женщины, Год здорового поколения, Год матери и ребенка, Год почитания пожилых. Удачно заимствованная у ЮНЕСКО форма со всей очевидностью содержит преемственность: окончание одной программы означает не забвение прежних проблем, но ее новое видение в новом аспекте, продолжение начатых преобразований. ***Объединяющая цель*** всех программ одна — ***семья и благо человека.*** И это является первым признаком духовно-нравственных и идеологических сдвигов в общественном сознании. Семья и человек прежде не выдвигались в качестве политического приоритета. На сегодняшний день благо нации, благоденствие семьи, благополучие человека, а не общественная значимость обосновываются как идеалы морали. Наблюдается как бы возврат к «естественным», привычным ценностям. Национальная принадлежность была как бы приглушена, теперь поощряется рост национального самосознания. Возвращается и поощряется культ семейного благополучия.

SAMARQAND IQTISODIYOT VA SERVIS INSTITUTI
AXBOROT RESURS MARKAZI

Переход к рынку как способу регуляции в экономике также не может не сказаться на духовно-нравственной и идеологической переориентации. Частная собственность, выгода, прагматизм реабилитированы.

Возврат к новым «старым» ценностям, моральным идеалам и нормам обосновывается через традиционное духовное и культурное наследие, через образцы высокой отечественной гуманитарной мысли.

Цель реформ, проводимых в независимом Узбекистане, как звучит название выступления И. А. Каримова — гармонично развитое поколение, человек, развитие его способностей. Развитие этической культуры должно способствовать этой цели. Не случайно особенностью национальной системы образования является усиление его этической направленности. Этика призвана помочь самосовершенствованию человека и тем самым совершенствованию общества.

В предлагаемом учебнике рассмотрен ряд методологических вопросов и категорий этики. Строгое изложение той или иной концепции иллюстрируется зарисовками из мира живой природы, облегчающими понимание и запоминание материала; тот или иной вывод обосновывается ссылкой на мнения выдающихся мыслителей, наших духовных наставников. В соответствии с программой курса учебник состоит из трех частей: теории этики, истории учений, прикладной этики. Нам представляется, что материал книги поможет учащимся в процессе изучения такого интересного предмета как этика.

IN SERVIS INSTITUT

1. Что такое этика?

«О, брат! Знай, что в этих тезисах я снял для тебя сливки истины и вложил в уста яства мудрости в изысканных выражениях".

Ибн Сина.
Указания и наставления

1.1. Определение этики

В середине XX века велось множество дискуссий на тему являются ли философские учения, в том числе и этика, наукой. Одни философы утверждали, что даже если этика не наука, то ее надо сделать таковой[1]. Для этого она должна обладать, в первую очередь «правом беспристрастности»[2] и превратиться в «физику нравов» (Термин позитивиста Э. Дюркгейма).

А для достижения этой беспристрастности, то есть объективности, она, как естественнонаучные дисциплины, должна также обладать универсальностью и всеобщностью своих законов, что, в свою очередь, означает безусловность исполнения ее требований всеми. Этих условий будет достаточно, чтобы интерпретировать этику как теорию морали, обоснованно считать ее наукой.

Но любая теория – это абстрактная конструкция. А. Швейцер, немецко-французский мыслитель XX века, который сам выдвигал «право беспристрастности», писал, что абстракция – смерть для этики, ибо этика есть живое отношение к живой жизни, и ко всему абсолютному она равнодушна. Выходит, из этики нельзя создать науку, так как исчезнет ее живая душа? Как совместить требование объективности (условие любой науки) и нравственность, столь субъективный феномен?

XX век с его проблемой демаркации знаний (От фр. marquer – ставить клеймо; демаркация – нахождение критерия разграничения научного и ненаучного знаний) выдвинул новые признаки научности: доказуемость, проверяемость, верифицируемость, фальсифицируемость.

---

[1] *Кропоткин П. А.* Как построить научную этику? – М., 1991. С. 44.
[2] *Швейцер А.* Культура и этика. – М., 1973. С. 282-288.

Трудно протестировать положения этики с помощью подобных рациональных приемов. «Обращение к фактам бесполезно» – этические суждения эмпирически не доказываются. Формально-логически сделать это также невозможно, утверждал, например, П. Сорокин — американский социолог XX в. русского происхождения. Он демонстрирует это следующим образом:

1. Удовольствие – благо.
2. Курение – удовольствие
3. Курение – благо[1].

Из двух истинных суждений вытекает ложное умозаключение, теряется всесилие логики, разума. К тому же, «Вся наша жизнь основана на «вере» – на убеждениях, истинность которых не может быть доказана с неопровержимой убедительностью»[2]. Законы этики вероятностные.

Тем не менее, поиск объективно истинной теории этики, имеющей право называться научным знанием, продолжился и привел к появлению концепции метаэтики (от греч. meta – после, за, через; современный логический термин, используется для обозначения таких систем, которые служат, в свою очередь, для исследования или описания других систем). Этика стала интерпретироваться как теория теорий, задачей которой является исследование этических учений, то есть этика призвана стать теорией теорий. Научность метаэтики, по мнению ее приверженцев, в том, чтобы раскрыть научную несостоятельность предыдущих философско-этических доктрин. Этим методом пользуется британский философ XX века, автор книги «Принципы этики» Дж. Мур при анализе категорий добра и зла и при критическом разборе натурализма в этике. Этика, считает Дж. Мур, должна заниматься теоретическим анализом, а не решением практических проблем, не имеющих научного обоснования. Но наука нужна не сама по себе, а для решения реальных жизненных задач.

Нельзя доказать научность этики, но также нельзя отрицать наличие признаков теоретичности данной совокупности

---

[1] *Сорокин П.* Нормативная ли наука этика. / Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М., 1990.

[2] *Франк С.Л.* Духовные основы общества. – М., 1992. С. 221.

знаний. Этика, во-первых, – умозрительное рассуждение и, во-вторых, – целостная система взглядов. Абстрактность и системность – признаки теории. Если этика не отвечает требованиям, предъявляемым к точным и естественным наукам, то непременно – теория. Чтобы не заострять внимание на вопросе научности или ненаучности этики, авторы учебников, как правило, находят компромисс при определении что такое этика: «... в развитом виде этика состоит из теоретической части – учения о морали, ее происхождении, сущности и функции, и практической – нормативной этики, формулирующей принципы и цели человеческой жизни»[1]. В данном определении видно, что этика – теоретическое учение, но нет прямой констатации, что она — наука.

Этика – специфическое учение. Ее нельзя понять без учета мировоззренческой позиции исследователя морали; она сама формирует мировоззрение тех, кто к ней приобщается. Для тех, кто решил заняться ее изучением, это не обращение к эмоционально-нейтральному запасу информации, а прикосновение к трепетно-живому, согревающему душу источнику мудрых мыслей и позитивных чувств. Этика меняет людей.

Рассуждая о характере этики, философы, в конце концов, согласились, что помимо *теории* морали существует еще и *практика* нравственности. Почему человек, зная, что такое добро, поступает прямо противоположно? Одного абстрактного знания недостаточно.

Этика – не руководство на все случаи жизни с готовыми решениями и не сборник советов или рекомендаций, в каких случаях как поступать. Этика познается в процессе внутренней работы человека над собой с целью определения своего места в социуме и выработки системы принципов поведения в нем. «Упражнение души» – так поэтично названа эта работа М. Монтенем[2]. Работа эта совершается постоянно в течение всей жизни: решаются нравственные проблемы, которые, во-первых, актуальны и, во-вторых, неповторимо индивидуальны. Поэтому этика имеет практическую окраску – статус практической философии или «практической науки» (по Аристотелю и Ибн Сине) и именуется «практическим разумом» (по Канту). В стоицизме существует красивый образ философии в

---

[1] *Кондрашов В. А.* Этика. – Ростов-на-Дону, 1998. С. 21.

[2] *Мишель де Монтень* Опыты. – М., 1981. С. 190.

виде фруктового сада: логика это ограда сада, физика – деревья, а этика – плоды сада философии. Философское обоснование нравственных представлений это практическое предназначение философии. В «Никомаховой этике» Аристотель писал, что этика существует «не затем чтобы знать что такое добродетель, а чтобы стать добродетельным, иначе от этой науки не было бы проку»[1].

Выделение из философии специальной отрасли знаний, занимающейся нравами людей, – в духе европейской традиции. Для восточных мыслителей было характерно нерасчлененное (слитное) восприятие философии. Аль Фараби (IX в.) в своем трактате «О названии и происхождении философии» словом «философия» объединяет и этику, и педагогику. Его последователь и комментатор Джамалиддин Давани (XV в.) делит философию на теоретическую и практическую части и наряду с другими составляющими практической части называет науку о морали.

Такая интерпретация учения о морали основывается на Коране и доисламской традиции. В Коране отсутствует понятие, обозначающее *теорию* морали, т. е. «этики» в европейском понимании. В ней содержатся *конкретные* нормы и категории.

В свою очередь, синкретичность (гр. synkretismos соединение, объединение) восточной традиции породила термин, который не имеет аналогов в европейской культуре, – адаб, учение о должном поведении человека – адабнома. В строго научном смысле и по происхождению «этика» и «адабнома» не совпадают, не являются прямым переводом друг друга; у них неодинаковый подход к исследованию морали, обоснованию ее норм, разный акцент внимания (общие абстрактные принципы и/ или кодекс поведения).

В современных условиях употребление этих названий как синонимов вполне приемлемо, так как узбекская этическая литература не только опирается на философские традиции прошлого, но и впитывает достижения мировой культуры, поскольку учебник на русском языке, то и впредь будет использоваться понятие «этика», в определенном смысле как синоним понятия «адабнома». С другой стороны, на наш взгляд, европейским теоретизированиям не хватает акцентации на

---

[1] Цит. по *Гусейнов А. А.* Этика Аристотеля М, 1984. С. 18.

поведенческом аспекте и воспитании - на том, что представляет специфику восточных кодексов поведения.

Этика — теоретическое учение. О чем? Многие исследователи определяют ее как теорию морали. А что является предметом самой морали? Человек и его взаимоотношения в социуме. Не учение о том, как долженствует поступать человеку, а поиск истины через познание себя, своих взаимоотношений с другими людьми. Занимаясь теоретическими рассуждениями — спекуляциями (от лат. speculatio — созерцание, умозрение; умозрительное философское построение), сравнивая этические системы, человек *формирует свою нравственную позицию* — в этом состоит специфика этики. Изучая ее, личность самоопределяется в совокупности норм, принципов, идеалов морали. И этика — не единственный для этого способ. Подобную задачу также выполняют религия, искусство. Изучение разных этических воззрений позволяет каждому самоопределяться самостоятельно, освободившись от влияния и принуждения со стороны даже самых больших авторитетов, и это великий труд души, самосовершенствование. На основании этого А. Швейцер определяет этику как «стремление к совершенствованию». Постепенно у человека появляется имманентная привычка поступать так или иначе, не рассуждая: «чувства навыком приучены к различению добра и зла»[1]. Он вырабатывает для себя принципы (стереотипы) поведения в определенных ситуациях.

Например, «никогда не лгать», «прощать тихо и незаметно», «добрые дела делать выгодно» или другие, диаметрально противоположные — у кого как.

Слово «этика» происходит от греческого «ethos» — «нрав, привычка, обычай». Обычай — «как обычно», *поступай-как-всегда-и-как-все*, т. е. это стереотип поведения. Этика диктует? Если этика есть совокупность диктуемых стереотипов поведения, тогда это не философское учение. Любой свой поступок или решение человек нравственно обосновывает, прежде всего для самого себя, почему он так поступает, с целью обретения уверенности в своей правоте. Он «Homo sapiens» — «Человек разумный», и умозрительные, общие этические суждения и есть то, с помощью чего он это делает. Чем богаче накопленный арсенал этических суждений данной личности, ее

[1] *Библия*. Послание к евреям. 5-14.

информированность, тем интереснее и эффективнее работа души и интеллекта. Правда, это не означает, что всегда делается «правильный» вывод и совершается поступок морально допустимый, *социально приемлемый. При помощи* этических суждений можно обосновать как злое, так и доброе, как подлое, так и благородное деяние.

Поэтому интерпретация этики как системы норм и предписаний (долженствования) без процесса их личностного восприятия и принятия обедняет понятие этики. Здесь так же, как и в логике: есть тезис — этическое суждение или моральное предписание, есть аргументы и есть демонстрация — процесс доказательства самому себе.

Подразделение этики — учения о морали и нравственности, на два уровня — *философско-теоретический* (объясняет и поясняет) и *нормативный* (обучает и воспитывает) — дидактически оправдано. Также оправдано вычленение мировоззренческой составляющей («практика нравственности») и описательных моментов. Таковы функции этики: познавательная, воспитательная, мировоззренческая.

Принято различать этику и прикладную этику. Любая система знаний имеет подобную структуру, например, математика, механика... У этики нет эмпирической базы, тем не менее она решает актуальные проблемы реального процесса жизни, ищет разрешение сложных этических ситуаций.

Этика — не только система отвлеченных рассуждений, она полезна своим непосредственным выходом в практику, в принципе, за это ее и ценят. Задачами прикладной этики являются так называемые «открытые моральные проблемы» (врачебная тайна, эвтаназия, аборты, смертная казнь, конкуренция и монополия в бизнесе и множество других) — те вопросы нашей каждодневной деятельности, которые не имеют однозначных и устоявшихся ответов. Универсальные ответы не всегда применимы к конкретному практическому случаю. Прикладная этика, вынося на широкое обсуждение «открытые моральные проблемы», пытается прийти к приемлемому выводу.

Этика и моральное сознание общества не успевают за развитием науки и технологий (генетические исследования, клонирование, трансплантология, информатизация, техника слежения и др.), и поэтому общество накладывает мораторий на определенные исследования, объясняя это тем, что оно не

готово ответственно оценить новшества и необходимо уберечься от возможных злоупотреблений.

Врачебная этика, этика педагогического процесса, деловая этика, этика науки и т. п. представляют собой не столько систему теоретических абстрактных суждений, сколько совокупность норм и идеалов той или иной сферы деятельности — то, что именуется *этосом* (врачебной практики, воспитания, предпринимательства, научного исследования и т. д.). В этос входит и совокупность конкретизированных правил поведения. Так сложилось, что вместо термина «этос» употребляется более привычный термин «этика».

Нравственность выше норм и требований — это саморазвитие человека через поиск истины, познание себя и мира. Познание мира, его ценностей — это не самоцель и это необходимо не само по себе. Слова «высшее искусство — безупречная жизнь», которые приписывают Сократу, наиболее полно отражают предназначение этики — помочь человеку прожить достойно свою жизнь.

1.2. Соотношение понятий «этика», «мораль», «нравственность»

Что такое этика — теория морали или теоретическое учение о морали? Мораль не есть что-то неизменное и незыблемое. Процесс ее саморазвития происходит постоянно, значит, и ее теоретическое изложение не должно быть консервативным. Не существует универсальной или доминирующей этики. Точнее говоря, доминирующие в общества взгляды на мораль исторически изменчивы. Этике присущ плюрализм (от лат. plural — множественность) этических систем. Разброс распространенных в конкретном социуме этических учений — показатель степени его демократичности. Никакое из них не может претендовать на абсолютную истинность.

Наверное, прав П. Кропоткин, когда пишет, что «...все теории нравственности, философии и религии дополняют друг друга»[1]. Они существуют рядом и выбор наиболее приемлемых для себя теорий — безусловное право личности, в том числе безусловное право личности — не выбрать никакую теорию вообще.

---

[1] *Кропоткин П. А.* Этика. — М., 1991. С. 57.

На основании того, что нет ни одной теории, которая может претендовать на достоверную истинность, скептики отрицают необходимость знаний о морали, а циники — необходимость и самих моральных норм: надо просто жить, не задаваясь праздными философскими и нравственными вопросами. Отказ признавать вообще какие-либо принципы и ценности уже сам по сути представляет одну из мировоззренческих позиций, а значит, является совокупностью представлений со своей системой аргументов и также подлежит исследованию. Взгляды скептиков и циников выстроены на плюрализме этических учений и моральном релятивизме.

Нельзя путать *плюрализм* этических учений и *релятивизм* (от лат. relativus — относительный) моральных *принципов*. Проблема относительности моральных принципов выяснялась при обсуждении вопроса об абсолютах в морали. Абсолютами называют некоторые моральные требования: не убий, не кради, не лги...

Существует два подхода к проблематике абсолютов в морали: Канта и Ницше. Первый подход: надо стремиться к соблюдению абсолютов непременно и в полном объеме. Может ли считать себя нравственным человек, который в одних условиях следует моральным предписаниям, а в других нет? Моральные нормы не терпят исключений. Можно ли врать во благо? Допустима ли иногда ложь? Лгать, по мнению Канта, во благо невозможно, лгать — значит признавать себя слабее того, перед кем лжешь, лгать и нерационально. Соврете вы или нет на вопрос грабителя есть ли у вас деньги, он все равно вас ограбит, — приводит доказательство в своих «Лекциях по этике» И. Кант. Ложь, по словарю С. И. Ожегова, «намеренное искажение истины», как правило, главная корысть — скрыть истину, в ней человек не заинтересован, фантазия — выдумка без преследования каких-либо интересов, чаще всего это форма выражения желаний. Где грань между ложью и фантазией ребенка? Первое наказывается, второе поощряется.

Второй подход заключается в отрицании права на существование моральных абсолютов. Их сочинили именно потому, что их изначально соблюсти нереально. Люди «хитрой выдумкой о недосягаемости абсолютов отвоевывают себе право быть маленькими, жалкими, недостойными. Абсолюта на самом деле

не существует»[1]. Они, по Ницше, «спиртные напитки души». Раз они недосягаемы, зачем они нужны? — Только как уловки для самооправдания.

Итак, здесь продемонстрированы две крайние позиции. Выбор позиции — индивидуальное решение каждого. Некоторые выберут компромисс, расположившись между этими позициями.

Абсолютность (в смысле истинности) этических концепций — вопрос спорный, но *абсолютность некоторых моральных предписаний* бесспорна! Какие нормы отнести к таковым? Канонизированные общечеловеческие заповеди, «золотое правило этики» — «категорический императив»?... Какие еще? Может ли считаться положение «никогда не лги» моральным абсолютом? Выполнимы ли абсолюты практически всегда? И всеми? Всеобщий характер абсолютов имеет ту положительную черту, что уравнивает всех, не признает никаких различий, а значит, и привилегий. Моральные абсолюты, общечеловеческие по масштабу, и есть суть, квинтэссенция (от лат. quinta essentia — самое главное, наиболее существенное) гуманизма.

Моральный релятивизм как понятие констатирует зависимость объема и содержания категорий от ситуации и интересов действующих лиц (объем здесь — совокупность объектов, содержание — совокупность признаков понятия). Зависимость объема и содержания категорий морали от нужд (целей) человека, каждый раз оказывающегося в новых обстоятельствах, отличает эти категории от философских (онтологических, гносеологических) понятий.

Таким образом, моральный релятивизм — признание или отрицание субъективности этических категорий. Одни мыслители выступают за исключительно объективный характер категорий морали, другие — за личностную их обусловленность.

Моральный релятивизм пересекается с явлением, который именуется «двойным стандартом» в морали, и раньше обосновывался как классовый подход: предъявление различных требований к представителям разного этноса, пола, веры, социально-экономического статуса. Но «различие и даже противоположность нравственной оценки одного и того же поступка с точки зрения разных народов, эпох, сословий, классов и

---

[1] *Гусейнов А.* Этика. М., 1998. С. 171.

"Спасение лягушки"

Лягушка живет на болоте, среди топи: ни суши, ни воды. Ей кричат с берега: "Дура, иди на чистую воду, а не живи в этой слизи". С другого берега: "Иди к нам, у нас твердая почва под ногами". Нарушают своими криками ритм жизни лягушки, она мечется, потому что ее не оставляют в покое. Мало того, смельчаки с берега пытаются достать ее палками, наносят бездушными своими орудиями раны лягушке. Кожа у нее нежная и тонкая, как у других душа. Пробовала она жить в чистой воде, когда была маленькой личинкой, на твердой почве она засыхает. Болото – ее жизнь, ее образ жизни. Спасатели мнят из себя героев: "мы ее вытащим из этого вонючего болота". Такое "спасение" для лягушки – гибель.

т. п. вполне правомерны»[1], так как они изменчивы. Каждый судит исходя из своей мировоззренческой позиции. Мировоззрение – не только система представлений о мире и взглядов на свое место в этом мире, но и система убеждений человека. А убеждения – не просто знание, а иррациональная уверенность в правоте, истинности своих знаний. Потому велик соблазн навязать свою убежденность другим. Не все различают понятия морали и нравственности. Многие полагают, что мораль (от лат. moral – нрав) – это заимствованное из латыни слово для обозначения того, что по-русски именуется нравственностью, а по-узбекски – *ахлох*. Т. е. мораль и нравственность – синонимы, разные наименования одного и того же понятия. Если принять эту точку зрения, то исчезает проблема личной ответственности. Поэтому правомернее не отождествлять их. Мораль – необходимое средство самосохранения системы (общества), ее страж: «Центростремительный инстинкт морально-общественного самосохранения притягивает друг к другу, спаивает элементы личной жизни каждого из нас»[2]. Мораль – это совокупность норм и правил, регламентирующих взаимоотношения внутри данного социума. Эти нормы носят внешний по отношению к человеку характер и в определенной степени это диктат. Нормы общежития вне человека, они задаются. Мораль контролирует выполнение своих предписаний, поощряя должное поведение и осуждая не должное,

---

[1] *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. – М., 1992. С 90.

[2] *Андреев А.* Роза мира. – М., 1992. С. 540.

иногда прибегая к изоляции «неформалов».

Вспомним про «белую ворону». Получается, и животные «борются» с отклоняющимся поведением или внешностью? Да, так как это привлекает внимание и тем самым представляет прямую реальную угрозу всей стае, то есть срабатывает инстинкт выживания. Определенная часть требований морали имеет «природный прообраз» и биологически целесообразна. Но не все моральные нормы санкционированы инстинктом: например, забота о престарелых и немощных, месть по принципу «око за око, зуб за зуб» и др. Таких норм нет в природе. Они выработаны в ходе духовной эволюции, сменяемы и детерминированы не столько биологией, сколько уровнем развития общества.

«Белая ворона»

«Правильные» вороны – черные. Иногда среди них появляется белая, зеркальная противоположность нормальных. Ей уготована участь Бабы Яги: жить на выселке изгоем – рядом, но не вместе. И если случается белой вороне разрешение оказаться рядом с сородичами, то стоит ей только начать каркать (как и положено вороне), ее начинают злобно клевать «родственники» – молчи и не каркай.

Рассмотрим моральное (аморальное) отношение к природе (животным, культурным ценностям). Правомерно ли применять понятие морали к несоциальному окружению? Безусловно, бережное (нравственное) отношение к природе – естественная необходимость. Иначе человек погубит среду своего обитания. Если не из-за любви и благодарности, то хотя бы из-за эгоистического интереса человек обречен беречь природу, он – ее часть: плохо природе, плохо человеку. Человек как разумное существо обладает рефлектирующей способностью – «приобретенная сознанием способность сосредоточиваться на самом себе и овладеть самим собой как предметом... Разумеется, животное знает. Но, безусловно, оно не знает о своем знании»[1]. Человек живет в «организованной ситуации»: «Он не сотворен изначально, он творит себя, выбирая мораль; а давление обстоятельств таково, что он не может не выбрать какой-нибудь морали»[2]. Нет безнравственных людей в том

---

[1] *Тайер Де Шарден.* Феномен человека. – М., 1987. С. 189-190.

[2] *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм. / Сумерки богов. – М.,1989. С. 339.

смысле, что каждый имеет собственную нравственность, собственные принципы, собственную мотивацию; они уникальны и своеобразны, так как являются неповторимым синтезом усвоенных законов бытия и нажитого опыта. Носит ли нравственность индивида гуманный, человеколюбивый характер? — это и есть тот первый критерий, что позволяет нам судить о нем как о нравственном или безнравственном человеке. В дополнение к основному критерию, у каждого человека вырабатывается система личных индикаторов нравственности/безнравственности при оценке как своего поведения, так и окружающих.

Нравственность — это совокупность личных норм и заповедей, принципов и убеждений, то, чем руководствуется человек при принятии решений. Они нарабатываются, т. е. формируются постепенно. Нравственность — это внешнее требование, ставшее внутренне необходимым императивом (от лат. imperativus — повелительный; внутреннее категорическое требование). «Этика нравственной личности индивидуальна, не регламентирована и абсолютна. Этика... надиндивидуальна, регламентирована и релятивная, поэтому нравственная личность не может безропотно подчиняться ей...»[1]. Здесь очевидно несовпадение морали и нравственности. Мораль — модель идеального, должного поведения, в ее предписаниях выражен общий интерес данного сообщества людей. Для социума важно его выживание, самосохранение.

Отсюда и поощрение таких желаемых качеств, как милосердие, альтруизм и т. п. Мораль, как уже говорилось, — это совокупность норм, выработанных определенным обществом для регулирования взаимоотношений между его членами. Из того, что мораль и нравственность не совпадают, не следует, что они независимы друг от друга и между ними нет связи. Мораль и нравственность взаимно обусловлены. Моральные нормы являются ориентирами для нравственного выбора личности, соизмеряясь с которыми личность осуществляет свой выбор. Можно сказать, что нравственность — это сознательное и добровольное следование моральным требованиям. Но если моральных предписаний не придерживаются в нравственном выборе все большее количество членов данного социума, значит, они устарели, превратились в отжившую догму. Нрав-

[1] *Швейцер А.* Культура и этика. — М., 1973.

ственная практика людей ведет к пересмотру тех или иных норм и ценностей. Так, постепенно человечество пришло к заботе о престарелых как моральной норме, хотя на ранних стадиях цивилизационного развития они воспринимались как лишняя обуза; ныне в глазах семьи и общества во многом уравнивается ценность рождения девочки и мальчика.

Ранее у индийских и арабских племен бытовал обычай умерщвлять новорожденных девочек как умерщвляли в Древней Спарте физически слабых новорожденных. Можно предположить, что аборты будут рассматриваться в будущем как убийство потенциальной личности, сейчас же аборт — право женщины решать быть или не быть человеку. Список примеров можно продлить до бесконечности, как бесконечна сама жизнь людей.

Сознательная мотивация личностью своей нравственной позиции и поведения является результатом рефлексии, познания себя, уяснения смысла своего существования. Проблема нравственной оценки поступка возникает при наличии вариантов поведения и свободном выборе одного из них. Поступок совершает личность самостоятельно и поэтому она сама, а не сообщество, несет за него ответственность.

Свобода предполагает ответственность, и первое влечет за собой второе. Выбор осуществляется в процессе внутренней работы, иногда очень длительной и трудной, и тогда, как правило, личность в нем утверждается и готова ему следовать без колебаний. Моральный выбор бескомпромиссен.

Великие философы-максималисты доказывали, что ничто — ни несправедливость миропорядка, ни несовершенство окружающих, ни иное неустройство, ни личное неблагополучие или невезение — не могут быть реабилитирующим фактором безнравственного поведения. «Вини во всем себя», побеждай себя, а не общество. Ничто не является оправданием.

С другой стороны, если нет универсальных, объективных критериев добра, зла, порядочности и т. п., то каждый сам для себя вырабатывает эти критерии, и каждый может жить так, как он считает нужным или как ему нравится. И опять встречаются две характеристики понимания нравственности: бескомпромиссность нравственной позиции и относительность моральных ценностей. Как решать это уравнение с двумя переменными и находить их оптимальное сочетание — готовых рецептов не существует. Здесь дело сугубо индивидуальное.

SAMARQAND QISLOQ
VA SERVIS INSTITUTI
AXBOROT RESURS MARKAZI

когда полагаются на собственную мудрость. По словарю русского языка С. И. Ожегова мудрость есть глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт. Но этого недостаточно. Мудрость – это вершина ума, этой громады знаний, это способность человека и общества вести человеконаправленный, человеколюбивый поиск истины, и потому мудрые решения устраивают всех, и их верность подтверждается в дальнейшем. Этика и есть описание мудрости, когда «знание равняется добродетели»[1].

Есть легенда, будто Ибн Сина сжег хранилище книг. Как же ученый, лучше других понимавший значение передачи накопленных знаний, мог так поступить?! По легенде, Ибн Сина ответил вопрошающим его об этом, что книги – источник знания – принесут вред для неподготовленных исследователей. Информация опасна, если ее используют недостойные и в антигуманных целях, о чем, к сожалению, свидетельствует создание оружия тотального истребления и масса других, менее глобальных примеров нечестивого использования знаний.

Именно такого понимания знания-мудрости придерживались великие духовные наставники нации Аль Фараби, Ибн Сина и др. Они же развенчали идею о предопределении свыше абсолютно всего, что происходит на земле и в жизни каждого человека.

Если все предопределяется Всевышним, то современные высокие технологии вмешательства в наследственность, здоровье, а значит, и в судьбу человека противоречат духу ислама, принципу *«Худонинг бергани»*. Эту пресловутую восточную фатальность, догмат о предопределении, талантливо и тонко разъясняли перипатетики (приверженцы учения Аристотеля) через учение о свободе воли *«ихтияр»* – «свободе выбора».

Изящность их аргументации заключалась в том, что если отрицать свободу воли (определенную автономию личности), то следует признать Аллаха творцом и всего зла на земле или же признать ограниченность его всемогущества: если Аллах всемогущ, то почему он допускает существование зла? Эта логика рассуждений позволяла Аль Фараби, Ибн Сине и дру-

---

[1] *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. // Мир философии. – М., 1991. С. 365.

гим мыслителям выступать против догматов официальной теологии и в то же время не выходить за рамки ислама.[1]

Учение о свободе воли, иначе ответственности личности за свое поведение и учение об *адабе* представителей эпохи арабского Возрождения оказались вновь актуальными и востребованными в современную эпоху, как не парадоксально звучит, из-за роста знаний.

Развитие медицины и всей совокупности биологических наук буквально приковывает к себе внимание мирового сообщества из-за революционизирующих сознание и меняющих отношение к основам жизни открытий конца XX и начала XXI веков. Ученые заговорили об эпохе биологии, пришедшей на смену информационной НТР. Случаи заражения сибирской язвой в Америке, оцененные как новый вид терроризма – биотерроризм, приравниваются к такой же форме угрозы безопасности человечеству, как ядерная. Не случайно, большинство европейских специалистов по биомедицинской этике ранее занимались проблемой ядерной безопасности.[2] Многие страны приступили к формированию системы биобезопасности. Это обстоятельство окончательно убедило в необходимости ограничивать техногенный характер цивилизации, его технологический потенциал человекоориентированными (гуманистическими) рамками.

Этическая направленность образования и философии, их слияние традиционны для узбекской философской мысли и просвещения. Активизация этического компонента – «давно забытое старое». Усиление значимости этического начала, этической составляющей является тенденцией развития не только науки, но и бизнеса, политики, спорта и т. д. во всем мире, ибо человечество научилось столь разнообразно и изощренно истреблять себя, что во имя самосохранения оно должно учиться жить цивилизованно, гуманно, по-человечески.

1.3. Структура и функции морали

Мораль состоит из *норм и ценностей*. Можно выделить идеалы как третий элемент. Но идеалы – это желаемые нормы и

---

[1] Этика геномики// Человек, 1999. № 4. С. 8.

[1] См.: *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 112-114. Ибн Сина. Избранные философские произведения, М., 1980. С. 382.

качества, и потому не обязательно их выделение в виде самостоятельного структурного элемента морали.

Норма это требование однотипного поведения в повторяющейся ситуации, стандарт, образец для подражания в форме примера, общественного мнения, нравов, заповедей, обычаев. В нормах сосредоточивается позитивный ценный опыт предков, так как в них фиксируется целесообразность того или иного поведения, целесообразность, проверяемая на опыте многих поколений.

Ценности это общественно значимые качества социальных отношений и членов общества: справедливость, милосердие, альтруизм... Выделяют абсолютные и относительные ценности. «Существуют *абсолютные* ценности, т. е. общезначимые (объективные) самоценности: они сами в себе безусловно оправданы, следовательно, имеют характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта. Существуют кроме них также и *относительные* положительные ценности; они имеют характер добра лишь в каком-либо отношении или для каких-либо определенных субъектов»[1].

Как изъясняется мораль? И как ее саму можно описать? При помощи категорий. Мораль оперирует категориями. Категории — это этические суждения, в которых признается или отрицается наличие каких-либо признаков или свойств. По содержанию и задачам этические суждения можно разделить на три группы: структурные (норма, убеждение, идеал), субстанционные (добро, зло, совесть, долг, счастье), функциональные (истина, цель, принцип). Каждая группа категорий имеет свои особенности. Категории, в частности, субстанциональные, характеризуются рефлективностью, то есть одно понятие является отражением другого, одно объясняется через другое, поэтому они парные: добро — зло, справедливость — несправедливость, удовольствие — страдание.. Субстанциональные категории, являясь единством и борьбой противоположностей, предполагают возможность взаимопревращений, взаимоперехода. Функциональные и структурные категории описывают строение морали, воспроизводство морали как формы общественного сознания.

В чем предназначение морали, для чего она нужна, если нужна? Мораль — это механизм регуляции отношений в об-

---

[1] *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. — М., 1991. С. 96.

ществе через оценку деятельности личности или группы. Причем, мораль необходима не просто для упорядочивания отношений, а для их *гармонизации*. Управление отношениями осуществляется двумя способами: поощрения желательного поведения и наказанием нежелательного. Моральная оценка выносится от имени всех, всего общества. Мораль упорядочивает отношения в обществе и выдвигает цели, в которых выражаются потребности общественного развития. Нравственное познание действительности — оценочно-императивное. *Императив* — это когда высшие моральные предписания становятся осознанной внутренней обязанностью человека. Превращение моральных требований во внутреннюю потребность личности и есть процесс воспитания и самовоспитания. Процесс познания мира через мораль имеет, таким образом, два способа: посредством оценки как суждения сквозь призму общественных и личных ценностей и посредством выработки императива, собственной нормы поведения.

Как сказано выше, если функции этики — *эмпирически-описательная, теоретико-философская* (объяснение) и *обучающая*, то функции морали несколько иные: *регулятивная, познавательная, воспитательная.*

Можно сформулировать некоторые выводы. Прежде всего — очевидную автономность понятий «этика», «мораль» и «нравственность».

Этика — это философское учение, которое объединяет накопленные человечеством самые различные системы взглядов о правилах взаимоотношений в обществе.

Этика относится к теоретическим дисциплинам, представляющим совокупность умозрительных, абстрактных суждений, которые носят вероятностный характер. Причинно-следственные связи (степень детерминированности), необходимость в них выражена не столь отчетливо и бесспорно, а это не позволяет придать им статус научных законов. Их обоснованность нельзя доказать ни эмпирически, ни формально-логически.

Мораль — совокупность норм, регулирующих взаимоотношения между членами общества. Она выражает общий, общественный интерес, поэтому аморальный поступок всегда антиобщественен, социально не приемлем. Но общественный интерес, господствующая в обществе мораль не во всех случаях прогрессивны. Приверженность старому, отживающему часто выходит за рамки «здорового консерватизма».

Нравственность – совокупность принципов, убеждений, которыми руководствуется индивидуум: или соглашается с нормами морали, или противоречит им, конфликтует. Любой поступок нравственно мотивируется.

Нравственность – это оценочно-императивное освоение действительности, когда осуществляется не только познание окружающего мира, но и вырабатывается собственное, личностное отношение к тому или иному вопросу.

Нет универсальной, единственно верной, доминирующей этики. Этические концепции сосуществуют вместе, конкурируют между собой, имеют своих приверженцев и борются за них.

Превалирующей тенденцией развития этики становится укрепление позиций гуманизма, «человеколюбия», «благоговения перед жизнью» (один из постулатов А.Швейцера).

Рекомендуемая литература

1. *Геюшева З.* Этические взгляды восточных мыслителей. Баку, 1982.
2. *Кропоткин А.* Этика. М.: 1991.
3. *Мишель де Монтень.* Опыты. М.: 1981.
4. *Сорокин П.* Нормативная ли наука этика? / Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М.: 1990.
5. *Тейяр де Шарден.* Феномен человека. М.: 1987.
6. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: 1992.
7. *Швейцер А.* Культура и этика. М.: 1973.

В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ

Этика – самая интерактивная учебная дисциплина! Как мы попытались объяснить, главная цель при изучении данного предмета – не тренировка памяти и запоминание информации, а развитие самостоятельного мышления, умения делать выбор жизненной позиции или корректировать его на основе полученного знания.

Этика – практическая наука. Этике не учат, этике учатся. Интерактивные методы предполагают не пассивное восприятие информации, а активное включение в процесс получения новых знаний через коллективное сотрудничество. Коллективное взаимодействие подразумевает:

– умение аргументировать свою точку зрения, формулировать и излагать;

– умение анализировать и сравнивать ситуации;

– умение вести продуктивный диалог с противоположной стороной.

Этические суждения в большинстве своем представляют собой дилеммы «за и против», в них изначально заложен дискуссионный потенциал. Предлагаем методами «круглого стола», «доказательной презентации», «мозгового штурма» и другими дискуссионными формами обсудить некоторые «*классические» этические вопросы.*

Однако познание этических законов зависит от признаваемой человеком системы ценностей, специфики его жизненного опыта, чувств и потребностей, что предопределяет высокую эмоциональность при использовании интерактивных методов. Важен грамотный комментарий и умение делать обобщения.

♦ Этика – набор суждений о правильном или неправильном поведении человека. Нравственно оцениваются поступки или намерения человека? Почему говорят: «Благими намерениями вымощена дорога в ад?» Должны ли учитываться намерения преступника?

♦ Оправдывает ли цель любое средство ее достижения? Является ли Робин Гуд благородной личностью, если он грабит, чтобы содержать себя и друзей, а часть награбленного раздает нищим?

♦ Является ли мораль объективной? Что такое «нравственная оценка» и «этическое суждение»? Оправдано ли при характеристике поведения отождествление понятий «моральное» и «нравственное»? Следует ли считать синонимами прилагательные «аморальный» и «безнравственный»?

2. Природа морали

Становление человеческого общества (от лат. soci(etas) — общество и гр. genesis — происхождение, возникновение) шло параллельно развитию общественного сознания. В эволюции сознания человеческого сообщества наука выделила следующие последовательные стадии: миф, религия, искусство, мораль, право, политика.

Это цепочка родственных между собой форм общественного сознания, и потому в ней не просто предыдущие звенья механически сменяются последующими звеньями, а предыдущее звено вливается обязательной струей в последующее, не переставая при этом существовать самостоятельно, — отношения, как в большой семье.

Наряду с моралью, право и религия выполняют регулирующие функции, регламентируя социальное поведение и отношения в обществе. Однако способы, которыми они реализуют эти функции, не совпадают. Это разные социальные институты, с различным основанием, с различной системой контроля. Мораль, право и религия взаимодействуют, проникают друг в друга, но не могут полностью подменить один другого, у каждого — «своя вотчина».

2.1. Мораль и право

Мораль древнее, чем право. Право начало обособляться из морали в процессе зарождения частной собственности, когда появилась потребность в ее защите. Заметьте, право появилось как средство отражения посягательств не на жизнь, не на честь, а на капитал. Тут уместно напомнить, что мы уже рассуждали о такой особенности восточно-мусульманской ментальности, как синкретизм, а именно, о том, что религиозные, моральные и юридические нормы переплетены настолько, что их

нельзя отделить друг от друга, в то время как европейская культура мышления четко разграничивает компетенцию каждой. Результатом нерасчлененности знаний стало появление шариата – сборника теологических, моральных, правовых знаний и норм общежития в мусульманской общине (от араб. Шари'а – прямой путь; комплекс норм, вытекающих из предписаний Корана, включает в себя практические правила поведения (*аль-ибадат и ал-му амалат*), элементы религиозного догматизма (*аль-аканд*) и этики (*аль-ахлох*).

То есть, нельзя проследить со всей очевидностью процесс обособления права из морали в мусульманской культуре. Шариат и в настоящее время служит главным инструментом разрешения межличностных и социальных проблем в теократических государствах. Большинство же государств стоят на светских позициях, т. е. отделяют религию от законодательных, исполнительных и судебных институтов власти, тем самым от управления делами общества. Законодательства светских (правовых) государств освобождены из-под опеки теологии.

Право – зафиксированная система норм, наказывающая несоответствующее и стимулирующая должное поведение, охраняя таким способом права и свободы граждан. Право в буквальном смысле защищает жизнь, здоровье, собственность граждан. Обычно нормы права существуют в письменном виде, а требования морали разбросаны в религиозных, философских, художественных произведениях и в ритуалах народа. Содержание нормативно-правовых актов составляет защита тех же ценностей, что и ценности моральных и религиозных предписаний (не убий, не укради, не оскорби...).

Но нормы права отличаются, во-первых, четкой регламентацией ответственности за каждое деяние и, во-вторых, сопровождаются системой контроля за соблюдением нормы и системой мер наказания за ее нарушение. Если мораль регулирует поведение с помощью общественного мнения, осуждая или поощряя требуемое поведение, а религия – воздействуя на сознание своих адептов (лат. adeptus – достигший, приверженец какого-либо учения, идеи), то право обладает властью принуждать к соблюдению норм. Такую власть предоставляет праву государство: право для своей реализации нуждается в наличии органов насилия государства, но и государство без права - ничто. Нормы права приобретают силу закона – «*общеобязательного правила*» – благодаря репрессивному (лат.

репрессивно – подавление, карательный) аппарату, которого нет у «самой» морали.

Наличие у правосудия специального репрессивного аппарата волновало многих мыслителей. Насколько он необходим? Можно ли обойтись без него? Некоторые из мыслителей строили проекты устройства общества без насильственного принуждения к соблюдению норм общежития. Но общечеловеческий опыт свидетельствует, что это невозможно или, по крайней мере, пока не удавалось. Почему? Ответ дает русский философ С. Л. Франк: «Холодный и жестокий мир права, с присущим ему узаконением эгоизма и грубым принуждением, резко противоречит началам свободы и любви, образующим основу нравственной жизни; и все же всякая попытка совсем отменить право и последовательно подчинить жизнь нравственному началу приводит к результатам еще худшим, чем правовое состояние, – разнузданию самых темных и низменных сил человеческого существа, благодаря чему жизни грозит превратиться в чистый ад»[1]. Задача права – не дать воцариться аду. Поэтому третье отличие в содержании норм права в сравнении с нормами морали или религии в следующем: требования права – это «низший предел или определенный минимум нравственности»[2], тот минимальный, крайне необходимый уровень требований, несоблюдение которых означает гибель общества. Право необходимо, но одного только права недостаточно для гармонизации отношений между людьми. Нормы морали и веры шире по охвату всего разнообразия человеческих коллизий, чем нормы права. Право судит человека, мораль судит о человеке.

Право с его репрессивным аппаратом стоит на страже жизни, здоровья и собственности людей, вынося свои приговоры не за мотивы, а за результаты действий. Любой поступок, в том числе и противоправный, даже убийство (во имя любви, веры, заботы о других, свободы и т. д.) мотивируется личностью в категориях нравственности. Личность обосновывает свое поведение, используя те или иные позитивные ценности. Нередко мотивация поступка противоречит его содержанию. Большинство знает, какое поведение социально приемлемое, но на практике поступает прямо противоположно. Право, не под-

---

[1] *Франк С. Л.* Духовные основы общества. – М., 1992, С. 81.

[2] *Соловьев В.* Сочинения в 2 томах. Т. 1. – М., 1988. С.448.

давшись на благородство мотивации, наказывает его изоляцией от общества.

Помимо фундаментальных ценностей, право охраняет ценности, которые обусловлены идеалами, выдвинутыми общественным сознанием в качестве актуальных на данный момент. При смене ситуации, при переходе на другой этап развития происходит смена идеалов, и как следствие, пересмотр и норм права. Чаще всего такому пересмотру подвергаются нормы права, которые регулируют экономическую и семейно-бытовую сферы. Определенные нормы устаревают; например, устарело требование уголовной ответственности за инакомыслие (диссидентство, «нонконформизм»), за торгово-посредническую деятельность, («спекуляцию») и т. д.

Появляются новые нормы, в частности, законодательство Узбекистана предусматривает возможность избежать такой меры наказания, как лишение свободы для тех, кто компенсирует материальный урон, нанесенный государству в результате неэффективной или противоправной предпринимательской деятельности.

Ранее такой возможности не было. Или предлагается разработать систему уплаты алиментов семьями, которые отказываются от детей-инвалидов с детства, в случае их инвалидности вследствие ранних или родственных браков, алкоголизма и наркомании родителей, доказанных в судебном порядке. Приведенные примеры показывают, что нормы права, впрочем, как и требования морали, исторически обусловлены и потому изменчивы.

Нормы права и морали выступают как образцы должного поведения, но всегда находятся люди, которые выходят за рамки должного, «нормального» и/или «нормативного» поведения, которое принято называть «анормативным». Критическая масса *девиаций* (лат. deviatio – уклонение, отклонение), анормативного поведения приводит к пересмотру привычных, устаревших стереотипов и переоценке ценностей. И в этом смысле анормативное поведение необходимо. Но если отклоняющееся поведение приносит вред окружающим, ухудшает социально-психологический климат, то оно становится *делинквентным* (от лат. delinquens – правонарушение) и пресекается законом.

Нормы права и морали носят различный характер в смысле целеполагания, цель первого – недопущение или опреде-

ление степени вины нарушителя статей действующих кодексов — уголовного, трудового, семейного. Нормы уголовного права — это запреты, направленные на ограничение действия зла («отрицательное» содержание, запретительные требования); принцип юристов: разрешено и законно всё, что не запрещено; право не интересуется положительным (с точки зрения) поведением человека, в этом плане даже крайне бессовестные люди могут считаться правопослушными.

Нормы же морали не только порицают зло, но и предписывают должное, позитивное поведение, поощряют благие поступки и т. п. Для стражей закона, в первую очередь, объектом внимания являются поступок, деяние, выходящие за пределы правового поля. И лишь затем — побудительные мотивы. Недаром в ходу изречение: «Благими намерениями устлана дорога в Ад».

Основополагающие принципы современного права все больше выходят за рамки чисто юридических проблем. Как соизмерить преступление и наказание, как судить человека — в какой степени по его мыслям, в какой — по делам, как наказывать: человека или конкретный его поступок, исправляет ли тюрьма, исполнять или не исполнять смертный приговор и т. д. Ответы на эти вопросы лежат в основании современной концепции права, определяют его место в жизни общества, но не являются исключительной прерогативой юриспруденции. Они представляют собой сложные нравственные задачи, и в связи с этим можно обобщить, что этика во все большей мере детерминирует, предопределяет концептуальные принципы юриспруденции, т.е. гуманизируется.

Историческим прообразом первого правового акта было табу. Табу — это строгий запрет какого-либо действия в данном сообществе людей, а первым принципом наказания за преступления был принцип прямого соответствия: «око за око, зуб за зуб». Обязательность наказания по указанному принципу реализовывалась через месть. Отмщение есть начало формирования представлений о социальной справедливости. Постепенно представления менялись и стало ясно: людей удерживает от противоправных действий не столько суровость наказания, сколько его неизбежность; знание того, что противозаконное деяние человека будет отслежено и наказано, что «авось — пронесет», не сработает. Практика развитых в правовом отношении государств подтверждает: неизбежность

наказания эффективнее, чем его жестокость, поэтому они отказались от исполнения смертного приговора, расценивая его как форму мести со стороны государства и как нерациональное действие, ибо убийство преступника не исправит то, что он натворил.

Что касается воспитательной функции пенитенциарной системы (лат. poenitentiarius — покаянный, исправительный, относящийся к наказанию), то мы разделяем точку зрения А. Шопенгауэра, что «в основе *уголовного права* должен бы лежать тот принцип, что наказуется собственно не человек, а только *поступок,* для того чтобы последний не совершался еще раз... . По воззрению Канта, которое сводится к известному принципу воздаяния, наказанию подвергается не поступок, — а *человек.* Воспитание — это благодеяние, наказание — это страдание. Пенитенциарная система хочет одновременно осуществить и то и другое». Изоляция социально опасных сограждан, лишение свободы, условное наказание, административный штраф — меры пресечения преступлений: все они не исключают «второй шанс», — назовем так систему помощи оступившимся согражданам, систему реинтеграции их в общество. Данная система отражает уровень нравственного сознания общества, которое стало их воспринимать не как изгоев, а как оступившихся, но все же своих членов.

Какое же из направлений, этическая или правовая регламентация, становится доминирующей тенденцией в развитии современной цивилизации? На наш взгляд, правовая. Проще и эффективнее зафиксировать нормы отношений, продумав систему мер для их соблюдения. Эту тенденцию можно заметить в любой сфере жизнедеятельности: в семье (брачный контракт, устный или письменный), в работе (трудовой договор), в науке (правила ведения испытаний), в искусстве (авторское право) и т. д. Но в заключение хочется еще раз повторить: право *необходимо,* но *не достаточно* для регуляции и гармонизации социальных отношений. Достаточность обеспечивается нормами морали.

2.2. Религия и мораль

Что первичнее? Что является обоснованием другой? Первое выводится из второго или наоборот? Эта дилемма разрешается двояко. Приверженцы служебного предназначения веры

считают ее своеобразную систему наказания (ад) и поощрения (рай) механизмом укоренения моральных норм, т. е. рассматривают веру как дополнительный фактор обязательности исполнения моральных предписаний. Каждое верование обосновывает и освящает эти нормы, чтобы рационально убедить и эмоционально побудить выполнять их. Но «это обесценивает саму религию, служебная роль по отношению к морали»[1]. Оппоненты же утверждают, что заповеди нравственного поведения подарены Богом свыше, через своих пророков, вера первична и выше, мораль – дочь веры.

Мнение, что верующие соблюдают высоконравственные, высокогуманные заповеди (не убий, не укради, помоги ближнему, умей прощать...) только лишь из-за страха Божьего наказания, несколько примитивное. Соблюдение моральных норм становится имманентной привычкой, внутренним убеждением верующих и признается ими в качестве закона. Постулаты веры превращаются в законы личности, назовем этот процесс «самозаконодательством», поэтому истинно верующих отличает строгая требовательность к себе. Уже ранние теологи поясняли этот момент. Святой Августин (III–IV вв.) утверждал, что когда человек грешит, он делает это сам, а не судьба, случай или дьявол. Вера в существование Бога вовсе не снимает проблему личной ответственности.

яЭто обосновывали и представители Арабского Возрождения в учении о свободной воле. Подлинно верующий, вне зависимости от конфессии и того как он поклоняется Творцу, знает, что ему самому предстоит предстать перед Всевышним и отвечать за свои ошибки и грехи. Вспомним крамольного Омара Хайяма:

«Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделен,
На бирюзовый свод не возлагай угрюмо:
Поистине, тебя беспомощнее он[2].

Любое нравственное самосовершенствование начинается с момента признания своего несовершенства, своей вины. Но

---

[1] *Шейермахер Ф.Д.* Речи о религии образованным людям, ее презирающим. Монологи. – М., 1911. С. 22.

[2] *Омар Хайям.* Рубаи. – Т., 1981, С. 38.

не все с этим согласны. Постулат же религии безапелляционен: любой человек грешен. Если ты разделяешь эту истину, следующим шагом должно быть признание того, что ты не исключение. Светским этическим учениям не столь успешно, как религиям, удается учить этому началу нравственности — покаянию.

Существует ряд определенных принципов и ценностей, которые обосновывает любая религия, а параллельность отдельных мест из различных Священных Писаний удивительна: «Проявление терпения в гневе и прощение в случае причинения зла, и если они будут поступать так, Аллах защитит их. А враг их покорится им, будто близкий друг»[1], — это из хадисов, собранных Аль-Бухари; «Не мстите за себя. Оставьте место гневу Божьему», — из Библии.

Социологами замечено, что в периоды чрезвычайных событий (войны, революции, кризисы) резко возрастает религиозность общества. Разочарование в прежних ориентирах выражается в отказе от них, и это при отсутствии новых идеологических лозунгов. Неофитство (от гр. neophytos, неофит — новообращенный в какую-либо религию) становится массовым в нестабильные периоды развития. Вера в Бога как концепт жизни присутствует всегда в общественном сознании, усиливая или ослабляя свои позиции. Почему? Концепт жизни, основанный на вере, помимо рационально-целостной картины мира дает и эмоционально-психологическую поддержку в виде надежды на покровительство и сочувствие свыше, из неземных сфер. Вера в Бога — это прежде всего обращенность вовнутрь себя, поиск решения личных проблем через праведность собственной жизни, через изменение себя, а не внешнего мира. Работа над собой и своими близкими — наиболее эффективный и доступный всем способ изменения ситуации, причем ненасильственный.

Однако такой трудный путь само-преобразования устраивает не всех. Сторонников насильственных, радикальных мер можно найти в любой конфессиональной среде. На рубеже тысячелетий отмечается рост религиозного экстремизма, главная форма выражения которого — терроризм (от лат. terror —

---

[1] *Мухаммед Бин Джжамиль Зину.* Достоинства Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. О высоких нравственных и этических нормах ислама. — М., 1999. С. 88

страх, ужас), политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами. Если обратиться к этическому категориальному аппарату, то терроризм, наверное, самое очевидное нарушение морального закона *соответствия средств* достижения характеру *цели*.

Религиозное мировоззрение не может оставаться позитивным, переходя известный предел своей радикализации, пренебрегая накопленным веками гуманистическим багажом. Экстремизм больше компрометирует адептов того или иного религиозного учения и само это учение, чем обеспечивает ему рост числа приверженцев. В этом заключена обреченность данного метода решения как социально-экономических, так и собственно конфессиональных проблем. Многие моменты истории человечества демонстрируют бесперспективность агрессивных способов переделки миропорядка, которые либо терпят фиаско, либо имеют совсем «не тот» результат. *Homo ethica* — человек нравственный прежде всего *homo capiens* — человек разумный. Поэтому разум и его непременная составляющая — нравственность решительно не преемлют экстремизм во всех его проявлениях.

Этика связана с религией генетической связью. Этика появилась и развивалась в лоне религии. И уже только поэтому религиозные и нравственные законы не могут противоречить друг другу, и вера не может породить такое безнравственное явление, как терроризм. Терроризм, согласно его определению, — политическое средство, использующее религиозный концепт для обоснования своих целей. Упрощенный взгляд на религию (любую) — характерная черта современной культуры и является результатом перехода от элитарности к массовости. Данному положению вещей способствует непросвещенность новообращенных в вопросах религии. Отсюда и профанация — искажение и опошление подлинной сути учения. Изучение священной книги происходит со слов домлы-интерпретатора, у которого есть правило *«иджтихад»* — способность и право на интерпретацию. Ранее право интерпретации текстов священных книг предполагало достаточно длительную подготовку и давалось не каждому.

Это право требовалось заслужить соответствующим нравственным поведением. Подготовка означала, прежде всего, индивидуальный диалог со священной книгой в медресе, или монастыре, и т. п. И сейчас знакомство с Писанием для па-

ствы в большинстве случаев происходит через интерпретаторов, правда, не столь академически образованных и небезупречных с точки зрения нравственного поведения. Тем не менее, подобная практика дает возможность адаптировать учение к жизненным реалиям.

Священные тексты столь разнообразны и даже местами противоречивы по смыслу, заключенные в них сентенции столь неоднозначны, что в них можно найти подтверждение «свыше» почти любому утверждению. Когда, например понадобились для раненных в ирано-иракском конфликте искусственные трансплантаты кожи, которые изготавливаются из свиной кожи, то теологи нашли в Коране обоснование возможности использования этих трансплантатов. Многое зависит от личности, интерпретирующей те или иные библейские или коранические сентенции, от ее представлений и целевых установок. Терпеть или сопротивляться, простить или наказать? Что выберет данный конкретный субъект? Общая картина мира зависит от того концепта, который выбрал познающий. Концепт – это элемент картины мира, определенным образом понятый человеком и определенным образом соотнесенный с другими элементами картины мира[1].

Воинствующий фундаментализм и терроризм не вытекают безусловно из Корана, даже если использовать те места, где говорится о мести и джихаде. Ведь и в Евангелиях нет призывов к крестовым походам и сжиганию «еретиков» на кострах Инквизиции. Кто-то в исламе видит, в первую очередь, призыв к джихаду, а кто-то – слова приветствия мусульманина: «Ас-саляму алляй-кум, ва рахмату Аллахи ва баракяту-ху» – «Мир вам, милость Аллаха и его благословения».

Во второй суре 186 аята Корана в переводе Т. С. Саблукова сказано: «Сражайтесь на пути Божьем с теми, которые сражаются с вами; но не будьте несправедливы»[2]. Тот же аят в переводе И. Ю. Крачковского: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, которые сражаются с Вами, но не преступайте (то есть не нападайте) – поистине, Аллах не любит преступающих»[3]. Переводы разнятся, но одно бесспорно: здесь нет призыва к аг-

---

[1] *Кац Л. В.* Концепт и языковая картина мира. / Лингвистика на рубеже веков: итоги и перспективы. – Самарканд, 1997. С. 4.

[1] Коран. Перевод с арабского языка Т. С. Саблукова. – Казань, 1907. С. 55.

[3] *Костецкий В.* Читая Коран. – Т., 1994. С. 35.

рессии, скорее указание не выходить за пределы «необходимой самозащиты». Предвосхищая вопросы о том, почему Аллах не наказывает неверных или безбожников, не мстит за себя, в 47 суре приведены следующие слова: «Бог, если бы захотел, Сам бы за себя отомстил им; но Он хочет одних из вас испытать другими» (47:50). Неверующий – это испытание для верующего, и важнее бороться не с ним, а с собственным неверием, с собственными проблемами, хранить собственную чистоту отношений с Богом.

Сегодня большинство конфликтных ситуаций и проблем (вооруженная борьба, терроризм, наркобизнес) связано с мусульманским миром. Мы солидарны с Г. И. Мирским, в том, что следует различать ислам и политизированный ислам, использование ислама в политических целях: «Ислам как таковой не является верованием, которому внутренне присущи экстремистские и, тем более, террористические интенции. В нем, как и в любой религии, можно найти постулаты, которые при особом желании нетрудно интерпретировать в качестве призывов к нетерпимости, к борьбе с «неверными» и даже к насилию, однако, если задаться иной целью, то точно так же можно подобрать и прямо противоположные положения»[1]. Есть объяснение, что «возникновение исламского фундаментализма может рассматриваться как симптом того, что мусульманская цивилизация приспосабливается, а не отходит от современности»[2], то есть модернизируется.

В советский период духовная элита Узбекистана была крайне ограничена в своей деятельности и испытывала притеснения, прежде всего по идеологическим мотивам, мусульмане оказались оторванными от зарубежных братьев по вере, была значительно сужена система религиозного образования. Ислам сохранялся на бытовом уровне, возник синкретический ислам, в котором исламские нормы смешались с доисламскими традициями.

Религиозный экстремизм, основанный, например, на ваххабизме, строится на идеализации раннего ислама. Одна из причин его возникновения – реакция на процесс вестернизации (от

---

[1] *Мирский Г. И.* Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия. // Полис. – 1998. – № 2. С. 78.

[2] *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Плюрализм или обособление цивилизаций? Тезис Хантингтона о будущем мировой политики в восприятии российского внешнеполитического сообщества. // Вопросы философии. – 1998. – № 2. С.18-34.

англ. wester — запад; процесс универсализации не только производства, но и образа жизни и культуры по западному образцу), активный период которого начался в XIX веке. Диктат вестернизации, нивелировка национальных самобытностей, усугубленные неоколониалистским построением мировых экономических взаимоотношений богатого Севера и бедного Юга, вызвали противостояние им в столь неожиданных извращенных формах.

Единственный выход — это усиление толерантности, признание самобытности друг друга и конвергенция духовно-нравственных ценностей, а также снижение социально-экономических и культурных издержек глобализации. Путь насилия вместо диалога культур непродуктивен и противоречит инстинкту самосохранения человечества.

Религия, традиционно осуждая алчность и стяжательство, бездуховность и эгоизм, призывает человека к глубоко нравственному отношению к жизни, например, приветствует умение ограничивать себя, свои желания, в том числе и физиологические. «О, Аллах, я прибегаю к Твоей защите от скверных нравов, дел, страстей и болезней» (Ат-Термези). В большинстве своем нормы морали, изложенные в священных книгах, созвучны общепризнанным гуманистическим идеалам. Религии мира культивируют в человеке духовную стойкость перед лицом невзгод и лишений, способность не ожесточаться, умение прощать (т.е. великодушие), сострадательность. Искреннее обращение к Богу позволяет сохранить или обрести равновесие и гармонию массам людей, не нашедших других источников утешения и ободрения.

Поэтому, наверное, верующие меньше болеют, а исповедь своих грехов Богу или священнослужителю имеет психотерапевтический эффект. Если коснуться практической стороны, то в традиционном мусульманском обществе основным регулятором отношений выступает община. Благо общины ставится выше личного, а неравенство частично компенсируется благотворительностью или покровительством сильного (богатого) члена общины над слабым. В семье — старшего над младшим, мужчины — над женщиной. Корпоративность, нивелировка индивидуальности — характерные особенности традиционной исламской этики[1].

---

[1] *М. Тохтаходжаева.* Между лозунгами коммунизма и законами ислама. Т., 2000.

Наряду с этой, существует и другая характеристика мусульманской этики: «Этика Корана считается с человеческими возможностями и обстоятельствами, в ней нет абстрактного ригоризма. В этом смысле она снисходительна к человеку»[1], придерживается принципа *«шари»атка ва шароитка караб»* (трактовка заповедей с учетом обстоятельств) и признает право на собственное мнение.

Отсутствие в конфессиональной иерархической структуре ислама единого центра и духовного лидера (аналогичного Папе Римскому у католиков) дает больший простор для толкования и интерпретаций догматов и предписаний Корана с целью их адаптации к конкретным жизненным ситуациям. Это раскрепощает мысль от излишней регламентации и насаждения единомыслия. Запреты и осуждение под предлогом «отступления» от канонов прогрессивно мыслящих людей и преследование их как «еретиков» и «богохульников» при наличии многих центров духовной власти менее действенны и менее «легитимны», чем в условиях обязательного подчинения масс верующих и всего духовенства авторитету и вердиктам одного человека и его окружения. У этой относительной автономности есть наряду с плюсами и свои минусы.

Появляются крайне радикальные, даже экстремистские истолкования сентенций из Корана, которые кладутся в основу идеологии и практики терроризма. Традиционный ислам их осуждает и дистанцируется от них, видные духовные авторитеты призывают одуматься и не компрометировать учение Пророка преступными действиями.

Но отсутствие строгой иерархии и обязательности выполнения указаний вышестоящих инстанций не позволяют в должной мере влиять на умонастроения верующих и на общую моральную атмосферу в сложных социально-экономических и политических ситуациях.

Широкий диапазон толкований от допущения употребления спиртного и строительства памятников до вахаббистско-талибской разновидности фундаментализма с массой жесточайших запретов говорит о том, что связь морально-эти-

---

[1] *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. – М., 2000. С. 108-109. – С. 110.

[2] *АльГазали.* Воскресение наук о вере. - М.: Наука, 1980. - С.88.

[3] *Розенталь Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978, С. 47 (372 с.)

ческих критериев с религиозными канонами становится менее очевидной и прочной с изменением миропонимания.

Вера как миропонимание во многом задает параметры жизнедеятельности человека и оценку его поведения через то, что именуется *адаб*. Трудно подобрать соответствующее ему понятие из европейской философии (этики). Оно объединяет собой общую *образованность*, собственно *этику* и *поведение*, его упрощенно можно свести к одному слову, «воспитанность».

Этикет также входит в *адаб*, точнее, нормы этики получают выражение через ритуалы этикета. Самый значительный момент этого триединства — требование практической деятельности в соответствии с пониманием норм морали и нравственности. Не столько догматика, сколько именно учение об *адабе* служит одной из основ формирования современной этики мусульман.

2.3. Нравственность и духовность

Совпадают ли эти понятия? Они пересекаются, но не совпадают полностью. Существует, по меньшей мере, три подхода к интерпретации понятия «духовность»:

- теологический — связь между человеком и Всевышним;
- иррациональный — внутренняя энергетика человека;
- аксиологический — совокупность ценностей.

Если придерживаться понимания духовности как совокупности ценностей, то именно система ценностей объединяют в одном ряду духовность и нравственность, так как ценности входят и в структуру морали. Духовные ценности не исчерпываются лишь нравственными.

В содержание духовных ценностей общества входят и исторический опыт, и научные достижения, и произведения искусства, и интеллектуальное богатство, и уникальные в своей неповторимости традиции и, конечно же, нравственные идеалы. Если духовные ценности это аккумуляция значимых достижений развития данного социума во всех областях жизнедеятельности, то нравственные ценности — значимые ориентиры в регуляции социальных взаимоотношений.

Под духовными ценностями понимаются, казалось бы, совершенно разнопорядковые объекты: исторические памятники, художественные раритеты, фольклор, литература, выска-

реализуется на практике принцип социальной справедливости, где нет безработицы, а нации постепенно сливаются в новый этнос — советский народ.

Коллективизм, готовность к самопожертвованию ради общественного блага, декларировались и поощрялись в качестве главных нравственных качеств. Действительно, государство, образованное на месте Российской империи, сумело осуществить скачок от среднеразвитой аграрной страны в ряд ведущих промышленно развитых держав несмотря на непомерные трудности, ценой огромных людских потерь, точнее, благодаря им, и еще благодаря массовому энтузиазму народа, эксплуатации его нравственных идеалов.

Однако очередной мировой экономический кризис конца восьмидесятых годов XX века выявил неспособность прежней командно-бюрократической системы пережить это испытание. Курс на модернизацию получив название «ускорение», предполагал рост темпов и эффективности производства, чего, как стало ясно, не достичь без более глубоких преобразований всех сфер жизнедеятельности. Новый курс назвали «перестройкой». В духовно-нравственной области она выразилась в «гласности» — снятии многих цензурных запретов. Это был особый феномен, шестилетний период критического пересмотра прежних взглядов, период «нового мышления», очистительной духовной работы.

Давно замечено, что и отдельный человек и общество в целом, испытывают острую потребность задуматься о своем нравственном состоянии и истинности выбранного пути только при явных признаках неблагополучия и серьезных трудностях.

А иногда даже их недостаточно. Если аналогичная советской система управления в Китае нашла пути для мощного экономического роста, не меняя своей природы (однопартийный тоталитаризм), то советская модель оказалась нежизнеспособной. Логика событий привела к тому, что СССР распался на отдельные самостоятельные государства, начавшие методом проб и ошибок выстраивать свои национальные модели развития и собственные идеологии. Естественно, эти процессы не прошли бесследно для экономики новых независимых государств (ННГ). Экономический спад и социальная дифференциация обострили ситуацию в духовной и нравственной областях. В нравственном сознании общества произошла коренная трансформация, резкая переориентация с одних ос-

зывания учителей нации — великих поэтов и писателей, дающихся политических деятелей. Что же их объединяет, т нее, позволяет объединять в единую группу социально-зна мых явлений для развития данного социума? В них воплощ синтез истины, добра и красоты[1]. Почему неблаговидный ступок называют — «некрасивым», хотя подразумевают эт ческую оценку поступка? Почему мы говорим — «истина пр красна», или «истинная красота», а про доброго человека г ворят, что у него прекрасное сердце? Единство тр составляющих рождает гармонию, и появляется ценность.

Что еще характеризует то, что именуется ценностью? Ее н обходимость и следовательно — востребованность. Ценности по тому являются ценностями, что в них нуждаются, их хотят имет следовать им. Ценности — это форма выражения потребности (С Г. Дробницкий). Возьмем в качестве примера усердный труд. Нуж дается ли общество в нем? А любовь? Коллективизм? Непрере каемость авторитета старших? Таким образом, можно сделат обобщение, что то или иное социальное требование-качество м моральном плане к личности или социуму лишь тогда становит ся ценностью, когда оно востребовано и в нем есть гармоничное сочетание вышеназванных достоинств (гармоничность).

Мировоззренческий кризис, вызванный пересмотром социально-экономической доктрины социализма и политикой «двойных стандартов» со стороны либеральных кругов рыночных демократий Запада, сделал актуальным формирование новой системы взглядов, т.е. ценностных ориентиров для осмысления законов развития общества на новом этапе.

Этическая проблематика, проблематика добра и зла, справедливости и несправедливости, достойного и недостойного тесно переплетается с проблемой мировоззренческих основ бытия, без четкого представления о которых происходит деморализация личности от бессилия адекватно реагировать на все вызовы времени. Осмысление ситуации в духовно-нравственной сфере требует небольшого исторического экскурса.

К началу 80-х годов позитивный потенциал централизованного развития экономики истощился, хотя кризис не осознавался еще со всей очевидностью. СССР по-прежнему воспринимался многими как мощное государство, имеющее ядерное оружие, лидер мировой системы социализма, где

---

[1] *Кондрашов В. А.* Этика. , С 228.

новополагающих ценностей на другие. Частная собственность (собственность на средства производства), в которой прежняя доктрина видела корень всех социальных зол и причину отчуждения человека, средство эксплуатации одних людей другими, была официально «реабилитирована», так же, как и коммерческая деятельность (перепродажа товаров), относимая по прежним критериям к спекулятивным операциям. Вместо слов «делец» в обиход вошли слова «предприниматель», «предприимчивость». Материальный интерес был объявлен главным стимулом и двигателем развития общества. Бескорыстие и энтузиазм лишались героизации и романтизации. Умение обходиться малым («бессеребренничество») противоречило духу и принципам рыночных отношений, которые действенны лишь при растущем и устойчивом спросе. Если цену труда определяет рынок, а личность реализуется через труд, значит уровень зарплаты отражает степень самореализации личности.

Духовные ценности и воспитанные на их основе духовные качества в роли товара не столь прибыльны, как ценности материальные, которые служат главным объектом потребительства. Сочувствие и сострадательность мало совместимы с принципом конкуренции. Девиз дороже продать свой труд где угодно и кому угодно или где повыгоднее вложить капитал малосовместим с чувством патриотизма. За десять с небольшим лет, ничтожно малый срок по историческим меркам, нравственное сознание общества пережило коренную ломку, усугубленную очевидным расхождением между либеральной риторикой и реальным поведением государств на международной арене, а также констатацией того факта, что на смену противостоянию социально-политических систем пришли новые вызовы и угрозы, носящие часто непредсказуемый характер.

Со стабилизацией благодаря проводимым реформам социально-экономического развития, происходила стабилизация и состояния нравственного сознания граждан. Провозглашение новых целей государственного строительства сопровождается утверждением новых ориентиров, в первую очередь, провозглашением курса на возрождение богатейшего духовного наследия Узбекистана, с его актуализацией в новом историческом контексте. Однако проблема в том, что сам этот контекст с трудом поддается «прочтению» и анализу из-за крайней сложности и противоречивости его парадигм.

Время от времени в обществе поднимается и дискутируется вопрос о противоположности или противостоянии западной и восточной цивилизаций, о растущем конфликте между ними. Вспоминают о том, что в восточной философии весьма слабо разработана категория свободы, что Восток – это фатальность, а представители восточных культур критикуют Запад за гипертрофированный индивидуализм.

Новый импульс подобным дискуссиям придала идея о том, что основной источник конфликтов в новом мире будет порожден не различием идеологических доктрин или соперничеством национальных экономик, а главным образом несовместимостью культур[1], важнейшим стержнем которых является традиционная нравственная культура. Американский политолог Хантингтон написал статью о том, что среди незападных цивилизаций происходит возврат к корням, рост национального и религиозного самосознания, а так как конфуцианская и мусульманские цивилизации в демографическом отношении заметно опережают своих христианских «оппонентов» и непредсказуемы в своей политике, это представляет угрозу для европейской цивилизации. Его статья вызвала бурную реакцию во всем мире. К сожалению, через несколько лет после публикации статьи беспрецедентный терракт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке словно окончательно подтвердил обоснованность этих опасений.

Действительно, последние десятилетия XX века и начало XXI века характеризуются неоднозначными, часто болезненными, процессами в межэтнической и религиозной сферах. Ушли в небытие два союза государств — СССР и Югославия, распалась Чехословакия, появились новые независимые государства. Тлеют застаревшие этнические конфликты на ближнем Востоке, в Индии, Испании, Индонезии, и т. д., нарастают волнения с эксцессами в европейских странах на почве непродуманной миграционной политики, породившей не натурализацию и культурную адаптацию, а неприязнь между коренным населением и выходцами из бывших колоний.

Узбекистан также стал непосредственным участником глобальных перемен. Рост национального самосознания узбекского народа выразился в том, что был провозглашен курс на укрепление национальной независимости и собствен-

---

[1] *Хантингтон С.-Г.* Столкновение цивилизаций? // Экономическое обозрение. – 1998, - № 1. С.

ную модель развития республики с принятием на себя всей ответственности за сделанный выбор. Более серьезное внимание стало уделяться возрождению национального самосознания, самоидентификации узбекского народа, исследованию вопросов национальной ментальности, ее воздействия на выбор путей и средств строительства правового высокоразвитого государства, определению своего места в мировом сообществе.

В Республике Узбекистан наблюдается, как выражается Хантингтон, возврат к корням, или, как принято говорить в отечественной литературе, возрождение духовных ценностей узбекского народа. И если рост национального самосознания в странах, которые так или иначе зависели от Запада, был вызван издержками процесса вестернизации (глобализации), унификации образа жизни по образу и подобию Запада, то в бывших республиках СССР – чрезмерной централизацией, ускоренными процессами культурной ассимиляции и воинствующим атеизмом.

Тем не менее, возрождение многовековых духовных ценностей народа не означает реакцию отторжения всего, что было достигнуто трудом и талантом трех последних поколений в сфере культуры. Удалось преодолеть крайности начала 90-х годов, когда деидеологизация общественного сознания оборачивалась повальной заменой положительных оценок на отрицательные в отношении недавнего прошлого, апологетикой рыночных механизмов вплоть до почти их фетишизации, желанием в упор не замечать деструктивные моменты коммерциализации сферы культуры и в целом общественного уклада жизни и сознания людей.

На данном этапе возобладали более взвешенные подходы к оценке реалий государственного и культурного строительства периода 20-х—80-х годов — так называемого «тоталитарно-колониального периода» (в Азербайджане аналогичный период часто именуют «ограниченным суверенитетом»). Признано важным умение достойно представлять миру уникальность и самобытность узбекского народа, его неповторимость, в том числе и в области духовно-нравственных достижений, для чего необходимо всестороннее изучение и овладение своим культурным наследием во всем многообразии его связей с мировой культурой.

Что касается прогнозов Хантингтона, то «бархатный занавес» между цивилизациями не станет символом безнадежного антагонизма, если на диалоге культур не будет печати экономического подавления слабых сильными.

Конвергенция, движение навстречу, толерантность, а не столкновение, приспособление друг к другу — единственно продуктивный путь развития. Безусловно, мировое сообщество будет вынуждено признать такой курс единственно приемлемым. Заметим, что отторжение, как правило, вызывает не подлинная культура, а ее коммерческие суррогаты, не своеобразие образа жизни, а рецидивы бескультурья у части населения. Словом, образованность и воспитанность, широкий кругозор — лучшая почва для толерантности и решения межэтнических и межконфессиональных проблем.

Вышесказанным не исчерпывается вопрос взаимоотношений Запада и Востока. Есть немало сторонников мысли о том, что западная рациональность (прагматичность) нуждается в восточной духовности, что в восточных учениях есть неиспользованный потенциал. На уровне гражданского общества даже возникла устойчивая мода на увлеченность восточной философией (например, индийской, китайской, японской). Культуры народов при всем их соперничестве за «место под солнцем» не отрицают, не упраздняют друг друга, а наоборот, дополняют и обогащают друг друга новыми традициями и свежими идеями.

Что составляет главную черту духовности? Гуманность, «дух человеколюбия», «богоподобная гуманность», «идеальная человечность», «общечеловеческая солидарность»? Как бы ее ни называли, эта черта отличает человека в ряду других живых существ, и как утверждал немецкий мыслитель И. Г. Гердер: «Никто еще не открывал в человеческом мозге мозг духовный — зародыш будущего человеческого существования». И, наверное, не откроет, так как дух, духовность есть результат развития культуры и нравственности, как отдельного индивида, так и всей нации. Духовность не «вырабатывается» физиологическим органом. Она есть совокупность идеальных ценностей, продукт воспитания мудрым словом и достойным примером.

2.4. Идея национальной независимости и категории этики

В конкретное сообщество (группу) люди как правило объединяются на основе общих признаков и интересов (в обыденной речи под «интересом» подразумевают увлечения, хобби).

Признаки объединения могут быть самыми разными: пол, возраст, гражданство, национальность, уровень дохода и образования, профессия, здоровье, предмету увлечения и т. д. Если объединение характеризуется общими признаками, то его участники имеют общие интересы.

В данном случае *интерес* — это отношение субъекта, группы людей к своей потребности. Общие потребности порождают, в свою очередь, общие цели как идеальный (про) образ желаемого, необходимого. Потребности, интересы, цели осознаются в виде определенной совокупности идей, которая именуется идеологией.

Идеология во первых, не просто совокупность идей, но также совокупность целей, к которым стремится данная группа приверженцев этих идей; во-вторых, она не просто совокупность теоретических представлений и взглядов, а совокупность представлений сквозь призму групповых интересов. Информация в идеологии служит интересам, целям данной группы. Специфика идеологической доктрины в том, что ее функция — не поиск и установление научных истин, а утверждение в сознании общества уже сформированной модели представлений о тех или иных явлениях и фактах

В тоталитарных обществах господствующие идеологические взгляды имеют статус официальных доктрин и исключают научный поиск вне рамок этой доктрины. В демократических обществах поле поиска намного шире, но борьба за умы людей ведется нередко при помощи финансово ангажированных СМИ и «административного ресурса», дозирующих и фильтрирующих поток информации.

Безыдеологических обществ не существует. После обретения независимости был продекларирован отказ от прежнего типа социально-экономического устройства. Попутно с ним продекларирован отказ от прежней (советской) идеологии. Общество всегда пересматривает идеологию на поворотных этапах истории. Стержневыми идеями идеологий других стран являются, например, идея приоритетности прав человека и особой миссии США в установлении мирового порядка, идея особого пути Китая и т. д. Возникла задача поиска стержневой идеи для нового государства — Республики Узбекистан.

В качестве таковой была сформулирована идея перехода к рыночной экономике «с человеческим лицом», с социально гармонизированными рыночными отношениями. Переход к

рынку не был самоцелью, рынок — не панацея, некоторые его черты удалось с самого начала скорректировать в сторону меньшей поляризации уровней жизни. Среди предлагаемых поначалу идей большинство носило декларативно-популистский характер не без националистического привкуса. В Центральной Азии с толерантной ментальностью ее народов это не нашло отклика. Трудности начала 90-х годов оживили настроения неверия в свои силы, подогреваемые пессимистическими прогнозами из бывшего союзного Центра о неготовности республик самостоятельно решать свои проблемы. Ясно читался намек «идти на поклон» за помощью, да ещё к тем, кто насаждал у себя «дикий рынок» с волной заказных убийств при переделе государственной собственности и расстреливал парламент из танков. Президент первым предложил сплотить узбекистанцев идеей создания полноценной, в меру самодостаточной экономики на основе большого человеческого потенциала и уникальных природных богатств.

В основу новой идеологии легли три главных постулата:

— народ должен получить право самостоятельно распоряжаться национальными природными богатствами;

— строить самостоятельную политику на международном уровне;

— самостоятельно определять пути развития национальной культуры и модели экономического строительства.

Идея национальной независимости — та интеллектуально-нравственная сила, тот локомотив, который успешно потянул всю громаду реформ. Стремление к независимости от внешнего давления является организующим началом для консолидации всех патриотически мыслящих людей.

Независимость — первая ступень самостоятельности, а самостоятельность это возможность решать и выбирать, неся полную ответственность за свой выбор. Свобода и ответственность относятся к этическим категориям.

Парадокс категории «свобода» состоит в том, что свобода налагает бремя ответственности за реализацию и результат принятых решений: нельзя будет списывать неуспех ни на отсутствие самостоятельности в распоряжении ресурсами, ни на чуждую менталитету народа систему общественного устройства. Спрос за просчеты только с самих себя.

Не случайно мыслители прошлого и настоящего считают свободу тяжелой ношей: «В борьбе за свободу внимание всегда

было сконцентрировано на ликвидации *старых* форм власти и принуждения; в результате естественно появление такого чувства, что, чем больше этих традиционных форм принуждения уничтожено, тем свободнее стал человек.

При этом мы не в состоянии увидеть, что хотя человек избавился от многих старых врагов свободы, в то же время появились новые враги; причем этими врагами становятся не столько разного рода внешние препоны, сколько внутренние факторы, блокирующие полную реализацию свободы личности» [1]. Другой нитью, связывающей идею национальной независимости и этику является потребность идеологов в этической мотивации идеологии.

«Воробей»

У этой серенькой неприметной птички всех стран и народов есть отличительное свойство: она никуда не улетает. Ни на зимовку, ни для выведения птенцов. Умудряется находить корм всегда и везде. Бойкий такой рядом с огромной и черной до синевы вороной, без ярко желтого клюва, как у нахального афганского грача воробей неизменно вызывает симпатию. А почему?

Идеология не распространяется сама по себе; ее популяризация это целенаправленная деятельность в отличие от общественной морали, которая формируется во многом стихийно. Общественные идеологические институты используют для усиления своей аргументации категории этики. Например, такую категорию как «патриотизм».

Патриотизм — чувство преданности своему отечеству, месту, где произошла социализация личности. Патриотизм — это любовь не к общественной системе, а к родине (хотя и древние греки и римляне, как и некоторые другие народы в более поздние века гордились именно законами своих отечеств, своими свободами и гражданским достоинством). Патриотизм — это социально-воспитуемое чувство.

Конечно же оно нуждается в рациональном обосновании, но включает в себя элемент эмоциональной привязанности. Патриотизм не следует путать с адаптацией. Патриотизм рождает желание активно участвовать в переменах к лучшему в своем Отечестве. Как и все другие категории этики, его опасно абсолютизировать, поскольку люди психологически склон-

---

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы. —М., 1998. С. 95.

ны объяснять трудные и сложные моменты родной истории сугубо внешними факторами, использовать «двойные стандарты» для «своих» и «чужих».

2.5. Происхождение и природа морали

Где источник морали? Одни (линия Герберта Спенсера) находят ее или в окружающей природе или в природе (натуре) человека, другие (линия Платона) – за пределами природы, вне человека. Представители первого направления утверждают, что: «...зло в природе и в человеке, как физическое, так и нравственное, – такое же естественное последствие жизни природы, как и добро...

Сама природа внушает здоровые нравственные инстинкты» (П.А. Кропоткин). Иными словами природа – первый учитель этики. Природа наделяется ценностным духовным содержанием т.е. здесь отождествляется биологическая целесообразность с нравственным началом.

Однако христианское положение о первородном грехе (любой человек от рождения грешен) характеризует, как греховную, ту совокупность инстинктов человека, которые он получает при рождении. И ему в обязанность вменяется их «окультуривание». Что за пресловутая «природа» человека, его «натура» и почему природа человека греховна?

Можно ли безапелляционно заявлять: «Ни одно учение, самые совершенные религии и моральные учения не изменили природы человека»[1]? Что же тогда меняется в человеке, если меняется? Да, биологически человек не меняется, точнее, неизменны инстинкты (хотя антропологические параметры незаметно меняются. Исследователи фиксируют, в частности, маскулизацию женщин, феминизацию мужчин, увеличение роста, облысение и т. д.). Но под природой человека обычно подразумевается сущность человека, а разве ее можно свести к совокупности инстинктов? Следует ли менять понимаемую так природу? Сами по себе инстинкты ни хороши, ни плохи. Это навыки выживания. Человек живет не среди животных, и поэтому объяснять социальные отношения лишь биологическими законами, по крайней мере, примитивно: «Ес-

[1] *Руткевич А. М.* Анатомия деструктивности. // Вопросы философии. – 1991. – № 9. С. 161.

тество человека в принципе не биологично. Его тип жизни (в том числе – и морфофизиологическая активность жизненных процессов в организме) – это как раз *неспособность к* онтогенетической *индивидуальной реализации* общих всем животным витальных потребностей»[1] (*курсив наш*).

В последней четверти XX века была предпринята новая попытка синтезировать биологию и общественные науки. Е.О. Уилсон, американский энтомолог, специалист по изучению насекомых, заложил основы новой дисциплины – социобиологии, задача которой – представлять схемы для объяснения социального поведения на базе наблюдаемых явлений в животном мире. По его мнению: «Наступило время изъять этику из рук философов и биологизировать ее». Его выводы строятся на допущении мысли о том, что эволюционный процесс един, что нравственные качества генетически предопределемы.

Проводят аналогии также между социальными законами и законами физики. Соответствие между ними существует, иначе человеческий род не выжил бы. Но прямая экстраполяция законов физики на нравственную практику неправомерна. По законам физики, всякое действие рождает противодействие. Если следовать этой формуле, добро рождает зло, а зло – добро? Возьмем закон сохранения энергии. Если где-то прибавилось счастья, по данному закону где-то его стало настолько же меньше? Только в физическом мире положительные и отрицательные заряды притягиваются, в мире взаимоотношений людей человека вредного и злого раздражает доброжелательность положительного человека, они отталкиваются, в человеческом обществе подобное чаще всего склонно к подобному.

Еще Беруни писал, что природа – пример и справедливости (порядка), и органического зла. Заложенное в природе развивается без принуждения, «автоматически»; нравственность же – осознанность, осмысленность намерений и дел. В человеке всегда идет борьба со склонностями, соблазнами, стремлением к наслаждению, конфликт интересов, приоритетов выбора. Если источники (мотивы) поведения заключены в биологии человека, то он ни за что не отвечает, не несет ответственности за свой выбор; так как «такова его природа», он так генетически запрограммирован. Тогда следует согласиться с тем, что вся ответственность перекладывается на бессознательное, которое как бы

---

[1] *Михайлов Ф. Т.* Самосознание, мое и наши. М., 1997. С. 127.

не подчиняется человеку. Если руководствоваться подобными взглядами, то зло подлежит исправлению посредством медицины, что предлагает евгеника (гр. eu — хороший и genos — происхождение), теория улучшения человеческой породы.

Если нравственные ценности предопределяются природой, биологической целесообразностью, то утрачивается необходимость в их приобретении; если природных инстинктов достаточно для гармонизации отношений, то обоснование нравственных норм излишне и бессмысленно; если достаточно одних инстинктов, то люди — одна из разновидностей животны, не более.

Однако никто из мыслителей не считает человека животным. Даже если и называют его животным, то «общественным, политическим животным» (Аристотель, Ибн Сина), подразумевая тем самым их принципиальные отличия. Великий биолог К.А. Тимирязев подытожил: «Учение о борьбе за существование остается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование»[1]. Человек облагораживает природное начало в себе. При этом он исходит из своих нравственных идеалов, действуя временами в соответствии с инстинктами, но чаще противостоя им и даже подавляя некоторые из них.

Из природы, которая сама по себе нейтральна, одни выводят склонность к взаимопомощи, альтруизму и т. д., другие — к агрессии, подавлению слабых. Сторонники обоих мнений, каждый в силу своего миропонимания, объясняют это инстинктом выживания, самосохранения. С одной стороны, «...чувство взаимопомощи, справедливости, нравственности глубоко заложены в человеке со всей силой прирожденных инстинктов» (по П.А. Кропоткину), а с другой — действует естественный отбор, «классовая» борьба в природе, т. е. падающего следует толкнуть (по Ф.Ницше). Последнее — социально-дарвинистские взгляды — результат распространения теории естественного отбора на человеческое общество.

Напротив, можно отчасти согласиться, что теория естественного отбора есть результат распространения социальных теорий на природу. Ч. Дарвин пишет в своей автобиографии: «В октябре 1838 г. я для развлечения читал трактат Мальтуса о

---

[1] *Тимирязев К. А.* Исторический метод в биологии // Дарвинизм и марксизм. М., 1925. С. 93.

народонаселении, и, поскольку я был вполне готов к тому, чтобы признать происходящую повсеместно борьбу за существование, меня сразу осенило, что в таких условиях благоприятные должны сохраняться, а неблагоприятные — отметаться. Результатом должно быть формирование нового вида». Да, теория естественного отбора возникла позже и под влиянием теории классовой борьбы. Использование социальной теории при описании биологических процессов не корректно, подобные взаимные переносы не адекватны, прямые аналогии с животным миром неуместны. Обратимся к другому объяснению происхождения морали: она возникла вне природы, но не вне человека: мораль возникает как необходимый механизм регуляции социальных отношений в ходе социо- и антропогенеза.

Это так называемая *теория трудового происхождения* морали, которая дает естественное объяснение сверхъестественного (для животного мира) феномена появления морали: «человек есть всецело продукт среды и сам по себе ни добр, ни зол, но может быть воспитан к тому или другому»[1]. Мораль родилась в процессе производства из-за потребности согласовывать действия людей. Люди не пользуются дарами природы напрямую, видоизменяют их, это называется трудом. Процесс выделения человеческого сообщества из животного состояния, процесс «очеловечивания» пралюдей называется социогенезом. Каждый человек в отдельности с момента рождения как бы заново повторяет ход социогенеза, а процесс становления младенца homo sapiens разумным существом — именуется антропогенезом.

Антропогенез — повтор в миниатюре, индивидуальная копия социогенеза. Совпадение не случайно, и глубоко символично. Труд десятков поколений создал современную цивилизацию. Созидательный труд творит человека в каждом из нас. Человечность, сознательность, нравственность — всегда плоды работы ума и души, осознанной деятельности.

Однако не все разделяют материалистическую идею о земном происхождении морали. Учения, гласящие, что мораль внечеловеческого происхождения распадаются на два направления: теологическое (религиозное) и телеологическое (телеологичность — целесообразность). Представители теологического утверждают, что высшие моральные ценности открыты человеку Богом через его пророков, — такова была Божья воля.

---

[1] В изложении *С.Н. Булгакова.*

Телеологическое объяснение: мораль выводится из тезиса о том, что бытие устроено разумно и целесообразно. Точнее:

1) мир устроен разумно;

2) мораль – одна из характеристик мира;

3) для того чтобы мораль была жизнеспособной, действенной, она должна быть разумной.

Логичность устройства мироздания говорит в пользу того, что и поведение настолько морально, насколько оно целесообразно, разумно. Действительно, мораль в большинстве случаев – выбор поведения по благоразумию, здравомыслию.

Например, «классический» этический вопрос: кого спасать: бомжа или ученого? Ответ прост: кому труднее и кому больше грозит опасность. Кого спасать при тяжелых родах: мать или дитя? Спасение матери означает спасение ребенка, ведь они одно цело, если мать умрет, ребенок погибнет в ее чреве. Что разумнее (читай – нравственнее)? Большинство мыслителей отождествляют разум и мораль. Человек поступает естественно, разумно, нравственно (что одно и то же), он не враг себе. Что посеешь, то пожнешь, – гласит один из законов морали. Всегда ли срабатывает эта логика? «Нравственное» шире «целесообразности» и не сводится к ней. Мораль и нравственность нельзя понять, ограничиваясь рациональным объяснением.

Природа, инстинкты, биологическое начало в человеке существуют в форме бессознательного, на уровне инстинктов. Мораль разумна, она – дочь разума, ее порождение, следствие, производное, — словом, мораль вторична. Но нравственное поведение зависит не только от логически обоснованных рассуждений, но и от внутреннего душевного состояния человека[1]. Существует еще понятие «воли» или «интуиции» («Воля к жизни» – у Шопенгауэра, «Воля к власти» – у Ницше). Она трудно поддается понятийному описанию, сугубо субъективна, иррациональна, интимна, и поэтому некоторые мыслители относят ее к сфере мистического и невыразимого. Можно определить ее как квинтэссенцию желаний человека, основное влечение, лейтмотив поведения, сущностную ценность. Встречается также понятие «нравственного чувства».

Когда неясная ситуация, не определены ценности, выбор человек совершает, доверяясь и полагаясь на «нравственное

---

[1] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 1 – М., 1965. С 619.

чувство», которое, по мнению экзистенциалистов, задается природными инстинктами, но не есть их диктат.

И натуралистические, и теологические, и телеологические учения, и теория трудового происхождения, каждое в отдельности, кажутся достаточными для объяснения происхождения морали, но не выглядят убедительными при объяснении, откуда возникает аморальность, безнравственность, зло. «Поскольку мы не можем повторить историю, то научно доказать, какая из моделей истинна, — невозможно... Конечно, и та и другая модель может быть видоизменена, подправлена, чтобы удовлетворить определенному набору научных данных. Так что ни одна из них не может быть доказана или опровергнута окончательно»[1]. (Речь, правда, о моделях истории Земли, но полностью подходит к вопросу о происхождении морали). Устав от перетягивания каната в вопросе происхождения морали, можно, наконец, в качестве выхода, привести высказывание выдающегося философа И. Канта о чистой морали, самой по себе, ни откуда не выводимой, и оно, кстати, может служить еще одной версией ее «генеалогии».

Несмотря на многообразие теорий происхождения морали и нравственности, несмотря на их временами диаметральную противоположность, однозначно следует: мораль — социальный институт, регулирующий отношения людей в обществе (людей, а не высокоорганизованных животных), и является не только результатом, но и необходимым фактором жизнедеятельности общества.

2.6. Классификация этических учений

Логическая операция классификации этических учений поможет, по нашему мнению, разобраться в их сущности. Известно множество этических учений, которые можно классифицировать по нескольким критериям, причем одно и то же учение может быть классифицировано по-разному. Мы предлагаем собственную обобщенную схему классификации по нескольким основаниям: цивилизационному происхождению, решению вопроса о происхождении морали, отношению к императивности моральных требований, способу описания. Этические учения можно подразделить следующим образом:

---

[1] *Моррис Г.* Сотворение мира: научный подход. — Сан-Диего, 1981. С 17.

• **По цивилизационному происхождению:**

а) западные (античные и современные школы и направления);

б) восточные (школы Древнего Китая и Древней Индии, суфизм Средней Азии).

• **По решению вопроса о происхождении морали:**

а) идеалистические (теологические);

б) натуралистические;

в) социальной эволюции.

• **По отношению к императивности моральных требований:**

а) признающие моральные требования абсолютными (ригоризм, теологические концепции);

б) признающие моральные требования относительными, хотя и существенными, общезначимыми, но не безусловными; учения, обосновывающие нейтральность и лояльность (скептицизм);

в) отрицающие безусловность требований (школа имморальности и/или морального нигилизма).

• **По способу описания:**

а) рациональные, формально-аналитические, «научные» (лингвистическая этика, позитивизм, марксизм);

б) иррациональные, «ненаучные» (экзистенциализм, теологические учения).

В качестве примера других способов упорядочивания системы этических учений можно привести классическую классификацию П. Сорокина. Вслед за Сорокиным можно выделить два направления в этике:

• «Нормативисты» (долженствование, И. Кант);

• «Социологисты» (исследование частных случаев).

Первое направление иначе именуется каузальным, от гр. causa – причина, а второе – сравнительно-историческим методом изучения моральных явлений. Перечислим наиболее известные концепции, чтобы сложилось целостное и систематизированное представление об этических учениях, и объединим их в следующие группы с кратким изложением сути:

• **Космологические**: этика – частный случай мирового закона (натурфилософская этика).

• **Эволюционистские**: уравнивание организма и среды (органическая теория Г.Спенсера, социальный дарвинизм).

• **Социологические**: мораль – изобретенный человечеством механизм регуляции отношений (теории разумного эгоиз-

ма, общественного договора Гоббса, классовой борьбы Маркса).

♦ **Теологические**: нравственные законы ниспосланы Богом.

Подытоживая главу, напомним некоторые выводы.

Мораль древнее, чем право. «Мораль не писана», в отличие от четко зафиксированных правовых норм. Главное их различие – у права предусмотрен механизм принуждения к соблюдению норм. Право — минимальный, необходимый, но недостаточный способ гармонизации отношений в обществе.

Религия и мораль также связаны между собой генетической связью. Религия «эффективнее» воздействует на сознание своих приверженцев, так как вера, ко всем прочим определениям, есть еще иррациональная убежденность человека в невидимом («Святой Дух – Рух», носителями которого считают себя верующие). Прав Ж.-П. Сартр, утверждавший, что суть дела не в том, существует ли Бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования Бога[1].

Духовность и нравственность совпадают во многом, что позволяет нам их отождествлять, когда мы говорим о главных качествах человека, как о духовно-нравственных качествах.

Идеология использует этические категории для мотивации своих целей и программных установок.

Право, религия, духовность и мораль взаимопроникают друг в друга, взаимообусловливаются и взаимодополняются, но они не тождественны друг другу.

Таким образом, этические концепции либо объясняют происхождение морали заданным извне характером, либо считают ее итогом эволюции человечества.

Нормы человеческой морали не могут слишком явно противоречить законам (инстинктам) природы, но и не ограничиваются ими. Они творятся социумом и отдельной личностью.

Рекомендуемая литература

1. *Каримов И. А.* Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: 1997.

---

[1] *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм. / Сумерки богов. – М., 1998. С. 344.

2. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: 1990.

3. Коран. Перевод с араб. Яз. Т. С. Саблукова. – Казань, 1907.

4. *Мухxамед Бин Джжамиль Зину.* Достоинства Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. О высоких нравственных и этических нормах ислама. М.: 1999.

5. *Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П.* Сумерки богов. – М.: 1989.

В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ

Как известно, интерактивные методы делятся на неимитационные и имитационные. На наш взгляд, для закрепления материалов данной главы больше уместны имитационные формы, то есть анализ проектируемых или конкретных ситуаций, ролевые игры, поиск альтернатив. Предлагаем ответить на следующие проблемные вопросы, «войдя в роль».

♦ Есть множество версий происхождения морали. Человек рождается или становится плохим? Может ли у истинно благородных родителей отпрыск оказаться отъявленным негодяем? Не вызывает сомнения, что возможна эволюция «хорошего» человека в дурного, в зло-деятеля. Возможно ли обратная эволюция? Может ли нравственно зрелая личность стать безнравственной?

♦ Искренне верующих людей отличает нравственная чистоплотность. Почему так происходит: потому что «Бог есть полицейский», который неустанно следит за поведением верующих и наказывает их за каждый проступок?

♦ Заслуживает ли смертной казни человек, в гневе убивший тех, кто постоянно издевались над ним?

♦ Означает ли хорошая образованность высокую нравственность? Предопределяет ли материальное положение личности ее нравственные качества и поведение?

Хочется напомнить, что этика — это теория морали, на практике мы не всегда отвечаем требованиям, не всегда безупречны. Это не отменяет суровую необходимость их соблюдать и принимать в качестве нравственного абсолюта. Наоборот, именно забвение нравственных идеалов и его последствия подтверждают необходимость стремления быть порядочными людьми, не идти на сделки с совесью, не бесчестить себя.

3.1. Добро и зло

Добро и зло – основные категории этики. Несмотря на житейски вполне понятный смысл, дать их определение чрезвычайно трудно. Особенность этических категорий – в сложности их определения из-за многовариантности жизненных ситуаций и во множестве подходов к их интерпретации.

Уже зороастризм акцентирует внимание на том, что эти понятия существуют только в единстве, совместно, неразрывно. Пророк Заратуштра говорил: «В начале была пара близнецов, два духа, каждый с особым родом деятельности. Это добро и зло в мыслях, словах и делах. Выбери одного из двух».

Каждый сам определяет их пропорцию, соотношение в себе. Но, оказывается, есть интересная деталь: «для дурного взгляда и все хорошее –дурно, а хорошему взгляду и дурное кажется хорошим в известном смысле»[1]. Это наблюдение знаменитого суфия начала XX века Инайят Хазрат Хана. Все зависит от мировоззренческих установок личности, оценивающей то или иное событие. Добро и зло — критерии хорошего или плохого.

Почему добро сделать сложнее, а зло – легче? Добро «трудное», зло – «простое», добро – это созидание, творение, процесс, обусловленный симпатией к людям; зло – разрушение, уничтожение, которое всегда там, где есть неприязнь к людям, презрение к ним. Творение добра требует усилий. Добро – это утверждение жизни, зло – это хаос, разрушение насилием, нормальных жизненных основ, а добро – упорядочивание элементов системы, для чего требуется энергия на более высоком уровне.

Можно выделить следующие позиции соотношения добра и зла.

---

[1] *Инайят Хазрат Хан.* Очищение ума. – М., 2000. С. 69.

♦ Добро и зло не существуют (объективно) сами по себе, как чисто отвлеченные, абстрактные понятия, эти понятия наполняются конкретным смыслом в значительной мере сообразно системе координат конкретного мировоззрения и в контексте всей суммы обстоятельств.

♦ Добро и зло — конфликтующие между собой диалектические противоположности.

♦ Добро и зло относительны, способны превращаться друг в друга. Зло — добро в развитии, зло способно родить добро. Часто время высвечивает истинную природу события или факта, меняя оценку с плюса на минус и наоборот.

♦ Добро не может быть на четверть или наполовину добром, а во зле различают большую и меньшую степень (меру зла).

Затрудняет их определение еще одно обстоятельство: зло никогда не выступает в чистом виде, зло нравственно мотивируется, вдохновляет себя «добрыми» намерениями. Во зле есть моменты самореабилитации, его самооправдания, что и делает его привлекательным. Зло удовлетворяет определенные потребности (убийство подлеца, эйфория от первого употребления наркотиков, стимулирующее воздействие вредного для здоровья табака), то есть в зле содержится искушение каким-то удовольствием.

Другое свойство зла: оно нередко выступает в красивом, манящем обличье. Например победоносного полководца вроде Наполеона или Александра Македонского, или в форме самоубийства на почве неразделенной любви в подражание литературным персонажам вроде Вертера И.-В. Гете. Притягательность жутких сцен кровавых преступлений эксплуатируют телеканалы в расчете на нездоровое любопытство телеаудитории.

При имеющемся разбросе мнений одно положение признается всеми: следует различать зло как природную стихию и как результат человеческих действий; или, как их разли-

«Закон поганки»

Тот, кто первый раз собирает грибы в лесу, собирает, обычно, поганки. Грибы эти яркие, переливчатые, разных оттенков: фиолетовые, розовые, красные. Они изящные, с юбчонками на тонких ножках. И растут не прячась. Поганки словно просят: возьми меня, съешь меня. А съедобные «обороняются», хранят себя, затаившись под листвой, под кореньями, невзрачные, неприметные.

чал Кант, — «зло» и «моральное зло». Природные катаклизмы неизбежны, но не они предмет рассмотрения этики. Предмет ее исследования — творимое социальное, моральное зло. «Зло – специфически человеческий феномен. ...Животное не может быть злым, речь идет об имманентно присущих инстинктах, которые, по существу, служат ему для выживания»[1].

Способность человека совершать зло – врожденная или приобретенная? Или истина посередине? Противостоящие друг другу воззрения едины в том, что ищут способы борьбы с этим феноменом, одни предлагая как спасение — веру в Бога, другие – просвещение, или изменение социального устройства, т. к. считают природу человека чистой, но испорченной невежеством и социальной действительностью, которые побуждают его ко злу.

« – Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами. Есть зло – есть добро, нет зла – нет добра».

***(В. Шукшин.** Верую).*

Из утверждения Ибн Сины о том, что «несуществование всего доброго есть зло и основа зла есть небытие. Небытие той или иной сущности»[2] логически вытекает, что злом следует считать нечто, препятствующее развитию сущности предмета. Но это не означает, что зло безусловно заложено в сущности предмета. Отсюда вытекает: не заложено оно и в сущности человека? Да, если разделять точку зрения, что *сущность* человека социальна, хотя природа биосоциальна.

Мы уже выяснили, что направленность действия инстинктов антисоциальна. Подобное понимание присутствует еще в древних религиозных учениях, которые обосновывают тезис о «греховной» (антисоциальной) природе человека изначально, с самого рождения. Зло не творится само по себе, оно совершается человеком по его воле. Почему его воля не всегда ориентирована на доброе? По мнению Аль Фараби, из-за отсутствия или недостатка «*хорошего* здравомыслия»[3] (курсив

---

[1] *Фромм Э.* Душа человека. – М., 1992. С. 106.

[2] *Ибн Сина.* Данишнамэ. С. 228.

[3] *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970. -С. 6.

наш), т. е. зло — плод неразумности, а единственный путь приобрести здравомыслие — просвещение.

Предположим, человек обладает «хорошим здравомыслием», тем не менее совершает зло. Потому что зло — способ, часто быстрый, достижения цели, удовлетворения какой-то потребности, поэтому человек поступает так нерационально; он идет на поводу своих желаний, а не управляет ими, — нет воли, точнее, такова его воля. Опять приходим к феномену воли — нравственному регулятору поведения человека.

Напротив, человек сам делает добро, чтоб его получить. Логично? Разумно? В связи с этими двумя положениями — разумностью и целесообразностью, сложилось особое направление этической мысли, обозначаемое понятием *«этический рационализм»* (от лат. rationalis — разумный): Неоднократно звучало предостережение — не сводить нравственность, душу человека исключительно к разуму. В человеке находятся в единстве чувства, воля и разум. Еще Ларошфуко констатировал, что «ум всегда в дураках у сердца».

Как мы уже отмечали, серьезный вклад в разработку данной проблематики внесли выдающие мыслители Средней Азии Аль Фараби, Ибн Сина, Алишер Навои, Джами и многие другие, которые, признавая за разумом его главенство, не сбрасывали со счетов чувства и волю (желания) человека.

Главный и вечно актуальный вопрос: почему допускается существование зла? *Священные книги и мыслители* предлагают различные версии такого «непорядка». Несмотря на различия в объяснениях, они делают общее заключение: зло неистребимо в силу необходимости (закономерно и неизбежно) как момент развития. «Зло есть не что иное, как несоответствие между *бытием* и *долженствованием*» (Гегель), между тем, что *есть*, и тем, что *должно быть*. То есть оно отклонение. «Моральное зло» — это несоответствие выбора человека должному (поведению).

Что сильнее, добро или зло? Какая из сторон противоречия? Закон единства и борьбы противоположностей предполагает, что они попеременно доминируют. А. Шопенгауэр отвечает на этот вопрос так: «Излишне спорить, чего на свете больше — благ или зол, ибо уже самый факт существования зла решает вопрос: ведь зло никогда не погашается, никогда

не уравновешивается тем добром, которое существует наряду с ним или после него: «Тысячи наслаждений не стоят одной муки» (Петрарка)»[1].

С формально-логической точки зрения зло *слабее*, иначе бы *оно не* нуждалось в насильственных методах реализации себя.

Гегелю принадлежит утверждение, что зло «есть не что иное, как дух, ставящий себя на острие своей единичности»[2]. Мораль – всеобща, это совокупность общеобязательных требований исполнения нормы всеми, а нарушение ее принципов единично. И даже если единичный поступок по своему содержанию благо, оно — «зло» в силу своего противодействия всеобщему, общепринятому. Благое действие или мысль воспринимаются как зло, если *они опережают* свое время, опережают рост всего организма социума и потому непонятны ему.

Просветители видели источник зла в невежестве; вооружить человека знаниями, дать понять, что он способен на добрые дела, считалось *ими надежным* путем искоренения зла. Но житейские наблюдения отнюдь не подтверждают тезис о том, что образованная личность всегда нравственно-гуманная личность.

Тезисно — что понимать под злом:

- Зло — небытие добра.
- Зло — несовершенство, отклонение от идеала, изъян.
- Зло — неуправляемая стихия.
- Зло — противостояние единичного общему.
- Зло — невежество.

Что такое добро? В принципе очень легко определить, что такое добро.

Добро или есть, или его нет. А что не добро, то — зло[3]. Отсутствие добра есть зло.

Существует множество интерпретаций *понятия добра*:

- Добро — наслаждение, удовольствие (гедонизм).
- Добро — польза (утилитаризм).
- Добро — целесообразность (рационализм).
- Добро — выгода (прагматизм).

---

[1] *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. – М., 1992. С. 67.

[2] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. – М., 1977. Т. 3. С. 26.

[3] *Зеленкова И. Л., Беляева Е. В.* Этика. – Минск, 2000. С. 229.

• Добро — норма, например здоровье.

• Добро — то, что способствует жизни, «благоговение перед жизнью» (по А. Швейцеру).

• Добро — то, что всегда направлено на перспективу развития.

«Нет никого, кто делал бы добро ради него самого, но все творят его ради выгоды, удовольствия, или чести или тому подобного...» (Ф. Бэкон). Но это «несовершенное добро» (по Ибн Сине), ибо «то добро, которое делается просто как добро, не по принуждению, не по необходимости и не по цели, есть совершенное добро»[1]. Хотя по нашему мнению совершенным добро следует считать по нормально понятому бескорыстию, то есть, корысть это не любой интерес, а лишь тот, что лишен духовной составляющей, меркантильность, расчетливость, «себе на уме».

Все определения добра даются через перечисление (описание) его проявлений. Но любые подобные определения не исчерпывают всей полноты содержания понятия добра. Некоторые авторы поэтому по аналогии с непознаваемой «вещью в себе» И. Канта применяют понятие непознаваемого «добра в себе».

Вышеперечисленные признаки обычно являются мотивами и злого поступка. Великие гуманисты подводят к мысли о том, что нельзя отождествлять добро в целом с его отдельной конкретной разновидностью. Нечто внешнее для морали, оно есть бескорыстное следование принципам гуманности во всех поступках.

Добро — это ценность, во имя которой совершаются поступки. В этом смысле оно — абсолют, который может существовать не иначе, как воплощаясь в частные проявления. По Дж. Муру оно есть простое, неразложимое, первичное понятие, очевидное для каждого человека и определяемое интуицией. И каждый человек сам определяет свои ценности. Поэтому можно добавить еще одно, самое общее определение, что

• Добро — это благо.

Добро и доброта — разные понятия. Доброта — это психологическая черта человека, состояние души, склонность к оказанию помощи другим людям. «Тот, кто делает добро дру-

---

[1] *Ибн Сина.* Даниш-намэ. С. 164.

гому, делает больше всего добра самому себе – не в том смысле, что ему будет за это награда, а тем, что сознание сделанного добра дает уже большую радость» (Сенека).

Нельзя также абсолютизировать (утрировать) относительность моральных категорий ссылками на несовпадение норм (стереотипов) поведения у разных народов и в разные времена. Не позволяет это делать существование общечеловеческого (объективно позитивного) в содержании моральных ценностей, не признающее ни географических, ни исторических границ.

Нравственный выбор индивида понимается им (субъективно, для себя) как благо. Сократ утверждал, что «никто не стремится добровольно к злу или к тому, что он считает злом... Не в природе человека по собственной воле идти вместо блага на то, что считаешь злом». Но объективное содержание не всегда совпадает с субъективными установками. Человек свободен выбирать как ему поступить, какие выбрать ценности.

С теологической точки зрения добро и зло, рай и ад, хорошее и плохое существуют в отдельности только там, в другой жизни, а здесь, на земле, они сосуществуют, переплетаясь и перепутываясь. Зло не во внешнем мире, а внутри человека – вот где источник его проблем. *«Внешнее», социальное зло* – средство воспитания и закаливания человека, через боль и страдания постигающего науку жизни. Поэтому зло – благо, как благо бактерии, «тренирующие» иммунную систему организма, и ледяные купания для его закаливания.

Не лишена интереса и эстетическая точка зрения на место зла в развитии искусства. Ведь не будь войн, не было бы и героев с их подвигами, не слагались бы эпосы, не писались романы, не пелись песни о мужестве, верности, жертвенности. Не будь болезней, не появилась бы плеяда великих врачевателей и т.д. и т.п.

Зло испытывает человека на прочность, несчастья «экзаменуют» его.

3.2. Страдание и наслаждение

Зло всегда имеет при себе верного спутника – страдание. Речь не о тех, кто творит зло, а об их жертвах. Отсутствие добра порождает страдание. Точнее, страдание (*«алам»*) по-

рождается злом, или тем, что мы считаем злом. Страдание есть реакция человека на несоответствие его состояния желаемому; отсутствие блага; несоответствие двух миров, внешнего(физического и социального окружения) или внутреннего (физического и духовного) желаниям (идеалам) человека.

Сочетание этих факторов и вызывает страдание. Страдания бывают физические, душевные (*потеря близких, личные неудачи* и т.п.), духовные (*поиски истины, крушение идеалов, общественные беды*), порожденные причинами внутреннего характера и внешними объективными условиями. Мучительнее, по заверениям мыслителей, страдания внутреннего порядка в сравнении со страданиями, вызванными внешними обстоятельствами. Имеются исследования, что слезы, вызванные духовными страданиями, отличаются по химическому составу от слез, вызванных физической болью.

Парадоксально, но, главная причина страданий – это мы сами: «большая часть страданий и несчастий связана с поглощенностью своим «Я», «ячеством». Источник моих страданий – я сам. Выход – решай проблемы других, освободись из тисков поглощенности своим «Я»: «*Перейди из «страдающего» состояния в активно-действенное*»[1]. Сострадание, участие в *страданиях другого, сочувствие, эмоциональная солидарность и поддержка — выгодные качества человека. Никто не избегал* страданий и лишений, все могут оказаться на месте страждущего, и тогда осуществится «суд без милости не творящим милости». А кто творил милость, сострадал, тот получит соучастие в своих нуждах. Выгодно!

Наслаждение (*«лаззат»*) – высшая степень удовольствия, при котором и тело, и душа получают желаемое, к чему осознанно *или* неосознанно стремились. Удовольствие – эмоционально радостное состояние восприятия блага. Формы выражения этого состояния различны: от эйфории, бурного экстаза до причинения физической боли *себе или* окружающим. Наслаждение сопровождается радостью – мышечной, эмоциональной, духовной, потому что приносит требуемое, желанное благо, которое всегда есть нечто положительное для каждого человека, но (!) *оно может* оказаться неблагом *для других*.

---

[1] *Франкл В.* Общий экзистенциональный анализ С.

«Бесстрашный баран»

Непокорные козлы, медлительные коровы, усталые лошади и смиренные овцы по-разному ведут себя, когда их ведут на забой. Чувствуя необычное поведение хозяев, непривычную обстановку, козлы, коровы, лошади начинают беспокоиться, их обуревает страх. Животные начинают вырабатывать адреналин, гормон страха и агрессивности, и умирают с его присутствием в крови. Глупые барашки без раздумий смело следуют за вожаком или хозяином, ему доверяют, ведь он их еще ни разу не подводил. У них нет страха, нет адреналина в крови, они не успевают отравить свои тела перед погибелью. Поэтому их чаще всего и приносят в жертву.

Присутствие одного исключает присутствие другого. Страдание и наслаждение противоположны, но не симметричны. Отсутствие страданий не достаточно для наслаждения. Правда, стоики и буддисты исповедуют, что одного отсутствия страданий вполне достаточно для наслаждений, а малейшее страдание полностью уничтожает наслаждение. Ощущается отсутствие блага (наслаждения) и присутствие муки (страдания).

Выходит, нельзя страдать и наслаждаться одновременно? Психологам известны ситуации, когда человек испытывает удовольствие от причиняемой себе или другому боли, отчасти объясняемые физиологическими и психическими причинами; бывают моменты, когда человек любит страдать, любит чувствовать себя жертвой и, убегая в страдание, убегает от своих проблем. Не исключено также, что в процессе страдания присутствует момент удовлетворенности и облегчения от сознания, что страдание должным образом оценено и вызывает резонанс сочувствия и благодарности окружающих, поднимает человека в глазах общественного мнения, как пострадавшего ради общего блага. То есть отношение к этому сложному феномену нашей жизни не однозначно отрицательное, хотя, казалось бы, из определения следует, что оно носит негативный характер.

Явно несимметричны наслаждение и страдание по длительности самого переживания. Страдание мучительно долго не проходит, а наслаждения кратковременны. К страданию нельзя привыкнуть, оно может становиться невыносимым, а наслаждение исчезает, становясь привычным. То, что привычное было незамечаемым благом, открывает для нас путем

контраста страдание. Переоценка ценностей — позитивная функция страдания. К наслаждению человек стремится, само его предвкушение приятно и радостно, а предчувствие любого вида боли порождает страх.

По поводу некоего «равновесия» между мерой страдания и мерой наслаждения мнения расходятся. Одни, например, как А. Шопенгауэр, считали, что эти состояния не уравновешивают друг друга : «Мое настоящее страдание никогда не уничтожается будущими наслаждениями»[1], другие, придерживающиеся религиозных воззрений, уверены, — «Бог все видит и всем воздаст», то есть жертвы страданий получат «компенсацию» либо наказанием виноватых (в этой или другой жизни), либо уготованным в раю местом. И те, и другие солидарны в том, что страдания неизбежны.

А раз так, то следует их стоически принять как данность. Мир несовершенен, несовершенство мира и есть зло. Но у несовершенного мира есть потенциал развития, хотя бы по ликвидации нищеты, голода, разного рода дискриминации. Следует отнестись к несовершенству как непреложному факту и изменять не столько мир (то есть не множить страдания насилием), а изменять свое отношение к неустранимости многих несоответствий. Принять — это значит не мучить себя попусту вопросами по поводу несчастий: «за что?» «почему именно мне?»

Одна из древнейших мировых религий — буддизм — выработала свою концепцию отношения к жизненным невзгодам и бессмыслице сущего: жизнь есть страдание, и выход из круговерти страстей, приносящих страдание, — отрешение от них во имя достижения полного душевного равновесия, невозмутимости и просветленности от сознания преодоления и независимости от суеты жизни, а значит и от связанных с этой суетой страданий.Конечная цель такого пути — *нирвана*, полная отрешенность. Недаром известная пословица гласит: «Охота пуще неволи». Стать свободным, значит перестать хотеть.

Умеренность, разумность, укрощение пагубных желаний связанных с вещным миром, гордое преодоление жизненных испытаний вопреки всему и всем — единственно достойный путь на взгляд стоиков. Словом, «Будь сам себе примером!».

---

[1] *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. — М., 1992. С. 67.

Вооружившись знаниями о законах диалектики и современными знаниями о природе явлений общественной жизни, о поступательном развитии цивилизации, наука стремится извлечь и использовать рациональное зерно любого учения о мироустройстве и человеке, о путях к счастью и избавлениях от страданий. В частности — опыт психологической самоорганизации и самозащиты.

В этом смысле этика учит, что хотя моральные и нравственные преступления юридически не подлежат наказанию, человек аморальный и безнравственный, то есть тот, кто строит свое благосостояние на чужом несчастье, кто лжет, вымогает и унижает других людей, так или иначе расплачивается за причиненное зло, ведь и сам он становится объектом подобных действий.

Кроме того, привычка жить безнравственно очень часто толкает и на наказуемые законом деяния, то есть к страданию.

«Без боли и страдания в этом мире человек опустился бы, и животное победило бы в нем. Это заставляет нас думать, что страдание в этом мире есть не только зло, последствие зла и выражение зла»[1].

Все же, девиз «не иметь желаний» находит не много приверженцев. Радости жизни, стремление к наслаждению ее дарами сильнее страдания, они зовут и манят, человек стремится к благу, к наслаждению, «Удовольствие в любом действии и деле является целью, мы всеми своими действиями стремимся к этому»[2], это естественно-необходимое свойство человека получать желанное удовлетворение своих потребностей.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что наслаждение и страдание — это вызываемые добром и злом чувства, это реакция на присутствие или отсутствие того, что человек считает для себя благом.

3.3. Свобода

Может показаться странным, но название одного из интереснейших произведений, где разбирается категория «свобо-

---

[1] *Бердяев.* О назначении человека. С 118.

[2] *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. С 25.

да» звучит парадоксально — «Бегство от свободы»[1]. Не о ней ли мечтали и мечтают во все времена, не к ней ли стремились и стремятся, чтобы... от нее бежать? Действительно, это так: свобода имеет «негативную» сторону, она — бремя, от которого люди ищут убежище в пассивности, в одиночестве, в болезни, асоциальном поведении, изоляции, добровольной зависимости от чего или кого-либо.

Этим словом объединяются различные жизненные состояния. Свобода — «озодлик, эркинлик» *от* внешних ограничений, так называемая внешняя свобода: от политического прессинга, экономической зависимости, тюремного режима, житейских проблем и многого другого служит первоначальным условием для «свободы воли» — *«ихтияр»* или как ее иначе именуют — «нравственной свободы».

Какая же свобода является внутренней, подчиненной только воле человека? Существует ли такая свобода?

Абсолютной свободы не может быть. Мы существуем в физическом и социальном пространствах, которые подчиняются физическим и социальным законам. Законы «раздавят» любого, желающего поступить вопреки им. Как правило, мы понимаем, что не можем действовать наперекор законам природы (обходиться без пищи, летать, жить вечно и т. п.); что нарушение социальных законов тоже чревато провалом намерений (не бери чужого, как аукнется — так откликнется, насилие рождает в ответ насилие, уважай чужие интересы, и многие другие). Существовать в жизненном пространстве можно, лишь соблюдая законы жизни, для чего их нужно познать. Закон это, как известно, повторяющаяся устойчивая необходимая причинно-следственная связь явлений. Познать закон, значит познать «железную» необходимость (в обыденной речи под необходимостью понимается и неотложность, и потребность в чем-либо).

Только познание границ, по которым пролегает необходимость, дает представление о пространстве, в котором человек может действовать относительно свободно. Под свободой имеется в виду познание необходимости, включающее понимание обязательности действий в соответствии с необходимостью, поскольку «свобода есть познанная необходимость». В рамках осознанной необходимости человек наделен внутренней свободой, свободой выбора.

---

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 1998.

Допустим, мы получили свободу *от чего-то*, познали необходимость, а для чего? Вот эту «позитивную» сторону мыслители считают самой важной и самой трудной сущностью свободы, ибо она уже целиком зависит от воли человека. Почти всегда есть выбор. «Момент истины» в нравственности — как поступить. Сделав выбор, человек идет на добровольное самоограничение, на обуздание собственной воли. Каждый поставлен перед дилеммой — что предпочесть чему: месть или прощение, трусость или смелость, щедрость или скупость, пути прямые или окольные, прямоту или лесть, любовь или долг, верность или измену, труд или иждивенчество. И трудно определить, чем обернется выбор для решившегося его сделать, не обернется ли добро злом, а зло — добром? Потому-то и является свобода тяжелой ношей, и убегают от нее.

3.4. Справедливость

Сила — в справедливости
Амир Темур

Анализ данной категории необходимо предварить оговоркой, что эта категория служит обозначением двух несхожих явлений. В обыденной речи этим словом выражают принцип: «Что заслужили, то и получили», а в социально-философской литературе этим словом (*«адолат»*) определяется характер социальных отношений.

Природные катаклизмы с их разрушительными последствиями, хрупкость и временность человеческой жизни, т.е. зависимость от природы кажется несправедливой, но она естественна, объективна, неуничтожима и потому воспринимается как неизбежная несправедливость, то есть как изначальная несправедливость бытия. В этом же ряду неразделенная любовь, природная красота одних и непривлекательная внешность других людей, одаренность и бесталанность.

Есть иного рода несправедливость, которая воспринимается как неестественная, а причины ее появления и существования многие видят в падении, «порче» нравов, в разгуле стяжательства, стремлении присваивать плоды чужого труда. Это неравенство в распределении благ, когда неправедным путем, в обход законов или наоборот, в силу дурных законов какие-то люди присваивают себе намного больше других сво-

их сограждан материальных благ, а эти другие недополучают заслуженное. Неравенство в распределении благ и в отношениях между людьми в целом явление вполне естественное при разной квалификации, способностях, востребованности рынка труда и т.д.

Но в далеком прошлом факт неравенства диктовался не рынком, а владельцами земли, пастбищ, скота и рабов (или подневольных работников). Размеры собственности определялись силой (принуждением). Часто социальные контрасты были столь вопиющи, жадность и богатство одних и нищета других столь возмутительны, что это приводило к массовым волнениям и кровопролитиям. Мыслители прошлого полагали, что эти беды вызваны безудержным эгоизмом сильных мира сего. По логике большинства утопических учений, как восточных, так и западных мыслителей несправедливость должна быть устранена введением всеобщего труда и недопущением присвоения плодов чужого труда. Т. Мор в «Утопии» (от гр. u - не, topos — место; буквально место, которого нет).

Именно это сочинение дало название подобным произведениям), А. Джами в «Рассказе о том, как Искандер достиг города людей, чистых нравом», Т. Кампанелла в «Городе солнца» и многие другие авторы каждый по-своему рисовали проекты справедливого общественного устройства. Чаще всего мыслители предлагали уравнительный (в прямом смысле слова) принцип распределения на основе государственной собственности на землю и орудия труда.

«Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатство всем нам вручены».[1]
Низами.

Описанные ими общества удивительно схожи: равное имущество или оно общее, регламентация жизни, благочестивый нрав, гармонично развитая личность.

Материальных благ никогда не было и не будет в избытке и вопрос справедливости — это вопрос правильного их распределения, то есть создания оптимальной модели распределения. Каждая эпоха рождала свой принцип справедливости.

---

[1] *Низами.* Искандер-наме / Странствия великой мечты — М., 1982, С. 135.

Не менее пафосно, убедительно и талантливо, чем утопические, обосновывались противоположные взгляды. Аристотель, Платон, Конфуций доказывали справедливость рабства и кастовости, принципа «каждому свое». А много позже А. Шопенгауэр вообще вылепил из собственника благородного героя: «...Ибо отдельный человек, именно потому, что он богат и силен, может оказывать всему человеческому обществу столь значительные услуги, что они уравновешиваются с унаследованным богатством, охранением коего он обязан обществу».

Утописты занимались не только писанием художественных произведений и научных трактатов. Отдельные авторы, например, Р. Оуэн, пытались реализовать свои идеалы в отдельно взятом месте, строили коммуны, жили сообществом изолированно от остального мира. Как правило, эти проекты проваливались. А в мире бушевали и бушевали войны за передел власти и собственности, в которых гибли миллионы людей. От них не спасали ни рост благосостояния, ни укрепление демократических институтов. Капитал требовал оборота и роста.

Постепенно декларированный мыслителями прошлого принцип «усредненного» распределения дорабатывался и отлился в тезис от «каждого — по способностям, каждому — по труду» на основе отказа от частной собственности. Каждый должен занимается той деятельностью, в которой больше всего проявятся его способности, а вознаграждение получает по объему, качеству и ценности отданного обществу труда. Причин, из-за которых грандиозный по своему замыслу и масштабу эксперимент по внедрению данного принципа распределения оказался недолговечным, много.

Достаточно назвать основную — недооценку силы экономических законов, ломающих все искусственные построения противников рынка и частной собственности. Осуществить в полном объеме задуманное не удалось прежде всего из-за того, что систематически подавлялось стремление личности к большей активности, и самовыражению, к выходу за пределы усредненной нормы, не стимулирующей индивидуальность. Распределительно-приказная система «гасила» инициативу на всех уровнях заранее установленными пределами.

Оказалось, что именно личный интерес — главный побудительный мотив активизации личности. Оказалось верным пророчество о победе именно того общества, которое покажет более высокий уровень производительности туда. Социа-

лизму требовалась социальная однородность общества и быстрое воспитание нового человека, запрограммированного не на неограниченные, а на разумно-усредненные потребности. Социальная однородность не возникла, воспитать в должном количестве новых людей, заботящихся в первую очередь об общественном благе, без так называемых «родимых пятен капитализма», не удалось.

Представлялось, что постепенно принцип «каждому — по труду» сменится принципом «каждому — по потребностям». И уточняли, по *разумным* потребностям. Но возможно ли добровольное ограничение личных потребностей до разумных? О необходимости этого лучшие умы человечества твердили во все времена. С витальными потребностями проще. Физиологические потребности в еде, сне, другие нужды организма имеют свои пределы. А как быть с потребностями другого рода, которые удовлетворяются покупкой дорогих украшений, нарядов, роскошных особняков, яхт и самолетов? Или породистых лошадей — суперклассных автомобилей?

Рост материальных благ всегда отстает от роста потребностей и желаний. Ограниченность материальных благ — реальность. Отсюда вытекает ограничение потребностей, но касается оно материальных потребностей и не распространяется на духовные. Еще древние греки вывели, что наивысшие потребности человека — именно духовные, а в середине XX века А. Маслоу схематично изложил эту идею в своей пирамиде потребностей. И по ней, потребность самовыражения не может быть удовлетворена никогда. А воля к власти? Чем больше имеешь, тем больше желаешь?

Сознательное ограничение материальных потребностей — результат большого труда по духовному совершенствованию. Например, самоограничение до аскетизма — начальное условие деятельности суфия или тибетского монаха. Доступен ли подобный уровень духовности в массовом порядке?

Первый барьер, о который спотыкается принцип распределения по количеству и качеству отданного обществу труда, это невозможность установки объективных критериев трудового вклада конкретного человека в нерыночном производстве. Воплотить на практике идею учета всего качественного многообразия труда, индивидуальных затрат, и свести различную ценность созданных предметов труда (потребительную стоимость) к единой шкале, не удалось и не могло удасться.

Это подтвердила практика, как и то, что регулируемый рынок — тот оптимальный (читай — справедливый) механизм, который способен реально оценить качество, сложность труда и ценность предмета или услуги. А все большая демократизация в сфере собственности — рост числа малых и средних собственников и армии акционеров, наконец, более действенные механизмы общественного контороля за перераспределением доходов в масштабе государства сняли остроту проблемы присвоения работодателями прибавочной стоимости. Именно присвоение прибавочной стоимости в произвольном объеме и растущий монополизм на владение средствами производства в первые века становления рыночной экономики и создавали социальные контрасты и массовые волнения.

Горький опыт социальных потрясений не прошел бесследно. Капитализм эволюционировал в стороно гармонизации интересов всех слоев общества, в сторону утверждения его правовых основ. Для того чтобы избежать экспроприации — принудительного отчуждения собственности в пользу государства, рыночная модель на взгляд большинства ученых должна быть в достаточной мере социально ориентированной, включать эффективную систему частичного перераспределения благ. Спонсорство, благотворительная деятельность, не говоря уже о финансовой основе системы социальной защищенности — сборе налогов, функционирует за счет опережающего роста удельного веса высокообеспеченных граждан. Рыночная идеология гласит: чем больше богатых, тем выгоднее для бедных.

Социальная справедливость не сводится к модели распределения материальных благ, оптимальной только с точки зрения доминирующей группы (элиты). Если идея создания общества всеобщего благоденствия вроде коммунистического — иллюзорна и имеет все меньше сторонников, то идея создания общества равных возможностей, предстартовых условий для выявления и развития способностей каждого его члена, общества, не отменяющего частную собственность, находит все больше приверженцев во всех концах мира. Совершенствование системы образования, профессиональной подготовки, кадровой политики наряду с грамотной политикой стимулирования экономики содержит огромные резервы для все более последовательного воплощения идеи социальной справедливости.

Есть любопытные наблюдения американских ученых. Р. Дж. Херрнстейн и Ч. Мюррей на основе исследования белого на-

селения выявили интересную закономерность: дети с высоким интеллектуальным коэффициентом (IQ), выходцы из низших слоев общества, к 30 годам все равно достигают достаточно высокого положения в социально-экономической стратификации общества. Сама логика развития высокой одаренности заставляет обладателя даже при неблагополучных условиях реализовывать ее[1].

Реализация первой части принципа «от каждого — по способностям» — неизменное требование, оно в интересах любого общества во все времена. И о таком понимании справедливости, вероятно, пишет Дж. Ролз: «Твердая и общая приверженность к общей справедливости выгодна для всех сторон»[2], потому что подобное требование объединяет и имущих (им нужны работники), и неимущих (желают улучшить свое положение, «выбиться в люди»). Справедливо то общество, где воздают человеку должное по его заслугам, оценивают его достоинство и способности. Оценка выражается не только в материальном вознаграждении, но и в общественном признании и исторической памяти. Общество не может не стремиться к адекватной оценке, иначе оно погибнет, хотя делает это не всегда своевременно, чаще запаздывая.

Понимание справедливости как адекватности (соответствия) наиболее очевидно проявляется в праве, например, соответствие наказания преступлению. Поэтому не случайно первой формой принципа справедливости была месть, когда буквально реализовывалось правило «око за око, зуб за зуб». Право — свод стандартных правил соответствия определенных наказаний конкретным преступлениям, применяемых ко всем без исключения. В архаических обществах наказания и компенсации ущерба обусловливались социальным статусом пострадавшей и виновной сторон.

Таким образом, справедливость — это адекватность. Адекватность — это соответствие, *соотнесение с должным, с идеалом;* измерение по некоему стандарту. Правда, этот идеал в разные эпохи и у разных групп различен. Чтобы минимизировать социальное возмущение и ослабить неудовлетворенность ущемленных слоев, каждая модель распределительного механизма предусматривает возможность компенсации через сис-

---

[1] // Человек. — 1996. — № 6. С. 62.

[2] *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С.67.

тему благотворительности и социальной защиты. Благотворительность (милостыня) например, даже вменяется в обязанность мусульманину.

Справедливость – это требование уравнения в правах. А люди по-разному одарены способностями, находятся нередко в очень разных условиях, и поэтому предъявление одинаковых (равных) требований в этом случае несправедливо, т.е. справедливость как подход с общими мерками ко всем и во всём – несправедлива. В парной категории справедливости и несправедливости (как положено диалектическим категориям) та и другая опровергают друг друга, но всегда существуют вместе, рядом.

Абсолютная справедливость невозможна ни в теории, ни на практике, но это не исключает самого стремления к ней, создания условий жизни и системы взаимоотношений, не унижающих человеческое достоинство, не оскорбляющих чувства справедливости пропастью между людьми в доступе к духовным и материальным благам. Право на справедливость включено в перечень Всеобщей Декларации прав человека, ибо, как высказался Низами: «В этой жизни мы все одинаково значим».

3.5. Долг

«Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям... перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе в тайне и противодействовали, – где же твой достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения?... – Это может быть только то, что возвышает человека над самим собой...»

И. Кант

На понятии долга строятся такие учения в этике, как ригоризм и деонтология. Ригоризм понимается как необходимость жесткого следования велениям общества или своей группы. Однако безусловное подчинение долгу, не рассуждая, может перерасти в фанатизм. Считается, что в сфере безопасности и в военном деле ригоризм – обязательное требование. Кстати, только профессионалы из определенных сфер деятельности, обеспечивающих безопасность страны и сохранность здо-

ровья граждан дают присягу — клятву придерживаться долга, за нарушение которого для военных и врачей предусмотрены те или иные наказания. Профессиональная клятва — это публичная констатация готовности следовать долгу, другой уровень осознания моральных требований.

Деонтология понимается как долженствование, и представляет собой систему представлений о долге, из которых следует перечень моральных требований. Деонтология предписывает подчиняться моральному закону даже вопреки желанию и собственным убеждениям. Среди других областей человеческой деятельности врачебная деонтология наиболее массовая и заметная. «Долг» как общее понятие, как конкретную обязанность можно определить как общественный интерес, превращенный в личную задачу. Признаками долга по словам русского философа конца XIX в. Вл. Соловьева являются *всеобщность*, которой следуют далеко не все и далеко не всегда, и *необходимость*, которая часто противоречит желаниям. Поэтому долг можно определить как «желательное само по себе и для всякого»[1]. Почему? Потому что долг, долженствование — атрибут разума: «Все разумное должно быть» (Гегель).

«Чувство долга»

Родиться трудно, родиться — тоже труд. Когда рождается теленочек, жеребенок или барашек, они сразу же встают на ноги и сразу же начинают вести себя так, как им и положено, не сопротивляясь и не плача. Они появились, чтобы служить. Ребенок при рождении плачет, мучается, страдает. Делает это и потом, не желая примириться с необходимостью, долгом, или расстаться с полюбившейся прихотью.

Долг есть обязанность выполнять какую-либо моральную норму. Долг — моральное предписание, побуждающее человека выполнять эту норму, причем выполнять добросовестно.

Ницше пояснял:

Я лежал и думал, что жизнь — это радость,
А проснувшись, увидел, что жизнь — долг.
Потрудившись, я понял, что долг — радость.

---

[1] *Соловьев В.* Соч. в 2 т. Т. 1. — М., 1988. С. 204.

«Рабочие муравьи»

Рабочие муравьи — самые сильные и трудолюбивые существа. Слон и тот слабее муравья. Он может поднять бревно намного меньше собственного веса, а муравей способен тащить груз намного тяжелее себя. А еще муравей знает только работу, нет у него никакой личной жизни, он бесполый. Муравей содержит трутня и матку, которые и производят муравьев. И порядки у них в муравейнике армейские, каждый добросовестно выполняет свою работу и не отклоняется ни на йоту от заданного маршрута.

Нравственный долг предписывает добросовестное отношение человека к обязанности. Долг и желание часто не совпадают, даже противоречат друг другу, и тогда наступает момент нравственного выбора. Нравственно зрелая и ответственная личность способна отличить необходимость следования долгу от лже-нравственного ригоризма, внешнего, формально-точного исполнения долга. Классический вопрос, который исследовался в истории этики в связи с долженствованием: «можно ли лгать, чтобы скрыть местонахождение жертвы от преследователя — убийцы?» Прежде всего долг предполагает преданность общечеловеческим ценностям, и если следование ему в частном, отдельном случае означает фактически отступление от них, то не-должное поведение нравственно и санкционируется Высшим Долгом человека. Обязанность *не лгать никогда* может, и даже должна быть принесена в жертву высшему долгу спасения ближнего.

Обобщить рассуждения по поводу категории «долг» поможет ответ на вопрос, почему часто нравственность ассоциируется с долженствованием. Потому что нравственность есть осознанное умение человека следовать логике общих интересов, нередко вопреки личным интересам и желаниям.

3.6. Совесть

Есть общественная мораль, есть определенные убеждения, свои ценности, и правила жизни у отдельной личности. А еще есть совесть, правда, не у всех и не в равной мере. Совесть («виждон») — добровольное признание личностью собственной ответственности за свое поведение и выбор. Совесть возлагает моральные обязательства на человека и нарушает его

душевный покой, если он их не выполняет или выполняет плохо. Контролирующая функция (в большинстве учебников по этике совесть интерпретируется как контролирующий механизм), в чем и состоит предназначение совести, производна от ответственности человека.

Совесть – свойство рефлексирующей личности, т.е. индивидуума, обладающего способностью оценивать себя со стороны и быть собою недовольным. Для решительных действий ему необходима мотивировка и убедительные аргументы в обоснование своей правоты — для самоуважения. Уважительное отношение к собственной личности, к своей «самости» возможно только при наличии голоса совести. Именно она дает человеку уверенность в правоте его поступков, или преисполняет его чувством вины за непоследовательность, за несоответствие его представлениям о том, что достойно, а что — нет, несоответствие тем критериям которые он сам установил. Поэтому чем ближе человек к совершенству, чем больше к нему стремится, тем громче говорит в нем совесть.

У кого-то совесть на редкость требовательна, кто-то не имеет ее вообще. Совесть отличается бескомпромиссностью и усложняет жизнь, поэтому так часто от нее отмахиваются, перекладывая свою ответственность и вину на обстоятельства и других людей.

Откуда берутся моральные обязательства и каково их содержание?

Они появляются не сразу, формируясь в процессе социализации личности. Согласно теологическим учениям, именно в совести проявляется присутствие Божьего Духа в душе человека и поэтому совесть выполняет роль связующего звена между Богом и человеком.

А потому совесть выше разума, воли, чувств человека, она сверхъестественна, непонятна и неподвластна разуму. Даже если совестливый человек хочет «передохнуть» от нее, это не удается. В философской литературе можно встретить трактовку совести как инструмента (голоса) высшей справедливости, управляющей миром, в которой угадывается абстрагированный Бог — Провидение.

Моральные требования, которые сформулированы в священных книгах как заповеди Бога, человек принимает в качестве личного «кодекса чести». То есть совесть и есть Бог; Бог – аккумулированная совесть человечества.

Отсюда очевидно, что совесть есть то, что дистанцируется от человека. Она может принимать форму внутреннего диалога человека с самим собой (*«внутренний голос»*), с Богом, с авторитетным суждением (обращение к творчеству великих *людей). Это незримый* судья, который судит человека наедине, без свидетелей: совесть и человек, третий лишний. И суд поэтому суровый, без снисхождения. Оправдаться перед судом окружающих легче.

Если человек судит себя исходя из мнения окружающих, особенно *близких, и их мнение* для него небезразлично, существенно, и потому чувствительно, то в случае несоответствия его поступка этому мнению или ожиданию, возникает чувство стыда, наверное, самое «социальное» из всех чувств. Животным стыд не ведом. Стыд, однако, это реакция человека на *недопустимое, ненормативное,* как ему кажется, поведение не только свое, но и своих близких.

Стыдно может быть за семью, народ, государство. Парадокс стыда в том, что человек судит себя, ориентируясь на мнение окружающих, а окружающие могут просто не заметить его проступок, остаться безразличными или их оценка ситуации может быть диаметрально противоположной.

Стыднее всего, конечно же, за себя. Совесть нередко побуждает признавать вину в присутствии многих людей, ведь не стоит забывать, что общественное мнение и личностные нравственные требования часто *совпадают, накладываются* друг на друга.

Чувство справедливости и совести как здоровое состояние любого народа свидетельствует о его духовной силе и прочности жизненных устоев, а значит служит основанием для оптимистической оценки его будущего.

Несмотря на разность интерпретаций происхождения совести, *ее суть остается неизменной* — помогать человеку оставаться человеком, поощрять в нем потребность сверять мысли и дела с никогда не устаревающими общечеловеческими ценностями.

Примечательна поговорка «не за страх, а за совесть», подчеркивающая *момент сознательности.* Совесть очень прозорлива и ее трудно перехитрить или усыпить.

Совесть — это подсказывающая интуиция в поиске достойного жизненного пути.

3.7. Смысл жизни

Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем жизни смысл?
Он нам не постижим.
Омар Хайям

«Смысл жизни» — *есть ли он в действительности, или его* нет — должен мыслиться во всяком случае как некое вечное начало»[1]. Как и все категории этики, категория «смысл жизни» не имеет единой трактовки. Данная категория имеет два содержательных пласта:

1. Выяснение ценностного значения, *значимости жизни* вообще, сущность бытия вообще.

2. Выяснение смысла личностного бытия: в чем смысл, предназначение моего существования.

Ответы на вопросы о бытии в целом, их теоретическое многообразие можно распределить по каким-то концептуальным группам. Ответы на вопросы о бытии отдельной личности *имеют бесконечное число вариантов в силу неповторимости* каждого человека. Сколько людей, столько и смыслов. В любом случае ответ на вопрос «в чем смысл жизни?» наполняется проблематикой именно данной личности, даже если он привнесен извне (подсказан, предугадан). Смысловое содержание *данного понятия уникально, в отличие от других этических* категорий. Добро, милосердие, справедливость и т. д. поддаются различению концептуальных смысловых оттенков. Правда, относительную «сортировку» в понимании «смысла жизни» можно провести и по этой категории, обратившись к известным *этическим концепциям: разумного эгоизма, гедонизма*, альтруизма, скептицизма и др.

В структурном аспекте «смысл жизни» — неоднородная категория, и имеет две составные части: мировоззренческую и психологическую. Смысл жизни — это индивидуализированная совокупность *идей, мотивов и целей данной личности*, через которую выражается ее отношение к миру и к собственной жизни. Это совокупность мировоззренческих установок, результат познания и деятельностного освоения

[1] *Франкл В.* Общий экзистенциальный анализ. — М., 1994. С. 161.

«Пчела и оса»

Пчела и оса сестрички, из одного семейства. Оса покрупнее, с ярко желтыми полосами на брюшке, жужжит звонче и злее. Постоянно одна. Пчелка, вся в суете и в большой компании. Дома строят одинаковые, ячейками. Оса для своей семьи, пчелы живут общиной. Пчела питается нектаром цветов, а оса — хищница. Пчелиный мед съедобен, а осиный нет. Яд осы вреден, а пчелы полезен. Вот и работают щедрые пчелы не только на себя, но и на людей. Пчелы — наши друзья, а осы — нет.

мира. В содержательно-теоретическом плане это совокупность ценностей, которая преобразуется в мотив поведения, движущую силу развития личности, т. е. не остается лишь абстрактным концептуальным построением, холодной схемой беспристрастных рассуждений.

По форме смысл жизни может быть выражен:

во-первых, в рациональной, логически-понятийной форме;

во-вторых, в интуитивно ощущаемой, не имеющей четких умозрительных логических связок-выводов, форме.

Смысл жизни не есть раскрытие замысла всеобщего бытия, он трансцендентален. На вопрос о смысле жизни каждый ищет свой ответ. Ответ на него необходим. «Жизнь и глупа, и наделена смыслом. Если не смеяться над первым, не размышлять над вторым, то жизнь становится банальной. Все тогда приобретает до предела уменьшенный размер: и смысл и бессмыслица. В сущности, жизнь ничего не означает, пока нет мыслящего человека, который мог бы истолковать ее явление... Смысл кажется нам чем-то поздним, поскольку мы не без основания считали, что сами придали смысл чему-нибудь, и с полным на то правом верим, что огромный мир может существовать и без нашего истолкования»[1].

Смысл жизни, который определил для себя каждый, не является раз и навсегда неизменным. Для разных периодов жизни человек формулирует для себя различные «смыслы».

В периоды бессмыслицы — периоды депрессии, болезни, потери себя трудно найти смысл жизни вообще, и своей в частности. Потеря смысла жизни часто толкает на суицид. Поиск смысла жизни при всех внешних «подсказках»

[1] *Юнг К. Г.* Архетип и символ. — М., 1992. С. 120-121.

всегда самостоятельный поиск. Навязать, внушить его если и удается, то ненадолго и далеко не всем. Даже если это теологический вариант и вроде просто дан сверху через священные книги, судьбы людей различны, а значит и мыслить они будут по-своему. Можно только подсказать в процессе поиска смысла жизни, переориентировать личность. В любом случае, понимание своего назначения в жизни должно рано или поздно придти к человеку, стать частью его мировоззрения.

Смысл жизни может быть сформулирован в виде стройной системы взглядов, может принять персонифицированную форму, может быть найден в творчестве, работе, в своей семье. Иногда эти направления развиваются параллельно, иногда осуществляется вариант компенсационного развития, когда одна сторона жизни заслоняет собой другие.

В чем вообще смысл моего присутствия в этом мире? Кому, кроме меня, необходимо мое существование? Как осуществить «я есть», реализовать себя? Человеку не дано судить, истинен ли смысл жизни, который он определил для себя. Нет универсального, идеального «образца», сверяясь с которым можно решить, истинно ли твое понимание смысла жизни. Смысл жизни – это осознанная персональная задача и выбор главных ориентиров в направлении своей цели.

Конечность индивидуального существования и разные беды заставляют раз за разом осмысливать окружающий мир и себя в нем. «Личность есть непостижимое, сверхрациональное, ни в какие внешние рамки не укладывающееся, свободно-спонтанное существо человека – тот глубочайший корень души, который сам человек сознает как некую абсолютно ценную, несказанную и непередаваемую тайну и подлинную реальность своего «я». Все, что человек делает, чему он служит, что заполняет его жизнь, только наслаивается на эту первооснову, держится ею и, в конечном счете, все же остается неадекватной ей. Это самое субъективное, самое личное в человеке»[1].

Самореализация личности, иначе — актуализация человеческого потенциала, – в этом, по мнению большинства великих учителей человечества, заключается смысл жизни. Реали-

---

[1] *Франк С.Л.* Духовные основы общества. – М., 1992. С.302.

зовать себя, найти применение своим способностям. Каждый должен выполнить свое предназначение, «должен оправдать самого себя, ибо он придает смысл ходу событий в мире, *простому стихийному процессу жизни*» (Ф. Гагартен).

Смысл земной жизни, утверждали и античные философы, и суфии, есть совершенствование души. Душа человека (то ли tabula raze — чистая доска, то ли забывшая все в процессе истечения из мира эйдесов в земной мир частица Единого, то ли полученная в результате реинкарнации чья-то душа, то ли «сверх-Я» сознания) нуждается в «воспитании». События в жизни человека это его лучшие наставники, и если он заботится о духовном росте, прилагает усилия, а не просто «река течет», то он пройдет «ускоренный курс» совершенствования. Страдания — необходимое зло, или даже нет, — благо! — обучают терпению и любви, учат совершенству.

Недаром гениальный французский математик Э. Галуа, *погибший на дуэли в 18 лет и непонятый* своими коллегами, заявлял: — «Мне помощи не надо. Мне нужны враги. Пусть возражают, спорят, пытаются опровергнуть».

Подобные воззрения можно обнаружить в любой религии, они вполне согласовываются со светскими учениями. Например, еще древние греки утверждали, что наивысшие потребности человека лежат в духовной сфере, и что потребность самовыражения не может быть удовлетворена никогда.

Аристотель в «Поэтике» пишет: «Подлинное счастье состоит в возможности беспрепятственного применения наших способностей, в чем бы они не заключались».

Доверимся Ортега-и-Гассету, который утверждал, что сделать из себя интересного человека ценнее и важнее, чем написать книгу. Важнее создать истинное произведение — себя. В ироничном четверостишии о предопределенности свыше Хайяма тот же призыв к активности:

Ты меня сотворил из земли и воды
Ты — творец моей плоти, моей бороды.
Каждый умысел мой предназначен тобою.
Что ж мне делать? Спасибо сказать за труды?[1]

[1] *Омар Хайям*. Рубаи. — Т., 1981. С. 111

3.8. Счастье

Данная категория не является однозначной, аксиоматичной, претендующей на абсолютную истинность. Можно выделить четыре мнения относительно этой этической категории:

1. Нельзя дать определение, что такое счастье.

2. Счастье – особое чувство, состояние блаженства, эйфории, а физиологические чувства не составляют содержание нравственных категорий. Согласно образному выражению В.Франкла, удовольствие –«строго организованный танец молекул в сером веществе». Счастье, — писал он, – это состояние радости, сопровождающее удовольствие, и потому стремление к счастью не может стать целью человеческой жизни[1].

3. Счастье – это абстракция, и в действительности оно не существует.

4. Счастье возможно в действительности.

В последнем утверждении можно найти, по крайней мере, три позиции в вопросе реальности счастья.

Во-первых, позиция *«счастье – не от меня»*. Даже если оно реально, его нельзя организовать, построить; оно всецело дело удачного случая, стечения благоприятных обстоятельств, или: оно в руках Бога и даруется человеку по Его милости, если Бог пожелает.

Во-вторых, позиция *«кузнеца»*. Счастье – результат деятельной активности личности, ее стремления обрести счастье и плод предпринятых для этого усилий.

И в третьих, *психолого-прагматическая* позиция: счастье есть мера удовлетворенности своим положением, — наиболее популярное в последнее время истолкование данного понятия. Из такого понимания счастья следует умозаключение: если хочешь стать счастливым, будь им! Просто смени оценку своего состояния.

Наиболее основательный представитель подобной точки зрения – В.Татаркевич. Он различает градации в счастье и несчастье (неглубокое и подлинное) и, что редко встречается в сочинениях мыслителей и потому ценно, считает, что «только тот, кто ведет жизнь содержательную и насыщенную,

---

[1] *Франкл В.* Общий экзистенциональный анализ. – М., 1994.

может быть счастливым и может быть несчастным, а жизнь других людей проходит в индифферентных состояниях, более или менее приятных или неприятных, но ни счастливыми, ни несчастными их не назовешь»[1]. Или как говорит Бердяев, страдание снимается творчеством. Оно исчезает в нем (зато появляются муки творчества!)

Абсолютной удовлетворенности не существует, хотя бы только потому, что человек смертен. Ее степень зависит от мироощущения человека — оптимистического или пессимистического. Ф. Ларошфуко, знаменитый своими афоризмами, выразился так по этому поводу: «Счастье и несчастье человека в такой же степени зависит от его нрава, как и от судьбы». Не все могут следовать призыву «Сотри случайные черты, и ты увидишь — мир прекрасен».

В оценке себя человек оглядывается на мнение окружающих об успешности своей жизни. В нравственном сознании современного общества происходит постепенное смещение акцентов: не общество в форме общественного мнения судит, состоялся ли человек, а сам человек оценивает степень своей реализации.

То есть все больше людей начинают считать, что счастье — это наша собственная оценка конкретного переживаемого периода жизни.

В. Татаркевич в своем исследовании воспроизводит высказывание одного французского писателя о том, что «нас не хватает даже на то, чтобы долго быть несчастными» (видимо, с этим обстоятельством связаны традиции траурных сроков и ограничений). Наверное, такова природа человека, неспособного быть долго несчастным, неудовлетворенным, это противоестественно и непродуктивно.

Вся проблема в критериях счастья, критерии удовлетворенности у каждого — свои. По мнению одних — «не событие какое-то является несчастьем, а наша способность достойно переносить его является счастьем» (Марк Аврелий), по мнению других — требуется «полное» счастье, для третьих — хватает материального благополучия.

Иногда перемены взгляда на событие или явление уже достаточно, чтобы изменить оценку события. Относительно дру-

---

[1] *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека / Из истории мировой гуманитарной мысли. — М, 1995. С. 42

гих событий, других людей, относительно следствий. Но более эффективный путь — это выход за пределы себя: «Дверь в счастье открывается наружу», — закон, открытый С. Кьеркегором, датским философом XIX в. Кстати, он считал себя глубоко несчастным: невеста отказалась выйти за него замуж, это событие, не такое уж и редкое, стало стимулом для его философских изысканий, и в итоги он превратился в оригинального и парадоксального мыслителя.

Счастье есть отношение между действительностью и идеалом, выраженное в форме переживаний и оценок. В. Татаркевич после тридцатилетнего исследования этой категории пришел к следующим выводам. Счастье не просто удовлетворенность, а:

1. Удовлетворенность жизнью в целом; оно не исключает горе, нужду, несовершенство.

2. Длительная удовлетворенность.

3. Полная удовлетворенность, охватывающая все сознательное и бессознательное.

4. Не только чувственная, но и интеллектуальная удовлетворенность (положительная оценка того, чему человек радуется).

5. Обоснованная удовлетворенность. Чувство полноты жизни.

Таким образом, можно заключить, что счастье — это категория для обозначения особой, высшей формы удовлетворенности человека и эта категория фиксирует оценку человеком своей удовлетворенности жизнью.

Что касается двух предыдущих позиций, то это вопрос заданности объективно благоприятных условий, то есть вопрос о судьбе человека.

Скорее всего, неверна абсолютизация как первого, так и второго утверждения. Соединить обе позиции можно в таком высказывании: человек творит свою жизнь из заданных обстоятельств.

Высшее удовлетворение дает, наверное, человеку ощущение, что ему удалось достичь заветной цели, несмотря на «суровость» обстоятельств.

Тем ценнее для него достигнутое и большую удовлетворенность может дать.

3.9. Любовь

«Раскаленный уголь» внутри каждого существа, неумолимый инстинкт воспроизведения рода, источник самопожертвований, неистовых страстей, чистейших вдохновений, преступлений, подвигов, пороков и самоубийств»

Д. Андреев[1]

Известный писатель Д. Андреев лаконично обрисовал наиболее общие и характерные черты, а также силу воздействия одного из самых романтичных, противоречивых и загадочных явлений, каким считается любовь. Рассмотрим эту этическую категорию в заданной писателем последовательности свойств.

Во-первых, это проявление инстинкта продолжения рода, главного наряду с инстинктом самосохранения. С самого начала *формирования культуры* различали любовь как половую страсть и любовь как отношение к людям: любовь (эрос, «севги») — «земная» и любовь (агапэ, мехр-муххабат) — «небесная». Любовь есть механизм продления жизни человеческого рода. Но не только в смысле *особого физиологического* процесса. Ведь по замечанию Лессинга, человек «это постепенно свихнувшаяся разновидность хищной обезьяны, помешанная на так называемом «духе»[2].

В беспокойном XIX веке гипертрофированное *отношение* к физиологической составляющей достигла своего апогея.

По З. Фрейду голод и половой инстинкт управляют миром. «Я помню чудное мгновенье», — Пушкину оказалось достаточно мгновения, чтобы его мозг, озабоченный поиском объекта любви, в доли секунды обработал информацию и дал ответ: да, девушка соответствует желанному образу. Ученые подтверждают, влюбиться с первого взгляда можно, когда за миг оценивается ситуация, сверяется с не сформировавшимся, *может быть, еще ясно идеалом.*

Почему влюбляются в первую очередь в красивых? Красота, помимо эстетического наслаждения, говорит о здоровье. Белозубая улыбка, густые волосы, блестящие глаза, высокая грудь и тонкая талия. Красота *целесообразна.*

---

[1] *Андреев Д.* Роза мира. — М., 1992. С. 244.

[2] Из истории гуманитарной мысли. — М, 1998.

Можно ли вызвать любовь намеренно? «Ученые доказали, что любовный порыв можно вызвать искусственно: например, резко увеличив содержание в мозге химического вещества фенилэтиламин»[1]. Достаточно принять дозу этого препарата. «Однако если любовь настолько простое дело, как это представляется большинству людей, то трудно понять, почему великие духовные учители человечества *заповедовали,* чтобы человек возлюбил»[2]. «Свихнувшейся обезьяне» одного физиологического влечения не достаточно, необходима привлекательность личностных качеств, ценностные установки личности играют при этом далеко не последнюю роль.

Еще древние писания гласили, что любовь есть влечение плоти и духа. В условиях гегемонии ислама только Ибн Сина в «Трактате о любви» посмел утверждать, что любовь — это союз души и тела, а в «Книге исцеления» так высказывается о «силе размножения»: «Если бы в этом не было определенного наслаждения и если бы это не было предметом вожделения, никто не стал бы затруднять себя этим...».

Полезно различать влюбленность как неосознанное влечение к данному человеку и любовь как сознательный процесс строительства сокровенных отношений. (Конечно же, неосознанность и осмысленность относительны). Излишне говорить, что первое не всегда перерастает во второе. Подлинная любовь всегда труд, созидательные усилия, а не только наслаждения.

Развитая способность любить готова к добровольному самопожертвованию; «нет никакой «возможной» любви»[3], абстрактной, желательной, любовь всегда действительна, реальна, «проявляющаяся» в конкретных делах. Любовь или есть, или ее нет.

Э. Фромм называет любовь внутренней способностью человека, «постоянно присутствующим фактором внутри личности, которая лишь «приводится в действие» определенным объектом»[4].. Любовь — это готовность, которая в принципе может *обратиться на кого угодно, в том числе и на нас самих.»*[5].

---

[1] Труд, 2000, 6 янв.

[2] *Фромм Э.* Психоанализ и религия. // Сумерки богов — М.,. 1989. С. 199.

[3] *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм — это гуманизм. // Сумерки богов — М.,. 1989. С. 333.

[4] *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 1989. С.102.

[5] Там же. С.103.

И из этой предпосылки делает вывод, что как и другие способности человека (физические, интеллектуальные), способность к любви можно развивать. Как? Только в процессе любви, строительстве взаимоотношений. Даже если это неразделенная любовь, остается опыт любви, навык, возрастает способность к этому чувству. И объекту любви это полезно, так как »принимая человека лучше, чем он есть, мы ему помогаем стать таковым» (Гете).

Наверное, это происходит при условии, если объект вашей любви любит вас за вашу любовь. А главное, »любовь к одному определенному человеку опирается на любовь к человеку вообще», и если у человека нет навыка любить вообще[1], сложно полюбить даже своего избранника.

Таким образом, можно подвести итоги нашим рассуждениям:

Любовь это особое отношение (к другим).

Любовь это способность, свойство души, которая проявляется в реальных делах.

Любовь это чувство. Конечно же, ведь, в противном случае, сведение любви к добродетели (положительным качествам) обедняет это понятие. Но чувствование чего? Приятных или неприятных ощущений?

Любовь это «чувство внутреннего союза» (В. Франкл). Вас любят, если вы любите, способны дарить любовь.

Сформулируем краткие выводы по теме.

♦ Добро и доброта не совпадают.

♦ Добро есть то, что содействует жизни, не противоречит жизни.

♦ Очень сильна тенденция приукрашивания, эститезации и романтизации зла, прикрытого привлекательной оболочкой.

♦ Добро и зло есть мера каких-то вещей, явлений.

♦ Страдание выполняет функцию переоценки ценностей.

♦ Счастье — мера удовлетворенности человека.

♦ Смысл жизни различен на различных этапах, и не всегда «осмыслен».

♦ Добро создается, «творится», то есть требуется усилие, осознание нужности поступка, а не просто данность, которая готова к употреблению. Естественная данность нейтральна, природа ни добра, ни зла.

---

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы. –М.. 1989. С.103.

Рекомендуемая литература

1. *Камю А.* Бунтующий человек. / Человек и его ценности. Ч. I. – М.: 1988.

2. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. – М.: 1991.

3. *Мур Дж.* Принципы этики. – М.: 1984.

4. *Рахимов С. Р.* Психолого-педагогические взгляды Абу Али Ибн Сины. – Т.:, 1979.

5. *Серебряков С.* Трактат о любви Ибн Сины (Авиценны). Тбилиси, 1976.

6. *Татаркевич В. А.* Счастье. – М.: 1972.

7. *Франкл В.* Общий экзистенциальный анализ. – М.: 1994.

8. *Чудновский В. Э.* Смысл жизни и судьба человека. // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1.

9. *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. – М.: 1992.

В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ

Интерактивная методика обучения предполагает проблемный стиль изложения материала. Причем не надуманное «изобретение» проблемных ситуаций, а выявление объективного противоречия, которое нельзя разрешить простым отрицанием *одной из его сторон. Следующие проблемные ситуации* помогут продемонстрировать эффективность интерактивных методик.

♦ Существует ли иерархия между категориями нравственности или они равноценны? Что выше, долг или любовь? Должен ли был главный персонаж Абдуллы Кадыри «Минувщие дни» исполнить сыновний долг, покориться воле родителей и взять вторую жену? Имела ли право Анна Каренина жертвовать материнским и супружеским долгом во имя любви?

♦ Причина существования зла – конфликт интересов, которые никогда не будут тождественными, поэтому зло вечно. Добро – это согласование интересов во благо всем. Почему люди не хотят согласовывать свои интересы, или не умеют? Что значит «поступиться своими интересами»?

♦ Правота на стороне сильного. Как быть слабым? Кто должен защитить их, или им надо дать погибнуть во их же благо, чтобы не страдали? Нужна ли нам «школа страданий»? Возможна ли справедливость по отношению ко всем?

♦ Искусство часто идеализирует порочность. Дайте объяснение этого феномену. Гений и злодейство: совместимы ли они?

♦ Как-то один житель африканского племени объяснил «белым» этнографам: «В моей душе постоянно борются две собаки. Одна злая, другая – добрая. Какая побеждает? – спросили его. Какую больше кормлю». Взгляд на мир, оценка мира предопределяется тем, какую «собаку» больше кормит человек, злую или добрую. Отчего это зависит?

Предложенные мировоззренческие проблемные вопросы накладывают особую ответственность на организатора интерактивного обучения. Ему предстоит устранять излишнюю эмоциональность, предвзятость, корректировать ход дискуссии, подводить итоги. Иначе, цель обучения – выработка активной, социально-полезной жизненной позиции, уважения к общечеловеческим ценностям – не будет достигнута.

Знакомясь с жизнедеятельностью того или иного мыслителя, можно заметить интересный момент: жизнь проживается ими словно бы в подтверждение их взглядов. Призывавший уважать законы Сократ отказался их нарушить (бежать) и расплатился жизнью, гениальнейший Ибн Сина всю жизнь скитался, его взгляды не хотели принимать, пунктуальнейший И. Кант категорично ставил долг превыше всего,«певец пессимизма» мрачный Шопенгауэр был малообщителен и долго пребывал в беззвестности, а Ф. Ницше и в жизни и в творчестве был одинаково бесприютен и трагичен. Получается, что жизнь складывается так, как мы о ней думаем и на каких позициях стоим? Крупнейший моралист и скептик М. Монтень, будучи измучен болезнью, пишет в своих «Опытах»: «Душа, вместившая в себя философию, не может не заразить своим здоровьем и тело. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне, она не может равным образом не переделывать по своему образу и подобию нашу внешность»[1]. Поэтому, наверное, во все времена действительна истина: лечат не болезнь, а человека, в том числе меняя его представления об окружающем мире. Вовсе не случайно Ибн Сина называл себя прежде всего философом и только потом уже врачом. Этика это совокупность знаний, которая меняет представления человека о мире и (!) самого человека.

---

[1] *Монтень М.* Опыты. – М., 1954. Кн. 1. С. 207-208.

4.1. Конфуцианство

Конфуцианство это целая система религиозных, философских, социальных и этических представлений. Особую ценность в конфуцианстве представляет теория гуманного управления. Как нередко наблюдается в литературе по этике, учение Конфуция построено в виде диалога, оно обращено к правителям, «благородным мужам». Конфуций считал, что учение о «великой морали» – *«да дэ»* – имеет «небесное происхождение», и поэтому адресовано прежде всего «благородным мужам». И в обыденном сознании бытует мнение, что от этичности «власть предержащих» атмосфера в обществе зависит больше, чем от нравственности/безнравственности рядовых граждан.

Учитель (*«Кун»*) утверждал, что власть от Бога и правитель – «сын неба». Небо само предопределяет, кому быть правителем, кому — простолюдином: «Государь должен быть государем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном». Но тем не менее: «Быть человечным или не быть – это зависит только от нас самих». Если государь хочет, чтобы ему повиновались подданные, он должен стать для них отцом, примером высоконравственного поведения.

Принцип *«жэнь»* – «гуманность», выдвигается в качестве главного принципа взаимоотношений в обществе. Достигается он соблюдением *«ли»* – этикета, строгим и точным исполнением предписанных норм поведения, которые приобретают формы ритуалов: подданные почитают правителей, сын – отца, жена – мужа; все проявляют уважение к старшим по возрасту и положению, вежливость и т. д.

Несмотря на предопределенность положения каждого человека, Конфуций допускал, что и простолюдины могут попасть в высший слой, если смогут учиться и сдать специальный государственный экзамен. Благородный муж *«Цзюнь цзы»*

становится таковым не в силу своего знатного происхождения, а в силу высоких нравственных качеств.

Конфуция от многих философов отличает то, что он предпринимал усилия для реализации своих идей на практике, воспитывал своих адептов. Организовал школу для изучения премудростей управления, и даже некоторое время сам управлял одной из провинций.

До сих пор учение Конфуция широко распространено в Китае, оно оказало влияние на формирование духовно-нравственной культуры всех азиатских государств, во многом детерминируя ментальность и стереотипы поведения этих народов вплоть до нашего времени.

4.2. Этика мусульманского средневековья*

В эпоху мусульманского средневековья большое значение придавалось проблемам этики, нравственности, нравственного воспитания. Трудно найти философа, ученого, поэта, художника, не написавшего специального трактата по этике или не затрагивавшего в своем творчестве вопросов нравственности. Вот некоторые из них: Абу Бакр Ар-Рази (X в.) «Духовная медицина», «Философский образ жизни»; Аль Фараби (X в.) «Указания пути к счастью», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города»; Абу Али Ибн Сина (X в.) «Этика», «Домоводство»; Ибн Мискавейх (X в.) «Исправление нравов», «Вечные ценности»; Кайковус Каспий (XI в.) «Кобуснамэ»; Носири Хусрав (XI в.) «Книга счастья», «Книга света», «Газали», «Эликсир счастья»; Насриддин Туси » (XIII в.) «Насирова этика»; Убайд Закони (XIV в.) «Этика аристократии»; Али Хамыдани (XIV в.) «Царские сокровища»; Джалолиддин Давони (XV в.) «Джалалова этика»; Воиз Кашифи (XVI в.) «Мухсинова этика»; Табоби Кошони (XVI в.) «Врачебная этика»; Ахмад Дониш (XIX в.) «Редкостные события» и др.

По представлениям этих мыслителей, подобно тому, как теоретическая физика состоит из метафизики, математики и физики, так и практическая философия распадается на этику, домоводство и политику.

Наиболее полно теоретически и в плане системности разработка проблем этики велась в перипатетической филосо-

---

*Глава 4,2 написана д. ф. н. А.А. Курбанмамадовым.

фии (от гр. peripatetikos — «прогуливающийся». По преданию, Аристотель преподавал философию во время прогулок; перипатетики — последователи Аристотеля). Восточные перипатетики разделяли этику на две части «Хикмати назари» — теоретическую и «Хикмати амали» — практическую. Если теоретическая сила способствует познанию добра и ступеней бытия, то практическая сила — познанию внутренних порывов человека и позволяет управлять ими, благодаря чему и возникает добродетель.

Практическая философия должна изучать основы волевого движения и производительной деятельности человека, чтобы способствовать упорядочиванию его жизни и достижению желаемого совершенства. Она есть наука об управлении обществом, семьей, и самим собой для отдельного человека.

Главным теоретическим источником этики мусульманского средневековья служила греческая этическая мысль. Этика восточных перипатетиков имеет с ней очевидную преемственную связь. Воззрения Демокрита, Эпикура, Платона, Аристотеля оказали благотворное влияние на учения вышеперечисленных мусульманских мыслителей эпохи средневековья. Это вовсе не означает, что они игнорировали региональные традиции нравственности и философской культуры. Они *творчески* использовали труды Платона и Аристотеля.

Аль Фараби, Ибн Мискавейх, Ибн Сина, Насриддин Туси видели в нравственности начало человеческой духовности как в личной/семейной сфере, так и в гражданской жизни каждого индивида. Согласно их учению, этика должна учить человека познавать самого себя, свои внутренние силы и возможности, согласовывать их между собой, и научить управлять ими.

Только тогда нрав человека становится добрым. Человек учится самообладанию, умению владеть собой и таким путем достигнет совершенства. Аль Фараби четко определяет этику как совокупность правил и норм поведения, способ достижения счастья, а политику — как знания об управлении обществом[1]. Он писал: «Высшее благо находится на земле, и только человеческий разум решает, что хорошо и что плохо»[2]. Аль Фараби

---

[1] *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 35.

[2] Очерки истории этики. М., 1969. С. 79-80.

подчеркивал, что нравственность отличается от познания, представляет собой срез отношения человека к действительности; т. е. всегда выделял практико-поведенческую ориентированность этики.

Знания приобретаются в процессе обучения, нравственные добродетели также приобретаются, но являются при этом результатом свободного выбора, опыта и привычки. Аль Фараби утверждает, что «Все нравственные качества, как прекрасные, так и безобразные, приобретаются. Когда человек не обладает сложившимся нравом, то, соприкасаясь с хорошим или плохим нравом, он может по своей воле перейти к противоположному нраву»[1]. По Аль Фараби нравственное преображение человека невозможно без знания этических норм.

Категория добра в мусульманском средневековье больше других привлекала внимание мыслителей. Многослойность понятия создавала трудности для определения его содержания и некоторую расплывчатость при использовании в качестве норматива в практической этике. По их представлениям, категория добра концентрирует все представления обо всех сторонах поведения человека. Благодаря добру человек становится человеком.

В чем отличие категории добра от категории благоразумия? По Мискавейху «благоразумие» тесно связано с удовольствием. Философ различает телесное и духовное удовольствия. Первый вид удовольствия у человека и животных проявляется одинаково. И он называет его низменным, скотским, оно основано на ощущениях, чувствах. Духовное удовольствие является благоразумным удовольствием, т. к. основано на разуме. Благоразумие связано с умеренностью, мерой. Анализируя свободу воли человека, Мискавейх приходит к выводу, что это способность действовать мудро, взвешенно, со знанием дела, а не под влиянием «слепых» чувств и предрассудков.

В этике Ибн Сина человек находится в гармоничных отношениях с окружающей природой, с обществом. По Ибн Сина, основная цель нравственного развития человека — стремление к совершенству. Он указывает на 4 основные добродетели: воздержанность, смелость, мудрость и справедливость. Эти добродетели находятся посередине между остальными этическими качествами: смелость — между безрассудством и трусос-

---

[1] *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970, С. 12.

тью, справедливость между угнетенностью и склонностью угнетать и т. д. Другие добродетели являются комбинациями основных или их производными.

На взгляд Ибн Сины, чувства подчиняются разуму, и поэтому человек всегда должен быть рассудительным. Рассудительность нельзя сводить только к способности рассчитывать варианты, взвешивать возможные решения с точки зрения их истинности и ложности. Рассудительность связана с нравственными ценностями и есть путь к человеческому благу. Рассудительность – причастность к верному суждению.

Подобно тому, как путем закалки организма можно укрепить физическое здоровье, нравственное здоровье укрепляется воспитанием правильного поведения. Хотя по Туси добродетели не подходят ни под понятия чувств, ни под понятия их причины, они суть приобретенные состояния души.

Этические сочинения на средневековом Востоке сыграли огромную роль в обогащении духовной и нравственной культуры его народов, и служили в течение ряда столетий основным учебным пособием в медресе (школах). Сочинения мыслителей мусульманского Востока служат одним из ценнейших источников развития теории этики, и практики самосовершенствования личности и весьма актуальны в условиях нашей современности.

4.3. Суфизм

«Религия сердца» не является однородным учением и объединяет таких, порой, противоречащих друг другу мыслителей, как рационалисты Аль Фараби, Ибн-Сина – с одной стороны, и сторонник интуитивного постижения тайн Бытия Газали – с другой. У них нет целостной этической концепции, и более всего их интересовала теологическая проблематика. Суфизмом принято называть мистико-пантеистическое направление в исламе. По одной из версий понятие «суфизм» происходит от слова «суф» – соф – «чистый».

В теории этики заслугу суфизма видят в том, что суфиям удалось опосредованно обосновать идею необходимости развития личностных способностей, на высшей стадии совершенствования которых позволительно заявить «Я – истина», «Я – Бог» (за подобное заявление суфий Халадж был казнен). Стремление к очищению души было стартовым требованием к че-

ловеку, решившему стать на путь истинного познания высшей, т.е. божественной мудрости.

Ибн Сина пишет: «Все то, что существует в мире, по своей природе стремится к совершенствованию. Именно это стремление к совершенствованию и есть добро, вложенное в его сущность»[1]. В этом высказывании содержится идея эволюции, концепция которой будет сформулирована намного позже.

По отношению к человеку корректнее применение понятия «совершенствование». Согласно Ибн Сине, стремление к совершенствованию — сущностное свойство мира и человека. Девять столетий спустя З. Фрейд возразил против такого понимания, заявив, что он не верит в подобный инстинкт и не видит необходимости холить эту приятную иллюзию: «Все предыдущее развитие человека, как мне кажется, не нуждается в ином объяснении, как развитие животного, а то, что у незначительного числа человеческих индивидов наблюдается неутомимое стремление к совершенствованию, следует понимать не иначе, как следствие вытесненных влечений». Если уж человек животное, то «ухудшенное».

Во многих случаях животные разумнее. «Человек сам по себе очень мало человечен, он даже бесчеловечен. Человечен не человек, а Бог». Отсюда можно сделать заключение: «Для того чтобы походить вполне на человека, надо походить на Бога»[2]. Так русская религиозная мысль подтверждает смелость суфиев, провозглашавших себя равными Богу. Занимаясь самосовершенствованием, человек поднимается над низшим, животным состоянием. Обретая духовность, он обретает «высшую природу», истинную сущность.

Если Бог есть мудрость и любовь, то она просто отдалена от человека, отчуждена от него. Задача — слиться, воссоединиться. Путь совершенствования — «*таррикат*» — суфий начинает с очищения, познания себя, вглядывания в себя. Баязит Бистами (XIX в.) говорил о себе: «Я сбросил себя, как змея сбрасывает с себя кожу. Я заглянул в свою суть...».

Путь, на который вступает суфий, требует освобождения от внешних треволнений, мирских привязанностей и земных

---

[1] Цит по *Рахимов С. Р.* Психологически — педагогические взгляды Абу Али Ибн Сины. Т, 1979. С. 109.

[2] *Бердяев Н.* О назначении человека. С.126.

страстей, воздержания и ограничений, отказ от благ; поощряет бедность, даже нищету, и постоянную «*мухасиба*» — практику самонаблюдения. Высшим наслаждением является удовлетворение духовных, а не материальных потребностей, единение с Богом, которое достигается только в конце пути и которое вводит в «*фан*» — состояние небытия, исчезновения, экстаза и эйфории. У суфиев отсутствуют какие-либо назидательные требования ко всем.

Тем не менее, лишь избранные могут судить самостоятельно о том, что есть благо, добро, а остальным следует придерживаться суждения учителей. Судить верующего надо не по делам, а по намерениям, и они должны быть чисты, — это достаточно лояльная установка. Бог допускает существование зла. Зло есть искушение пороком, и оно существует для испытания человека. Зло неизбежно. Отсюда проповедь покорного и спокойного отношения к нему. Человек свободен в своем выборе между добром и злом.

В суфизме отсутствуют прямые указания простолюдинам, чтобы они повиновались благородным.

«*Инсан аль Комил*» — «совершенный человек», прежде всего научается любить жизнь через работу, ибо жизнь — это труд, труд с любовью и вдохновением: «Трудится с любовью значит ткать одежды.... словно те одежды оденет возлюбленный... это сеять семена с нежностью и собирать урожай с радостью так, словно плоды будет есть твой возлюбленный....» (Поскольку официальная теология долгое время не признавала идей суфизма, им приходилось изъяснять свои мысли через поэзию, с использованием множества символов. Так, например, под «возлюбленным» суфийская поэзия подразумевала Бога). Концепция совершенного человека противоречила догматам традиционного ислама. «*Комил инсон*» выдвигался как эталон и пример для подражания, имеющий право судить о добре и зле, а в конце пути совершенствования должен был слиться с Богом. Для традиционалистов это было опасной крамолой.

Обрядовая практика суфиев отличалась от общепринятой, например, их свободное отношение к обязательности пятикратного намаза. В то же время традиционная исламская этика посредством шариата не просто регулировала, а подробно регламентировала отношения в социуме. К тем, кто выбирал этот путь, предъявлялись самые высокие тре-

бования: аскеза, отказ от «земных» страстей, мастерство в избранной профессии. Именно из среды суфиев или связанных каким-то образом с их средой вышли крупные мыслители Центральной Азии, которые обогатили мировую науку, поэзию, искусства, философию. Учение о совершенствовании они реализовывали на себе — крайне редкое сочетание теории и практики.

4.4. Светские примеры узбекской этической мысли

В восточной философии трудно разграничить философские, этические и теологические учения. Общеизвестно также, что центральноазиатская гуманитарная мыль развивалась в рамках, очерченных исламской идеологией и с использованием исламского категориального аппарата.

Тем не менее, в истории узбекской этической мысли есть примеры изложения моральных предписаний, не носящих откровенно религиозный характер. Это «Кобуснамэ» и «Уложения» Амира Темура. Из 44 глав только 4 главы «Кобуснамэ» имеют религиозную окраску, а «Уложения» представляют собой сборник политических, этических наблюдений и описание опыта Темура даже в области военного искусства. Оба произведения объединяет форма подачи рассуждений, они написаны как обращения и завещание своим прямым наследникам.

Время создания «Кобуснамэ» – XI век, автор Кайковус Каспий, представитель феодальной знати той эпохи. О содержании моральных требований можно понять, исходя уже из названий глав. Первые четыре посвящены религиозным вопросам, затем следует глава об уважении к родителям. Уважение старших, не только по возрасту, но и по чину – характерная черта восточной этики, строгое соблюдение своего статуса. Автор делает заключение, что желаемых результатов в воспитании можно достичь, если сам воспитатель обладает этими качествами, т.е. ведет себя достойно. Механизм воплощения заключен в подражании. «Что посеешь, то пожнешь», — пишет Кайковус.

Кстати, эту же идею проводит Амир Темур, который утверждает, что добиться справедливости у подчиненных можно при условии, если сам являешься примером.

Кайковус советует заняться накоплением не материального богатства, а интеллектуального, но не возгордиться при этом. Кайковус, как представитель знати, не нуждался в трудолюбии, тем не менее, он пишет, что понял, что без умения трудиться нельзя ничего достичь в жизни и. ... быть здоровым: «Без труда не удастся сделать подвластным (покорным) себе свое тело». Очень интересны главы о накоплении богатства и владении собственностью, где даны советы и по ведению дела или хозяйства. Он неоднократно повторяет, что материальные богатства тленны и не стоит чрезмерно беспокоиться о них, не считать их исключительно собственными.

А что касается предпринимательства, он не советует ни брать в долг, ни давать в долг (о чем говорит и известная среди коммерсантов восточная пословица — «Кредит портит дружбу»).

«Уложения» отличаются социальной направленностью и потому главное требование, выдвинутое Темуром — требование справедливости. Он также призывал придерживаться принципа разумности, (иначе можно сформулировать — принципа целесообразности), пользы и выгоды[1]. «Обдуманный расчет» — залог успеха по мнению Темура[2].

Из этого краткого экскурса в «Кобуснамэ» и «Уложения» можно заключить, что этическая мысль развивалась не только в рамках Корана и шариата, но и в светских формах, а наиболее желаемыми качествами выдвигались образованность (по «Кобуснамэ»), справедливость и обдуманный расчет (по «Уложениям»). Средством достижения этих качеств был указан собственный пример.

4.5. Гедонизм (эпикуреизм)

Ничего слишком
Древнегреческий афоризм

Человек всегда стремится в жизни получить удовольствие, наслаждение, удовлетворение потребностей, стать счастливым. Это очевидно всем. Тех, кто считает благом все то, что доставляет удовольствие и в нем видят смысл жизни, называют *ге-*

[1] Уложения Темура. – Т., 1992. С. 70.
[2] Там же. . – Т., 1992. С. 68.

донистами, от др. гр. hedone — наслаждение. Близко к нему по духу такое учение античности, как эвдемонизм, от др. греч. eudaimonia — счастье, блаженство, которое утверждает, что достижение счастья — главная цель человека. В отличие от традиционных гедонистических взглядов, Эпикур, имевший множество сторонников, считал за наслаждение отсутствие страданий, удовлетворенность этим отсутствием: «Мы имеем надобность в удовольствии, когда страдаем от отсутствия удовольствия, а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии».

И наоборот, чрезмерные удовольствия влекут за собой страдания. Подобные взгляды были названы умеренным гедонизмом, то есть эпикурейство — это умеренный гедонизм.

Радикальные гедонисты же провозглашали: «Дозволено все, что доставляет наслаждение», они были неразборчивы в вопросе источника наслаждения. Под этим лозунгом мог бы расписаться маркиз де Сад. Если порок или извращения (как у де Сада) доставляют удовольствие, то допустимы и они. Но субъективное наслаждение не всегда объективное благо.

«Закон хищников»

Дикие животные не страдают ожирением, потому что не переедают. Убивают только для того, чтобы утолить голод, и едят ровно столько, сколько необходимо. Нет чувства голода — не выходят не тропу. Не охотятся просто так, не складируют свои запасы. Не страдают гастритами и проч., после сытного обеда спокойно позволяют себе вздремнуть.

Несмотря на внешне оптимистическую тональность, в этом учении четко прослеживаются явно пессимистические мотивы. Эпикуреизм был объявлен в Древней Греции вредным. Человек никогда не бывает удовлетворен. Чем сильнее неудовлетворенность, тем больше страдание. Самый радикальный способ прекратить страдания — это смерть. Опасность есть и в том, что человек может желать тех удовольствий и наслаждений, которые ведут к смерти. И тут у Эпикура есть «рецепт». Он обосновал то, что в последствии будет называться учением о разумных потребностях. Человек — сам мера своего удовольствия; умение ограничивать свои желания и есть свобода, так как при этом не желания управляют человеком, а он ими. Не стоит желать невозможного, необходимо подавлять вредные желания. Жажда наслаждения — источник страданий.

Эпикур расширил границы того, что доставляет радость. Например, общение с умным собеседником. Эпикур делит человеческие потребности на три группы:

1) естественные и необходимые;
2) естественные, но не необходимые;
3) не естественные и не необходимые.

Удовлетворение уже первой группы желаний есть достаточные условия для счастья, считал Эпикур.

Эпикуру также принадлежит честь формулировки лукавомудрого обоснования спокойного отношения к смерти: «Когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет», поэтому не стоит ее бояться.

Радикальные гедонисты не согласны с требованием умеренности, так как наслаждение и блаженство нельзя ограничивать. Естественно желание человека продлить приятное состояние. Но бесконечное наслаждение невозможно, оно перестает быть таковым, человек к нему привыкает.

«Больше не значит лучше»

Паразиты поселяются в какой-нибудь организм и живут за счет выработанных им и уже готовых к употреблению питательных средств. Не утруждают себя работой, но понимают, что если нахлебников у хозяина станет больше, хозяин погибнет, вместе с ним и они, поэтому следят за собой, за своей численностью. Умеренность их наглости — непременное условие выживания.

Требуются все более новые, «необычные» источники и формы наслаждений. Погоня за удовольствиями, особенно чувственными, плотскими, не может, по мнению критиков этого учения, стать осознанной целью, смыслом жизни, поскольку разлагает и разрушает умы и души, а зачастую калечат и тело.

Таким образом, гедонистическая концепция объединила столь непохожие между собой школы, согласные в одном — наслаждение —главный смысл и цель жизни, но трактуется это понятие по-разному.

4.6. Стоицизм

Порт *Stoa* в Афинах, где учил один из основоположников учения Зенон, дал название этому течению этической мысли.

Основателями стоицизма были Зенон, Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет.

Они утверждали, что мир устроен рационально В жизни, как и в природе, действует необходимость. Ее следует познать, и тогда человек станет свободным: «Свобода есть познанная необходимость». Глупо стремиться преодолеть необходимость, сопротивляться ей.

Поздний стоицизм в лице Марка Аврелия исповедовал, что нельзя изменить мир, того, что дано свыше. Надо научиться любить свою судьбу, а желания и страсти подчинить разуму, относится ко всему в своей судьбе хладнокровно, без метаний и отчаяния.

Бесстрастность, избавление от пустой суеты, умение обходиться минимумом благ — вот условия достойной жизни. Многие блага, к которым стремится человек, мнимые, не стоит разменивать жизнь на их достижение.

Главное — быть свободным. Один из тезисов Эпиктета: «Разумный человек всегда живет так, как он хочет, и никто не в силах ему помешать, ибо он желает только возможного, того, что в его власти. Поэтому он свободен».

Отказ от стремления к удовольствию, говорили стоики, есть основа нравственного поведения личности.

Но не только благоразумие является центральной идеей данного учения. Несмотря на то, что жизнь изменить нельзя, тем не менее человек должен руководствоваться своим долгом и справедливостью, заняться общественно-полезной деятельностью, достойно проживая каждый отпущенный день жизни, как если бы он был последним, неустанно творя добро для других (Марк Аврелий).

То есть стоицизм это не только проповедь стойкости к невзгодам, смирения, но и стремление приносить общественную пользу, оказывать помощь нуждающимся в ней.

Последователя стоицизма называют стоиком. По Словарю иностранных слов, стоик — «человек, стойко и мужественно переносящий жизненные испытания».

Удивительное созвучие и совпадение смыслов слов: греческого «стоика» и русского «стойкого» человека. Стоик проявляет стойкость как по отношению к соблазнам жизни, так и по отношению к ее трудностям.

4.7. Утилитаризм

Утилитаризм возник в XIX веке, в Англии, и является этическим обоснованием рыночных (капиталистических) отношений. Возникновение утилитаризма связывают с именами И. Бентама, Джемса Милля и Джон Ст. Милля. В самом обобщенном виде можно утверждать, что данное учение призывает людей извлекать пользу всегда и из всего, отождествляя благо с пользой.

Утилитаризм (от лат. utilis – польза, выгода), прагматизм (от гр. pragma – дело, действие), меркантилизм (от фр. mercantilisme – торговец) используется большинством как схожие и даже синонимичные понятия. Они содержат обоснование сугубо практических целей всех видов деятельности, призывая во всем и во всякое время руководствоваться не абстрактными категориями или романтическими представлениями (идейными соображениями), а конкретными нуждами и/или потребностями.

Названные понятия, в общем-то, различаются. Все они подразумевают такое поведение, при котором главным стимулом и интересом в деловых и межличностных отношениях выступает выгода или польза. Различия лишь в степени непосредственности ожидаемой выгоды.

Утилитаристы преследуют и так называемую «общую», значит несколько отдаленную абстрактную пользу, учитывают помимо сугубо материальной также и косвенную пользу (доход) в виде моральных и социальных дивидендов. Прагматики ставят во главу угла прежде всего экономический эффект, а меркантилисты – непосредственную сиюминутную пользу, чаще всего выраженную в материальном виде или же в обмене услуг.

Утилитаризм относился марксистской идеологией к «плоским» и безнравственным учениям; безнравственным считалось провозглашение материально-

«Серенада»

Неказистый с виду серенький соловей имеет репутацию главного мастера серенад. Его нежные мелодичные трели покоряют всех, в том числе и соловьиху. Она соглашается строить гнездышко, если соловей готов заливать ей уши своими ариями. Как только он прекращает петь, прекращает строить гнездышко и соловьиха. Хочешь гнездышко – пой!

го интереса в качестве главного мотива нравственного выбора. Действительно, практическая целесообразность далеко не всегда безобидна в нравственном отношении.

Например, в 1970-е годы общественность США обсуждала вопрос проводить или не проводить безболезненную стерилизацию эпилептиков, олигофренов, тяжелых шизофреников, позволять или не позволять им иметь детей. Исследование наследственности выдающихся людей в истории человечества неожиданно вскрыло тот факт, что в их роду были предки с определенными аномалиями.

Было решено, что эти аномалии необходимы для появления гениев. И общество США отказалось от идеи стерилизации не столько по гуманным, нравственным соображениям, сколько по прагматическим.

Мораль «не служанка необходимости»[1], не послушная инстанция, угодливо обосновывающая моральную правомерность любого хорошо просчитанного материального интереса, а строгая система норм поведения и взаимоотношений, в основе которых — гуманистические традиции, а не плоско понятая польза.

Однако и слишком отвлеченное теоретизирование и абстрагирование этической и нравственной проблематики, точнее, абстрактное морализирование при игнорировании конкретных этических проблем реальной жизни (в семье, политике, бизнесе, медицине, науке, в межэтнических отношениях и т. д.) превращает этику в декларирование банальностей.

Утилитаризм возник как попытка «приземлить» этику, придавить разросшиеся абстракции «земными » сиюминутными интересами.

Поэтому наибольшее распространение подобные взгляды получают в сферах, обслуживающих экономику и в особенности в те периоды, когда экономические проблемы наиболее актуальные и им придан статус первостепенных.

Республика Узбекистан переживает период модернизации, адаптируя экономику под стандарты развитых западных государств, где, как известно, прагматизм — наиболее распространенная философия.

---

[1] *Гусейнов А. А.* Перестройка: новый образ морали. // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. — М., 1991. С. 11.

Но «Частная собственность, обслуживающая исключительно интересы индивидуума, в Азии культурно невозможна, поэтому невозможен и индивидуалистический утилитаризм»[1]. Интересное мнение наблюдателя со стороны, но может быть оно верное, ведь «со стороны виднее».

4.8. Этика Канта

И. Кант занимает особое место в истории этической мысли. Ему принадлежит формулировка мысли, которая получила название «категорического императива» или «золотого правила этики»: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»[2]. Многие мыслители, так или иначе высказывали эту идею, но именно И. Кант раскрыл ее как высший закон личности для обоснования ею своих поступков: *поступай так, как хочешь, чтоб поступали другие.* Личность должна прийти к признанию этого императива в качестве основы поведения, – то, что именуется принципом самозаконодательства. Личность сама для себя устанавливает поведенческие нормы, чтобы соблюдать их.

Законы вырабатывает человек, руководствуясь свободной волей, и ответственность за последствия несет он сам, не ссылаясь при этом на принуждение, авторитет, обстоятельства. Высочайшая требовательность к себе, «борьба с самим собой, а не нравами окружающих» – этот гуманистический принцип становится одной из фундаментальных тенденций развития современной этической мысли.

Такая же высочайшая требовательность проявляется и в обосновании И. Кантом другого императива: «Не лги!». Дело не только в том, что солгать, это по Канту, значит унизить себя, признать себя ниже того, перед кем ты лжешь, а и в том, чтобы «Жить так, чтобы тебе нечего было скрывать от других».

И. Кант скрупулезно делил поступки на:

– моральные и легальные, нравственные и приемлемые;

– совершаемые из страха Божьего или из расчета на поощрение (рай).

---

[1] Массовый утилитаризм как импульс динамики общества// Общественные науки и современность, 1998, С. 57-68.

[2] *Кант И.* Соч. В 6 т. – М., 1965. Т.4. С. 260.

И добавлял: «Бог желает не только того, чтобы мы были счастливы, но и чтобы сами сделали себя счастливыми, в этом и состоит моральность»[88].

4.9. Разумный эгоизм

«Я» (от гр. ego – я) в философии означало и означает «Самость» человека, его личностную индивидуальность. Эгоизм же есть преследование собственных интересов и желаний в ущерб интересам других, и чаще всего толкуется как *себялюбие*, но не есть *любовь к себе*, ибо «Эгоизм – это не любовь к себе, а прямая ее противоположность... эгоизм коренится именно в недостатке любви к себе. Кто себя не любит, не одобряет, тот находится в постоянной тревоге за себя. В нем нет внутренней уверенности... Он вынужден заниматься собой, жадно доставая себе все, что есть у других... должен доказывать себе, что он не хуже остальных»[2].

Можно ли отождествлять эгоизм с инстинктом самосохранения? Является ли этот инстинкт себялюбием? Эгоизм это форма социального поведения человека. Инстинкты присутствуют в человеке в «снятом», окультуренном виде. Их неприкрытое проявление требуется лишь в экстремальной ситуации. Человек в своем поведении руководствуется не моральным долгом, а собственными интересами, – так трактуется эгоизм моралью. Преследование собственных интересов (а чьих же еще?!) – это вполне естественно и допустимо. Личный интерес и стремление к достижению индивиду-

«Дикий камень»

Камень – отколовшийся кусочек скалы. С острыми краями, с зазубринами. Им можно и пахать, и убивать. Вот этот острый гордый кусок скалы попадает в поток воды, в водоворот жизни. Он бьется об тысячи других, таких же, как и он, камней, у него возникают трения с ними. Постепенно его зазубрины стачиваются, вода обволакивает камень и полирует, а острые края превращаются всего лишь в песок. Песок уходит, как преодоленные проблемы. «Дикий» камень превращается в гладкую гальку

---

[1] *Кант И.* Лекции по этике (1780-1782). / Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М., 1990. С. 321.

[2] *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М., 1989, С. 104.

альных целей не есть еще эгоизм. Главное — не навредить другим. Границы эгоизма — это интересы другого человека. «Этическое есть не что иное, как благоговение моей воли к жизни перед другой волей к жизни»[1].

Все поступки корыстны. Корысть многообразна и не сводится только лишь к материально-финансовой выгоде. Есть еще желание понравиться, получить одобрение, попасть в рай и другие. Эгоизм не может быть разумным, ибо это уже не эгоизм в строгом смысле слова. «Разумность» — это осознание необходимости ограничения своих желаний, согласования их с интересами других людей.

4.10. Альтруизм

О. Конт считал альтруизм (от лат. alter — другой) особым социальным чувством, которое можно взрастить с помощью соответствующего воспитания. Умение ставить ценности и интересы других выше своих, блюсти интересы «ближнего» и, впрочем, «дальнего», наряду, а иногда и в ущерб своим. В дальнейшем появились специальные исследования, которые, казалось бы, подтверждали наличие генов альтруизма. Если таковые существуют, то коррекция нравственного поведения невозможна, так как гены — природно-заданный фактор. Или же правомерен и другой вывод — что на нравственное поведение можно воздействовать медикаментозными средствами.

«Закон клетки»

Клетка для того, чтобы расти, множиться, должна делиться собой, всем, что у нее есть. Иначе нет роста. Отдавать, чтобы получить. Какой смысл хранить то, чем она наделена? Продуктивнее сделать небольшое усилие, поделиться, и в ответ она получает дочерей, друзей, обрастает доброжелательными соседями-защитниками и помощниками в случае агрессивного вторжения. Условия закона. Первое: она первая отдает. Второе: она не должна получать (вымогать, требовать) у других больше того, что те в состоянии дать. Иначе начнется злокачественный рост клетки.

Все нравственные чувства имеют свои природные прообразы (эгоизм — инстинкт самосохранения, за-

[1] *Швейцер А.* Культура и этика. — М., 1973. С. 315-323.

бота о ближнем — родительский инстинкт, любовь — инстинкт продолжения рода и т. д.). Но как же тогда быть с «загадкой альтруизма», которую нельзя объяснить врожденными свойствами, и которая не подлежит полной разгадке.

Всегда были, есть и будут люди, идущие на жертвы ради других, то есть (по определению) альтруисты. Альтруизм это свойство человеческой души, а не продукт комбинации особых генов.

Чрезмерный альтруизм подобно другим крайностям способен создать больше проблем, чем решить, и в этом смысле представляет известную опасносность. Альтруисту не всегда дано верно угадать, что нужно другому, в чем счастье другого. Рамки альтруизма — автономия другой личности и ценность собственной. Верно сказано, что благими намерениями вымощена дорога в Ад. Очень добрых и бескорыстных людей иногда в порыве благодарности называют «святыми» или «ангелами». Но еще Б. Паскаль не без сарказма заметил, что человек наполовину ангел, наполовину — животное, и чем больше он хочет походить на ангела, тем больше уподобляется животному.

4.11. Моральный нигилизм

Моральный нигилизм (некоторые авторы называют его имморализмом от лат. nihil — ничто, ничего) — это решительное неприятие общепринятых норм. Моральные и общественные нормы («маленькое благоразумие маленьких людей») противоречат природе вещей и являются выдумками толпы, боящейся так называемого сверхчеловека. Появление подобных взглядов многие относят к Новому Времени, хотя еще Платон писал о тоске по сильному человеку: «...Если появится человек, достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он

«Лягушка и змея»

Лягушка умеет не только квакать, но и мощно, тревожно реветь. Да так, что эти звуки легко можно спутать с ревом крупных животных. Так она кричит, когда один на один остается со змеей. Ее парализует страх, она даже не пытается спастись, как вкопанная стоит перед своей владычицей и смотрит ей в глаза, точнее в открытую, жадную, манящую пасть, и, загипнотизированная, сама прыгает в нее.

втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы»[1].

Самым ярким выразителем подобных взглядов был Ф. Ницше. Он сам дал объяснение своей позиции: «У философа есть право на «дурной характер», сегодня его долг, чтобы не доверять, чтобы коситься»[2]. Выросший в семье проповедников, и сам намеревавшийся стать священником, он занялся опровержением прежде всего христианских моральных предписаний: «Ибо теперь маленькие люди стали господами: они проповедуют покорность, скромность, благоразумие, старание, осторожность и длинную вереницу остальных маленьких добродетелей»[3]. «У кротости самая толстая шкура»[4].

Эти хлесткие высказывания родились, как полагал Ницше, из-за отсутствия собственного достоинства и «внутренней ценности» — уважения — у встречавшихся ему людей, его раздражала способность покорных вынести любое унижение.

Особо выделяется его изложение проблемы сострадания к тем, кто по мнению Ф. Ницше, немощен и лишен воли к борьбе: «Несмотря на всю их слабость у них, по крайней мере, есть еще одна сила — причинять боль»[5] самим фактом своего существования, всем своим видом вынуждающих на сострадание.

Убогие, немощные, нищие, калеки, больные, ограниченные, ... — есть еще масса подобных определений. Одним словом — «гибнущее». И по законам «се-

«Цветы жизни»

Какой прок от цветов? Не греют, не питают, не защищают. Бескорыстно украшают нашу жизнь. Какая польза от немощных и больных? Не производят, отнимают время и средства, «причиняют боль» фактом своего существования. Скрюченные, неловкие, дурно пахнущие и бесполезные «цветы жизни» — средство обучения любви и доброте. Для человека, семьи, общества. Они — тренажеры для накачивания гуманизма, выработки милосердия, роста терпения.

---

[1] *Платон.* Соч. В 3-х т. — Т., С. 308.

[2] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. // Вопросы философии. 1989, № 5. С. 25.

[3] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. — М., 1990. С. 249.

[4] Там же.— М., 1990. С. 129.

[5] *Ницше Ф.* Соч. т. 1. — М., 1990. С. 273.

лекции» ему надо помочь погибнуть: «падающего толкни». Ницше расширяет эту группу людей, относя туда всех «слабых» Никакого кощунства, просто он сделал очевиднее закономерность развития человечества: мера гуманизма определяется степенью экономической мощи и благосостояния.

«Закон зеркала»

В зеркало люди смотрятся, чтобы увидеть, как они выглядят, чтобы понять кто они. Удачливые, преуспевающие, здоровые, сильные. Если не будет незадачливых, невезучих, больных и слабых, то как же они поймут, что они другие, не такие? Вы, сильные! Слабые — вот ваше зеркало!

История отношения к слабым согражданам прошла эволюцию от физического уничтожения и изоляции к реинтеграции их в общество. Вспомним диалектику мудрого китайца Дао дэ Цзина: «Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет»[1]. В таком понимании слабость это ростки силы. Биографии многих выдающихся людей свидетельствуют, что они обладали «слабыми» физическими или психологическими качествами, не отличались «благородством» происхождения.

Подход Ницше был настолько эпатажным, что его, наверное, больше, чем кого-либо, вульгарно трактовали, опошляя тем самым его идеи. Идея о делении людей на ведущих и ведомых, личность и стадо — это эпатирующий крик-протест против лености людей, паразитизма, удобства позиции подчинения, нежелания ответственности: «Тому приказывают, кто не может повиноваться самому себе»[2]. Философы, по Ницше, слишком долго превозносили общественно выгодные, стадновыгодные качества — покорность, альтруизм, гуманность, милосердие; сводя на нет созидательную, творческую мощь отдельной личности, ее стремление к независимости и к свободе выбора. Ницше и жил так, не подчиняясь общепринятому. Аристократ духа, он предлагает «фундаментальный сдвиг ценностей», который откроет «внеморальный период», так как намерение — лишь «кожа» поступка, знак и симптом, кото-

---

[1] Древнекитайская философия. — М., 1972. Т. 1. С. 137.

[2] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. — М, 1990. С.100

рые могут означать «слишком разное». (Два предшествующих периода: доморальный, когда оценивали поступок по его следствиям, и моральный, о характере поступка стали судить исходя из намерений).

Тем самым он придал остроту ранее мало обсуждавшейся проблеме соответствия целей и средств достижения целей:

- намерение (цель), как кожа на поверхности, покрывает все, и судить надо по непреднамеренным поступкам;
- «цель оправдывает средства»?! – между двумя сторонами этого противоречия не может быть антагонистического взаимоисключения, что подтверждает история в социальном масштабе, а практика отдельного человека – в индивидуальном масштабе.

Это был его стиль: доказательство от противного, эпатаж, преднамеренное утрирование, вызов огня (раздражения, возмущения) на себя, что резко продвинуло развитие этических представлений, дав богатую пищу для размышлений.

Моральный нигилизм созвучен цинизму, но это разные системы взглядов. Главный тезис циников – не иметь никаких ценностей и норм, отсутствие ценностей, ведь представления о них противоречивы и опровергают друг друга.

А моральный нигилизм это провозглашение антиценностей в качестве мировоззренческих установок личности. Попытки отделить Ф. Ницше от «ницшеанства» посредством тезиса о профанации и извращении подлинного Ницше до конца успехом не увенчались. Слишком одиозен был успех теорий о «сверхчеловеках» среди германских нацистов. И если никто иной как Гитлер охотно цитировал Фридриха Ницше, это говорит о сомнительной сути попыток полностью реабилитировать певца «морали господ».

Рекомендуемая литература

1. Антология мировой философии, т. 1, ч. 1. – М.: 1969.
2. *Асмус В. Ф.* Античная философия. – М.: 1976.
3. *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. – М.: 2000.
4. *Ибн Сино.* Избранные философские произведения, М.: 1980.
5. *Кант И.* Лекции по этике (1780-1782). / Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М.: 1990.
6. *Мухаммед Садык – и – Кашкари.* Кодекс приличий на Востоке. (Адаб – Уль- Салихын) Т.: 1992.

7. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. – М.: 1990.
8. *Ницше Ф.* Соч. т. 1. – М.: 1990.
9. *Степанянц М. Т.* Философские аспекты суфизма. – М.: 1987.
10. *Аль Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970.

В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ

Активизация обучаемого – цель и средство интерактивных педагогических технологий. Одной из форм активизации является самостоятельная исследовательская работа в виде рефератов. Целесообразно предложить студентам провести исследовательскую работу по основным этическим школам и концепциям, а затем организовать презентацию материалов исследования на занятии. Назначение официальных оппонентов и содокладчиков помимо дидактических задач, призвано научить студентов навыкам публичного выступления.

4.12 Краткие сведения о представителях эпохи Возрождения в Центральной Азии

Абу Наср Фараби (873–941). Основные философские произведения: «Книга об управлении городом», «Добродетельный город», «Книга о жизни и войне», «О достижении счастья», «Указания пути к счастью», «Афоризмы государственного деятеля»». Исследовал категории «счастье», «добродетель», «разум». Фараби выступал за гармоничное сочетание учености (ума) и высоких нравственных качеств. Счастье в его понимании это овладение знаниями о природе и мире. Истинное счастье наступает тогда, когда устранено всякое зло, человеческая душа и разум сольются с мировым разумом и душой. Высокие нравственные качества (например мужество, щедрость, дружелюбие) – результат воспитания и самовоспитания.

Беруни (973–1048). Основные философские произведения: «Индия», «Минералогия». Исследовал категории «долг», «честь», «достоинство», «добро и зло», «справедливость», «совесть». Беруни считал, что благородство – исполнение обязательств перед близкими. Смысл жизни по Беруни в достижении счастья, а также в познании. Он подчеркивал тесную связь морали и типа устройства общества, морали и интересов людей, а также зависимость типа общества от природно-географических условий и образа жизни данного народа. Сторонник

учения о свободе воли, Беруни утверждал, что человек сам осуществляет свой выбор. Благодаря самовоспитанию, с помощью приобретения знаний можно избавиться от нищеты и невежества.

Абу Али ибн Сина (980–1037). Основные философские произведения: «Повесть о Хайе ибн Якзане», «Повести о Саламане и Ибсоле», «Рисолат атТайяр», «Тадбири манзел». В трактате «Аксам аль улум ал аклиини» дает определение этики как науки, согласно которой человек познает, каким должно быть его поведение и деяния, чтобы жизнь стала прекрасной. Ибн Сина считал, что как бы не был развит человек, если его знания не озарены нравственным светом, то он не может считаться полноценным членом общества. Нравственность – не врожденное свойство, а результат воспитания. И основной предмет воспитания. Человек должен признавать общественный интерес.

Стремление к совершенствованию Ибн Сина называет добром. Главными качествами ученый определяет выдержку, мудрость и храбрость. Они в единстве создают умеренность и справедливость. Благодаря им человек может обуздывать свои инстинкты и испытывать настоящее духовное наслаждение. Для воспитания положительных качеств и искоренения отрицательных Ибн Сина предлагал развивать волю. Он сторонник идеи «справедливого правителя». Высоконравственные качества правителей считал важнейшим фактором положительного нравственного климата в обществе.

Омар Хайям (1049–1131). Хайям придерживался гедонистических позиций, и в своих поэтических произведениях писал, что человек должен проводить в счастье каждую минуту своей жизни. Он считал, что человек достоин личного счастья, но счастье отдельного человека неразрывно связано со счастьем всего общества.

Саади (1203-1292). Свои взгляды выразил в художественных произведениях в виде афоризмов и наставлений: «Бустан», «Гулистан». Основная цель воспитания – привитие благонравия и целомудрия, искоренение злонравия и низости. Лучшая добродетель человека – скромность. Большое значение Саади придавал вопросам воспитания воли и трудолюбия. Человек всегда должен стремиться к достижению цели, а любую работу выполнять своевременно. Большое внимание уделял культуре речи и правилам ведения беседы.

Давани (1427–1502). Давани критиковал тех ученых, которые признавали лишь врожденные качества, а мораль считали вечной и неизменной. Исследовал категорию воздержанности и понимал ее как подчинение чувственной силы разуму, обуздание страстей при помощи разума. Основные виды воздержанности: довольство малым, стыдливость, щедрость и терпение. При этом Давани имел в виду не аскетическое отрешение от всех благ, а умеренность и отсутствие излишеств.

Алишер Навои (1441–1501). Отождествлял понятие человечности с понятием нравственности. Человек – самый ценный дар Вселенной. Центральная категория его творчества – категория справедливости, которая есть принцип и политики, и нравственности, и означает восприятие других равными себе. Мораль и разум являются критериями истины. Неустанное стремление к совершенствованию – качество идеального человека. Идеальный человек трудолюбив и патриотичен. В основе его представления о добре и зле лежит идея, что человек в процессе духовного совершенствования борется со своими порочными наклонностями и, тем самым, со злом. Добро Навои рассматривает конкретно: это предметы и явления, полезные для человека, и его поступки, соответствующие общепринятым нормам. Добро – все то, что избавляет народ от нужды, соблюдение принципа справедливости, великодушия. Все, что противоречит этому, есть зло. Навои очень много внимания уделял этике высокопоставленных государственных лиц. Они могут нанести ущерб обществу, если не обладают высокими нравственными качествами. Человек не может полноценно жить вне сообщества, поэтому поэт придавал большое значение таким категориям, как дружелюбие, верность, великодушие, милосердие, благородство, честность, скромность. Они приобретаются личностью в борьбе с их антиподами, с пороками.

Главные пороки – невежество, надменность, пренебрежение к другой личности, лживость, болтливость и алчность. Человек свободен в выборе между добром и злом. Умеренность в стремлении к наслаждениям – добродетель, мера, необходимая во взаимоотношениях людей. Навои считает нравственным *любой* труд, в отличие от предшественников, которые таковым считали прежде всего интеллектуальный труд. Человек, обладая определенной свободой воли, сам выбирает цель и средства достижения цели.

Мирза Бедиль (1644–1721). Родился в Индии, но его творчество оказало огромное влияние на духовную жизнь в Центральной Азии. Смысл жизни Бедиль видел в служении обществу, человечеству. Выдвигал идею создания справедливого общества, которое построит мудрый правитель при помощи воспитания, просвещения и труда всех членов общества. Воспитание, просвещение и труд – главные категории Бедиля.

Ахмад Дониш (1829–1897). Он не идеализировал человека. Считал, что ему свойственны стремления к богатству и к власти, но вместе с тем, ему свойственны милосердие, терпение и честность. Выступал против канонов ислама в вопросе равноправия женщин и мужчин. Смысл жизни в том, чтобы творить, любить жизнь и стремиться к счастью.

Творчество двух последних авторов хронологически выходит за рамки Восточного Возрождения, но с предшественниками их роднит общность идей и гуманистических традиций.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:

Является ли этика наукой?
Нет худа без добра?
Почему нет полноты в счастье?
Выбор между долгом и любовью.
Концепции счастья мыслителей Древней Греции.
Цель оправдывает средства.
Современная медицинская этика.
Судебная этика.
Этика политики и общественного управления.
Утопические произведения представителей эпохи Возрождения в Центральной Азии.
Духовно-нравственные аспекты процесса реформ в Узбекистане.

5. Прикладная этика

В период беспрецедентно стремительного роста знаний, которые почти сразу приобретают вид технологий, сделалось более очевидным отставание философско-этического анализа от скорости развития эмпирических исследований. Тем более отстает от них уровень готовности общественного сознания к взвешенному восприятию достижений новых технологий.

Отстает настолько опасно, что по решению некоторых правительств понадобилось на время законодательно приостановить исследования отдельных направлений, например, в области клонирования, или принять специальные конвенции по правилам торговли генетически измененными продуктами и т. д.

«Знаем гораздо больше чем понимаем», — данная ситуация порождает повышенную потребность в этической экспертизе новых процессов и явлений, не абстрактных, «вечных, классических» вопросов, а конкретных проблем во всех областях жизнедеятельности.

Произошел спуск с высот абстрактного теоретизирования на прикладной уровень правил этического регулирования медицины, судебного разбирательства, бизнеса, информационных технологий. Неоднократно подчеркивалось, что разрыв между знанием и пониманием катастрофичен и потенциально опасен.

Мировое сообщество из-за невозможности заранее предсказать последствия пытается «притормозить» использование достижений науки. Поэтому этическому аспекту современных технологий придается особое внимание, хотя существует банальная истина, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Именно общетеоретические положения этики являются ориентирами для прикладной этики.

5.1. Некоторые проблемы медицинской этики

Все ли позволительно, что возможно?
Жак Судо

На этику, как на «практическую философию» возложена задача анализа ситуации и выработки норм поведения, связанных и с медицинскими аспектами жизни людей. Поэтому некоторые исследователи относят медицинскую (био) этику к прикладной этике. В данном случае правомерно использовать термины «медицинская этика» и «биоэтика» как синонимы, понимая под биоэтикой «пространство проблем, которое ранее входило в компетенцию медицинской профессиональной этики» и представляет современный этап медицинской этики (Тищенко). В строго научном смысле слова это смежные дисциплины, но когда к проблеме спасения одного человека прибавилась проблема выживания человечества, расширение рамок позволительно.

Необходимость развития медицинской этики вытекает из-за разрыва между технологическим уровнем медицины и моральным сознанием как профессионалов от медицины, так и всего гражданского общества. Нравственное «взросление» отстает от темпа научных исследований. Медицина стала посягать на права человека: право на жизнь и смерть, право на рождение.

Другой момент, усложняющий развитие медицинской и биоэтики обусловлен многообразием систем ценностных ориентаций, которые имеются в современной этике. Любая биоэтика строится на осмыслении традиционных для данного социума этических воззрений, на осмыслении духовного наследия, а оно у каждого народа свое. В частности, разнятся культуры, которые строятся на христианской основе и на исламской, различны менталитет, степень либерализма и демократичности. Например, биоэтика в американском духе — это путь правовой регламентации, детального описания в правовых нормах возможных этических ситуаций. Главная цель — защита прав человека от неправомерного медицинского вмешательства.

Проблемы эвтаназии, суицида, прерывания беременности, контрацепции, транссексуальных операций, генная инженерия, целесообразность поддержания жизни на вегетатив-

ном уровне (необоснованно затянутое коматозное состояние), донорства, врожденных уродств, взаимоотношения врача и пациента и т. п. — все это является предметом рассмотрения данных дисциплин. В силу исторической, точнее, ментальной инерции, существует предубеждение о ненужности широкого обсуждения этих вопросов.

Но само развитие медицины и биологии все чаще приводит к возникновению «неоднозначных» этических ситуаций. Если раньше состояние медицины было таково, что организм человека не мог долго сопротивляться непосильным физическим болям или находиться в коматозном состоянии, то сейчас такое состояние продлевается на достаточно длительный срок и неизбежно встает вопрос: «Стоит ли его продлевать, как прекратить это состояние?» Стоит ли давать шанс родиться ребенку с явно выявленными тяжелыми отклонениями? Традиционный ответ на подобные вопросы закодирован в религиозной этике и носит обычно однозначный характер. Светские же этические концепции не столь категоричны и однозначны.

Например, допустимость эвтаназии. Эвтаназия — прекращение жизни безнадежного больного и испытывающего непереносимые боли по его просьбе. Часто это интерпретируется как добровольный уход из жизни. Но, как заметила М. Маленина, это не рациональный добровольный суицид, а уход от бессмысленных страданий[1]. Любое страдание, если оно имеет смысл, объяснено, переносится.

Поэтому верующие имеют то преимущество, что не считают страдания бессмысленными: или это кара за грех, неправедно прожитую жизнь, или это очищение, или это аванс на безмятежную потустороннюю жизнь. Страдания справедливы: «То, что я слеп, справедливо».

Уйти достойно — это может стать смыслом жизни. Подобные случаи описывает В. Франкл, врач, философ, автор очень интересного эссе «О страдании».

Вопросы, связанные с эвтаназией, поддаются нормативной регуляции. Только в Уругвае и Нидерландах она разрешена законом. В США распространена практика заранее, в юридически достоверной форме, выражать свою волю в случае необратимой комы. В Японии используют пластиковые кар-

---

[1] *Маленина М. Н.* Уйти достойно. // Человек. — 1993. — № 2.

точки, в которых зафиксировано, что ее владелец допускает изъятие своих органов в качества донорских, если установлена клиническая смерть. В ряде государств (Германия, Нидерланды) применяется политика невмешательства при соблюдении определенных условий. В США действуют специальные этические комиссии при больницах, которые конкретно рассматривают просьбы тяжелобольных о прекращении жизни. Подобные комиссии существуют в некоторых странах и для рассмотрения смертных приговоров. В частности, в России, смертный приговор заменяется пожизненным заключением; для исполнения требуется согласие приговоренного. В нее входят врачи, священники, юристы, философы, родственники больного. Это позволяет считать решение пациента морально легитимным (допустимым). Это коллегиальное решение, а не только одного врача. Сторонники эвтаназии считают ее приемлемой при наличии пяти факторов:

- сознательная и настойчивая просьба больного;
- несомненные доказательства невозможности спасения жизни, установленные коллегией врачей при обязательном единогласии;
- невозможность облегчить страдания больного имеющимися средствами;
- предварительное уведомление органа прокуратуры;
- доказательства, что развитие болезни приведет к деградации личности.

На взгляд большинства специалистов, правовая регламентация развития медицины будет усиливаться.

Есть другая линия соприкосновения права и медицины, когда криминальное поведение объясняется отклонениями в психическом и физическом здоровье. Хрестоматийными примерами демонстрации зависимости социального поведения человека от особенностей его физиологии стали исследования д-ра Ломброзо (XIX век), который заметил, что самые зверские убийства совершались теми, кто имел серьезные отклонения физического и психического свойства.

Именно ему принадлежит наблюдение, что преступники обладают более длинными руками и т. п. Наш современник, французский нейрофизиолог Ж-П. Шанже подтверждает аналогичный факт: «Установлено, что травмы префронтовой зоны коры (имеется в виду — мозга) влияют на способность подчиняться социальным нормам и принимать решения, касающиеся

социальных взаимодействий, и приводят к потере чувствительности к соматическим маркерам»[1]. Это объективно: некоторые состояния организма при гормональных, психических нарушениях ведут к потере контроля человека над своим поведением. Но кто в наш техногенно опасный, экологически неблагополучный, насыщенный нервными перегрузками век не имеет тех или иных отклонений в здоровье?

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) каждый десятый житель планеты может быть отнесен к инвалидам, то есть имеет серьезные ограничения телесной и психической организации. Но не все же из них преступники или аморального поведения. В большинстве своем отклонения в здоровье не на прямую, а через посредство «провоцирующих» обстоятельств (социального неблагополучия и несформированности нравственной культуры) становятся фактором социально недопустимого поведения.

> ***«Лебединая верность»*** *– это всего лишь красивая легенда. Когда подстреливают одного из лебедей, другой резко пикирует на землю, чтобы спасти себя. Долго сидит в камышах и у охотников создается впечатление, иллюзия, что и вторая птица погибла. Разыгран спектакль. Животным не свойственен суицид. Даже во имя «большой любви». Некоторые животные поедают свой выводок, чтобы сохранить свою жизнь.*

Иначе, при таком подходе снимается вопрос об ответственности личности и перекладывается на «дурную» наследственность, гормональные изменения, природу. Легко и просто: такова природа человека.

Главный принцип принятия решения по сложнейшим этическим ситуациям и всей гаммы отношений «врач – пациент» получил название «информационного согласия»[2].

Этические проблемы тесно связаны с душевным здоровьем. По данным М. Н. Малениной из числа совершивших суицид лишь 25—27 % составляют психически больные люди, 19 % – алкоголики, а остальные никогда не лечились у психиатров и никогда не обнаруживали каких-либо поведенческих особенностей, по-

---

[1] *Ж-П. Шанже.* Нейрофизиологические основы этического поведения. // Человек. – 1999. – № 5, С. 71.

[2] // Вопросы философии. –.1994. – № 3.

зволяющих их отнести к больным. Очень трудно определить *что* является *нормой* психического здоровья. Имеются данные, что 85 % взрослых подвержены неврозам. Что такое невроз: болезнь, пограничное состояние? Что значит адекватное поведение? Несомненно, «нравственное здоровье», нравственные переживания личности — один из факторов здоровья в целом, и психического, в частности. Ф. Ларошфуко писал: «Стоит вдуматься в происхождение недугов и станет ясно, что все они коренятся в страстях человека, и горестях, отягчающих его душу»[1]. К. Юнг, известный представитель европейской философии, как врач-профессионал был убежден, что нельзя считать невроз только медицинской проблемой, а скорее это духовный кризис личности, ощущающей бессмысленность своего существования.

По Э. Фромму, невротический патологический элемент возникает тогда, когда личность поступает вопреки своей системе ценностей, при дисгармонии между ее убеждениями и принятым решением. Человеку необходимо нравственно мотивировать свое поведение. Такая же дисгармония возникает и между системой ценностей данной личности и принятыми в обществе образцами поведения. Накопление, критическая масса девиантного (отклоняющегося) поведения вызывает пересмотр определенных моральных норм. Но не всех. Универсальные человеческие ценности, моральные абсолюты консервативны, а человеколюбие — основная из них.

Как-то Л. Н. Гумилев беседовал с представителем племени каннибалов. Тот спросил у ученого, ведете ли войны и что делаете с убитыми? «Закапываем», — был ответ. «Зачем же вы убиваете, если их не едите?», — поразился собеседник Гумилева. Каннибалы едят людей, чтобы выжить. А для чего убивают «цивилизованные»? Так кто же гуманнее?

Именно человеколюбие становится все более значимым. Равноценна и жизнь больного олигофренией, и гения. Им выпали разные объективные (внешние) обстоятельства жизни и они имеют равные права на полноценную с их точки зрения жизнь; по крайней мере, на равное медицинское обслуживание, равные шансы на жизнь. Зачем?

«В целом, сострадание парализует закон развития — закон селекции. Оно поддерживает жизнь в том, что созрело для ги-

---

[1] *Ларошфуко Ф.* Мемуары. Максимы. – Л., 1971. С. 216.

бели, оно борется с жизнью в пользу обездоленных и осужденных ею, а множество всевозможных уродств, в каких длит оно жизнь, *продлевает мрачную двусмысленность жизни*», — писал Ф. Ницше.

И делал вывод, что «Этот депрессивный, заразный инстинкт парализует инстинкты, направленные на сохранение жизни, на продолжение ее ценности, — он бережет всяческое убожество, а потому выступает как главное орудие, ускоряющее упадок»[1]. Но выворачивание гуманизма наизнанку заканчивается насаждением бесчеловечных общественных отношений и поощряют агрессивность.

На самом деле, сострадание есть проявление инстинкта жизни. Жизни противоестественно добровольно уступать смерти, они постоянно «борются». Дефицит гумманности губителен для общества в целом. Именно взаимопомощь и солидарность позволяет человечеству избежать хаоса и взаимоистребительных войн. Антигуманизм ведет к ожесточению.

Ведь право на жизнь не отторжимо, особенно для правопослушных граждан.

Человек — слабое, стадное животное. Человечество научилось жить, помогая немощным, продлевая им и, тем самым, себе, *жизнь*.

В медицинскую этику, как вид профессиональной этики, входят исследования проблем взаимоотношений врача и человека, нуждающегося в медицинской помощи. Можно выделить три модели поведения. В первом случае больной — пациент, во втором — клиент, в третьем — потребитель медицинских услуг. В первом случае, врач не только целитель, но и друг, во втором — партнер, в третьем — производитель медицинских услуг. Причем, эти модели отношений продиктованы скорее не типом лечебного учреждения, где работает врач, а его общими мировоззренческими представлениями.

Компетентность не зависит от выбора модели поведения, и эмоциональная теплота не компенсирует недостаток профессионализма.

Слова, которые употребляет человек по отношению к другому, имеющему медицинские проблемы, есть одна из характеристик этического состояния, этической культуры социума. «Несчастный...» А почему вы так решили? Пусть он сам оце-

---

[1] *Ницше Ф.* Антихристианин. / Сумерки богов. — М., 1989. С.22.

нивает свою жизнь, а не общество, навешивающее ярлыки. «Бедный» – обычно болезнь является толчком к пересмотру, переориентации мировоззренческих принципов, так что его жизнь в духовном плане интенсивнее и богаче. «Страдает от...» – он существует, приспосабливается, адаптируется. «Прикован к коляске» – он ею пользуется. «Парализованный» – он не в шоковом состоянии; может быть это «ребенок с церебральным параличом?». «Психически ненормальный» – возможно это «особенности ментальности?». «Глухой», «сахарник» и т. п. – их много и все они разные.

Это скорее не болезни, а состояния организма человека, одна из функций которого имеет специфику. Может быть они «неполнофункциональные», но не в коем случае не «неполноценные». Тем более, что если учесть тревожное состояние экологии и общее снижение смертности благодаря прогрессу в медицине, то людей с теми или иными отклонениями будет становится все больше.

Таким образом, это не просто замена слов, это смена философского концептуального подхода. Все имеют право на жизнь, любовь, уважение, работу, адекватное образование.

В Республике Узбекистан отношения в области здравоохранения регулируется Законом об охране здоровья граждан от 14 сентября 1996 г. Медицинская помощь подпадает под действие принципа альтернативной дополнительности. Неотложная помощь, поликлиническое обслуживание, обслуживание детей – бесплатные. Ряд категорий имеют привилегии и льготы. На наш взгляд, этого закона не достаточно на сегодняшний день.

Как, например, защитить себя в случае врачебной ошибки? Необходимо разработать более подробное медицинское законодательство с возрастанием веса этической составляющей. Весьма интересны в этом отношении постановления Кабинета Министров от 15 февраля 2000 г. (№ 14) о государственной программе «Здоровое поколение» или о программе «Мать и дитя». В них предусмотрен ряд важных мер и предложений.

Например, «Разработка системы уплаты алиментов семьями, отказывающимися от детей-инвалидов с детства в случае их инвалидности вследствие ранних или родственных браков, алкоголизма и наркомании родителей, доказанных в судебном порядке».

Медицинская этика не является какой-то сверхособой этикой. Она представляет один из вариантов профессионально спрофилированной этики данного общества. Те же самые взгляды, отношения, теории, аргументы, споры, которые существуют в «общей» этике, характерны и для медицинской сферы. По своему специфична проблематика у педагогики, у бизнеса, науки, политики, — в любой профессиональной деятельности.

Появление новых ситуаций и коллизий заставляет обществоведов задумываться над гармонизацией писаных и «неписаных» законов, над приведением законодательства в соответствие с требованиями жизни

Содействие возможно более полной реализации личностью закрепленных за нею прав на жизнь, охрану здоровья, образование, общеполезный труд и на другие фундаментальные права плюс создание благоприятной поведенческой среды (высокого уровня культуры общения, которая законодательно почти не регламентируется и зависит от воспитания) — вот векторы приложения этических идей современности.

Рекомендуемая литература

1. *Бердяев В. О.* Назначении человека. — М.: 1992.
2. *Гусейнов А.* Этика. — М.: 1998.
3. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. — М.: 1993.
4. *Ларошфуко Ф.* Мемуары. Максимы. — М.: 1993.
5. *Льюис К. С.* Любовь. Страдание. Надежда. — М.: 1992.
6. Мудрость жизни. Хрестоматия. — М.: 1992
7. *Мур Дж.* Принципы этики. — М.: 1984.
8. *Хаббард Л. Р.* Дианетика — современная наука душевного здоровья. — М.: 1995.
9. *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М.: 1989.

5.2. Судебная этика

К проблемам этического характера, возникающим в судебном процессе относятся:

— соблюдение презумпции невиновности,
— определение меры наказания,
— смертная казнь.

Презумпция невиновности это переориентация всей философии судебного разбирательства: не гражданин должен доказывать свою невиновность, а соответствующие органы должны доказать его вину. Презумпция невиновности диктует норму восприятия (априори) человека невиновным, норму не считать всех изначально нарушителями закона. Этот принцип является результатом демократического развития общества.

Другим результатом его демократизации является отказ от постулата «Признание — царица доказательств». Казалось бы, действительно, признание самого подозреваемого есть вершина доказательства. Что еще нужно, если он сам заявляет о своей вине? Однако в судебной практике нередки случаи самооговоров, когда человек «умышленно» берет на себя вину в содеянном, хотя, может быть, абсолютно невиновен или виновен не в той мере, как ему инкриминируется.

Случается подобное из-за прессинга или сговора соучастников преступления, насилия со стороны органов дознания, корыстных соображений. Делом чести судебных органов является не ссылка на признание подозреваемого, хотя оно немаловажно, особенно если это добровольное признание, а достаточно аргументированное доказательство вины.

Вина доказана, следующий шаг — определение меры наказания. Как соблюсти справедливость, избежать чисто эмоциональное восприятие ситации, не податься слепому сочувствию или, наоборот, отвращению? Общепризнано, что не суровость наказания, а его неизбежность является самым действенным средством профилактики нарушений закона.

Европейская культура породила идею правового государства, теорию прав человека, теорию равенства, запрещающей дискриминацию по любым признакам; именно европейцы ратуют за отмену смертной казни, расценивая ее как форму мести со стороны государства и как нерациональное действие, ибо казнь преступника не исправит то, что он натворил.

Некоторые правовые акты законодательств европейских стран выглядят неоднозначными (например легализация однополых браков, разрешены эвтаназия, проституция, легкие наркотики (в Нидерландах), конституционная защита «права родиться» ещё нерожденных детей в Ирландии, где аборты расцениваются как форма убийства и запрещены. В некоторых азиатских государствах за распространение наркотиков выно-

сят смертный приговор, например, в Китае). Европейцы считают, что основное право человека – это право выбора, оно не должно ограничиваться, и не следует ожидать роста злоупотреблений только потому, что что-то не запрещено, а разрешено. На Западе имеется опыт запретов, когда в период нацизма жестоко преследовали национальные, религиозные, сексуальные и другие меньшинства.

Наиболее благожелательное отношение к этим категориям населения в наши дни зафиксировано в законодательстве именно европейских государств.

Законодательство Республики Узбекистан по ряду моментов отличается от законодательств других демократических государств, и в либеральной среде оценивается как излишне суровое. В частности, после террористических актов в Ташкенте в феврале 1999 г. был вынесен смертный приговор некоторым его участникам.

Но волна терроризма по всему миру склоняет общественное мнение в пользу самых решительных мер. Снисходительность к террористам, замена смертных приговоров пожизненным заключением после серии кровавых терактов по всему миру вряд ли найдут понимание в общественном сознании.

5.3. Бизнес и мораль

В одном из учебников по бизнесу можно прочитать следующее: восемь из десяти менеджеров высшего звена считают, что бизнесмены так или иначе преступают моральные нормы в своей практике, и примерно один из четырех полагает, что соблюдение этих норм препятствует успешной карьере[1].

Достаточно шокирующее признание, но все мы «так или иначе преступаем моральные нормы». Моральные абсолюты – труднодостижимые нормы-идеалы, желаемые критерии, и в этом отношении бизнесмены вовсе не исключение. В период формирования предпринимательской культуры, когда начался процесс первоначального накопления капитала, стихий-

---

[1] Цит. по: Современный бизнес. В 2 т. – М, 1995.С. 318. *Timothy D.* Schellhardt. What Bosses think about Corporate Ethics. // The Wall Street Journal. 1988. 6 April. B.25; A Twenty-Year perspective. // Journal of Business Ethics. 1992. January. 61-70.

ной «бизнезации» всех и вся, сложился стереотип особой «нечистоплотности» бизнесменов, некой аморальности, более того, почти криминального характера их деятельности.

Кризисные этапы развития, экстремальность ситуации, момент трансформации общества всегда сопровождается нарушением устоявшихся норм, принципов общения и моральных критериев. Какая сфера жизнедеятельности может претендовать на нравственную чистоту? Политика, наука, любовь, межэтнические отношения? Уровню цивилизованности, «продвинутости» общества соответствует и мера цивилизованности его бизнеса.

Одни утверждают, что этика и бизнес кардинально противоположны: «нравственный предприниматель будет вытеснен с рынка». (У. Баугмень). Другие полагают, что у бизнеса есть собственная этика, отличная от этики в других областях деятельности. Третьи убеждены, что нравственное поведение выгодно и способствует росту прибыли.

По мнению четвертых «Многие ситуации повседневного бизнеса нелегко квалифицировать по признаку правильно-неправильно, они, скорее, находятся в промежуточной, «серой», области»[1].

Предпринимательская деятельность безусловно актуализирует утилитаристский, прагматический, меркантильный образ мыслей. Предвестница смены доминирующих этических взглядов: от патерналистских, коллективистских установок к индивидуалистическим и эгоцентрическим. Речь не о том, что хорошо, что плохо, а о доминирующей тенденции в динамике общественного сознания. Происходит гилертрофирование пользы, выгоды, здравого смысла в качестве ценностей, а значит, критериев оценки ситуаций и людей. Доминирование не есть исключительная распространенность взглядов.

Представители одного занятия не обязательно одинаково нравственно мотивируют его. Немало среди практиков по наращиванию капитала тех, кто придерживается не традиционных для своего занятия ценностных установок, — так, по крайней мере, следует из их публичных выступлений: «деньги — это основа нравственности. Это не материальная субстанция, а то, что делает тебя свободным. Человек нищий должен бить-

---

[1] *Мескон М. Х, Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджента, М.,1992, С. 151, 699с.

ся за кусок хлеба, унижаться, ограничивать себя, что нравственности не способствует»[1]. Деньги – не цель, а средство достижения цели, способ получить моральное удовлетворение от хорошо выполненной работы, от пользы, принесенной окружающим, форма самореализации способностей, - наиболее частые этические аргументы, симбиоз вырванных из различных концепций представлений (от эпикурейских до альтруистских). Но все же «естественнее» и очевиднее прагматическая мотивация предпринимательства.

Обоснование прагматичного подхода в узбекских источниках можно найти в «Уложениях» А. Темура (XV в.). Правда, там чаще употребляется понятие «обдуманный расчет». Темур настойчиво советует придерживаться принципа разумности, пользы, выгоды[2]. Он дает этот совет тем, кто занят в военном и управленческом деле. Но, в конце концов, война это тоже предпринятое кем-то предприятие с политическими и экономическими выгодами и потерями, прибылями и убытками.

А в еще более давнем учебнике по воспитанию и этике – «Кобуснамэ» автор XI века, Кайковус Каспий предлагает своим потомкам не брать в долг и по возможности не давать в долг. Проблема возврата долгов исстари была проблемным делом, а не только для современных кредиторов и заемщиков.

В этом плане и Коран настоятельно требует дифференцированно подходить к вопросу кредитования: рассуждать, выяснять все обстоятельства, а потом уже решать вопрос. Если возникла экстренная (экстремальная) ситуация, человек действительно нуждается и он слаб, то выручить немощного человека – Богоугодное дело. И в данном случае не должно ждать возврата долга, лучше простить его. Если не возвращает долг здоровый мужчина, которому вполне по силам заработать или отработать долг, то требовать возврата рекомендуется.

Имеется интересный нюанс. Размер кредитного процента определяется не до, а после получения дохода. Обычно брали в долг семена или скот под будущий урожай или приплод, а каким он будет – одному Богу известно.

Если сравним хозяйственную этику протестантизма и мусульманства, то заметим, что требования идентичны, по край-

---

[1] //Аргументы и факты. – 1999. – № 52.

[2] Уложения Тимура. – Т., 1992, С 68-70.

ней мере, требование честности и исключительно добросовестного выполнения своих мирских (профессиональных) обязанностей. Среди верующих, а в особенности, среди представителей одной социально-религиозной общины требование честности соблюсти было легче: 1) все убеждены в неизбежности наказания в противном случае и 2) нечестность грозила потерей поддержки членов общины. М. Вебер, например напрямую усматривает причины расцвета капитализма в США в протестантской этике. (См. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма). Протестантская мораль учила не требовать возвращения долга от «брата своего» – члена общины, вернет, если способен будет вернуть[1], подозревать должника в неискренности у кредитора нет права.

Ислам придерживается практики взвешенно-дифференцированного подхода к вопросу «ссужать или не ссужать деньги», требовать или простить долг, — все определяют конкретные обстоятельства. В современных условиях предпринимательская деятельность вышла из-под непосредственного контроля конфессий. Религии влияют на поведение своих адептов (приверженцев) в сфере деловой жизни через взращивание у них убеждений, ценностей и принципов. Мировые религии заложили основы ведения цивилизованного бизнеса.

Анализ этических предпочтений предпринимателей говорит о том, что среди них есть сторонники любых этических воззрений, и что нельзя рассматривать этику бизнеса как особую этику. Есть мораль общества, которая предъявляет свои нормы и требования во всех областях жизнедеятельности, поощряя одно поведение и осуждая другое. Бизнес не по правилам, писанным и не писанным, недолговечен. Осуждение общественным мнением – угроза деловой репутации и самому делу.

Поэтому здравомыслящие предприниматели стремятся задобрить общественное мнение, занимаются благотворительностью, зарабатывают социальный престиж.

Стоит отметить один весьма показательный факт. В свое время широкое хождение получил тезис о том, что теневая экономика была порождена запретом на частное предпринимательство, что инициативные люди вынужденно нарушали

---

[1] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. С. 49-53.

законы, становились «теневиками» и «цеховиками». Но мощный теневой бизнес процветает и в странах с рыночной экономикой, например в США. Оказалось, что либерализация экономики — не гарантия очищения общества от теневиков — их стало еще больше. В России нелегальное производство достигло уродливых масштабов именно в рыночный период, в том числе поддельных лекарств и продуктов питания.

Особо сложно развивать предпринимательство в медицине. Бизнес в медицине должен идти под прессингом двух противоположных начал. С одной стороны, соблюдение принципа эффективности, соотношение стоимости и выгоды, с другой — охрана здоровья это привилегия не избранных, а всех. Поэтому государство от имени общества контролирует систему здравоохранения. Национальные системы здравоохранения каждая по-своему определяют соотношение данных принципов. Учитываются при этом два условия: 1) Применение современных технологий зависит от экономического уровня. 2) Верность традиционным этическим ценностям гражданского общества.

Государство обязуется предоставлять определенный стандарт медицинских услуг за счет общества, а сверх того, за счет самих граждан. Несмотря на всю важность сферы медицины, где решаются вопросы жизни и смерти, продления рода и т. п., предпринимательство в медицине подчиняется общим экономическим законам. А «Пока нет никаких причин отдавать предпочтение частному бизнесу»[1].

Есть еще один аспект взаимодействия экономического и этического моментов. При беглом взгляде на опережающий экономический рост новых индустриальных стран (НИС) Азии, так называемых «драконов Азии» создается впечатление, что их успехи были достигнуты благодаря «азиатским добродетелям» (моральным нормам), таким как трудолюбие, бережливость, прочность семейных уз, уважение к старшим.

Так, по крайней мере, утверждают лидеры этих стран[2]. Сообразно предложенной логике выходит, что если развивать и даже эксплуатировать эти добродетели, то можно достичь экономического процветания. Но далеко не все азиатские стра-

---

[1] *Пугач И.* Частная медицина: «без руля, ветрил» и денег// Экономическое обозрение, 2000. С.41.

[2] Zakaria Culture in Destiny. A Conversation with Jee Kuan Yew. // Forein Affeirs . N/ Y/ March/April 1994 p. 109-126.

ны добились такого успеха, хотя культивируют те же добродетели. Это сопутствующие успеха, чтобы достичь результат, надо прежде всего что-то предпринять, начать действовать, то есть здесь наблюдаем проявления действия соответствия цели и средств. Эти страны после Второй Мировой войны встали на путь модернизации, и традиционные работоспособность, трудолюбие и дисциплинированность оказались высоковостребованными. Между прочим, деятели культуры этих стран все чаще говорят о постепенной утрате присущих им добродетелей в результате унификации образа жизни, которую принесла с собой модернизация, говорят о вестернизации культуры.

Не лишне вспомнить Б. Франклина и его учение о добродетелях, без которых нет предпринимателя (того самого, который изображен на стодолларовой купюре и которому принадлежит афоризм «Время – деньги»). Он стал знаменитым не потому что просто был добродетельным человеком, а потому что добился при их помощи своих целей. Проекты, которые он реализовал, носили социально-значимый характер, в частности, проект экономичной уборки мусора. Главные добродетели по Франклину это, опять-таки, трудолюбие, точное *соблюдение обязательств (верность своему слову)* и бережливость, а также справедливость, умеренность и честность.

И самое, наверное, главное: все упомянутые добродетели, неважно, «восточного» или «западного» происхождения, позитивно окрашены и приветствуются моралью общества. Эти нормы и идеалы морали в благоприятной среде способны стать стимулом роста эффективности деятельности как отдельной личности, так и государства в целом. Быть добродетельным (нравственным) человеком выгодно!

5.4. Этикет

Несмотря на созвучие, этика и этикет (от фр. etiquete – установленный порядок поведения где либо) являются вполне самостоятельными хотя и смежными областями знаний.

Если этика представляет совокупность норм и ценностных критериев нравственного поведения, то этикет –совокупность норм коммуникативного поведения. В обоих случаях регламентируется поведение, но нормативы имеют разное содержание.

Этикет (урф-адат) – предписание должного коммуникативного поведения при помощи запретов и предписаний. Бе-

зусловно, мораль, нравственные ценности данного социума, наряду с вероисповеданием, историей, географией, культурой в целом, предопределяют законы приличия. Религия и мораль играют в этом перечне факторов самую существенную роль. То или иное правило поведения заключает в себе нравственную целесообразность. По европейскому этикету мужчина должен идти с той стороны дороги, где опаснее, по исламскому — женщина должна отставать от мужчины на несколько шагов не только в знак признания его власти и превосходства, но и в целях безопасности. Кстати, в европейском этикете всегда действует правило пропускать всегда женщину вперед. Хотя следует признать, что среди национальных правил этикета есть такие, в которых трудно увидеть целесообразность. В Пакистане дурным тоном считается подмигивать собеседнику, в Японии — закладывать ногу за ногу, среди застолья в компании иудеев — говорить о собаках и множество других. Подобные нормы напоминают суеверия и предрассудки. У Японцев пальто женщине подает мужчина, у европейцев, наоборот — мужчина женщине. У Курдов не принято в мужской компании говорить о женщинах, спрашивать о здоровье жены или сестры. Дистанция между собеседниками у южан короче, чем у северян, которые не любят стоять «нос к носу».

На Западе пришедшие вдвоем в ресторан мужчина и женщина платят каждый за себя. На Востоке за дастарханом мужчины оставались в головных уборах, а европейцы при входе в помещения и за столом головные уборы снимали. Точно так же при похоронах и при входе в мечеть и церковь. Глобализация всех сторон жизни, унификация образа жизни все меньше и меньше оставляют места «странным» правилам. К сожалению, вместе с этим теряется и национальная самобытность народов.

Для этикета значима внешняя сторона поведения (как поклониться, на сколько градусов, как приветствовать, с чего начать разговор). То есть этикет — единство этических и эстетических предписаний. Соблюдение законов приличия выполняет функцию социальной идентификации и дифференциации. Каждый знает свою роль и ведет себя в соответствии со своим социальным статусом.

В европейском и восточном этикетах можно отыскать и различия, и общие моменты. Сподвижники Александра Македонского были недовольны не только тем, что их царь стал носить одежду побежденных ими персов, но и его желанием

ввести чуждый эллинам восточный обычай опускаться на колени и кланяться до земли перед царем. Эллины считали этот обычай унизительным. Важнее стараться вести себя в конкретном окружении по его правилам, стараясь понять природу этого правила (если арабы предложат поесть соли, они считают тебя другом. В пустыне человеческий организм теряет ее больше обычного; соль является знаком доброжелательности), и не забывать, что этикет не просто набор каких-то случайных ритуалов, а отражение мировоззрения, истории, культуры народа, хотя истоки отдельных норм многими людьми забыты и соблюдаются в силу традиции.

В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ

Перечень нижеследующих вопросов-тем поможет ввести студентов в круг современных, дискутируемых наукой и общественностью проблем прикладной этики.

- Повлечет ли процесс унификации национальных моделей экономик потерю национального своеобразия культур?
- Согласны ли вы с тем, что целесообразно не дать развиться человеческому эмбриону с генами, которые потом разовьются в болезнь? «Сварить живую курицу не одно и то же, что сварить яйцо»?
- Согласны ли вы с тем, что надо отменить смертную казнь?
- Как вы относитесь к тезису «деньги не пахнут»?
- Согласны ли вы с тем, что соблюдать этикет не обязательно?
- Возможны ли объективные критерии для оценки правил поведения с точки зрения их «большей» или «меньшей» культурности?

Использование интерактивных методов помимо дидактического эффекта способствует развитию толерантности, выработке навыков диалогового сотрудничества, вкуса к самостоятельной постановке острых вопросов и осмыслению своей жизненной гражданской позиции. Именно, с поколением высокоинициативных, самостоятельно мыслящих и толерантных молодых узбекистанцев связывает свои надежды Президент страны И.А. Каримов, говоря о трудной, но почетной миссии этого нового, воспитанного в условиях свободы и независимости поколения молодежи, своим талантом, знаниями и энергией творить великое будущее своей прекрасной Родины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усиление этического компонента системы образования и воспитания – превращение homo sapience в homo moralicus, человека разумного в человека нравственного выдвигается в наши дни как единственная панацея от глобальных угроз, которые нависли над человечеством. Добрая воля, уважение святости жизни и чужой автономии, критическое осмысление последствий новых и новейших технологий, культура поведения, человекоориентированное производство и политика, – все это составляет объект интереса этики. Этические знания не делают автоматически человека счастливым, а человечество совершенным. Но этика, анализируя мучительные поиски истины лучшими умами человечества, показывает вектор развития и для человека в отдельности, и для человечества в целом. И этот вектор – человеколюбие – был и остается неизменным.

Каждый человек считает себя достаточно осведомленным в вопросах морали и нравственности и не следует специально заниматься их изучением. Однако смеем надеяться, что изложенный здесь краткий экскурс в теорию и историю этических учений был небесполезен для тех, кто взял эту книгу в руки. Специфика изучения этики во многом объясняется необходимостью сочетать строгую объективность в изложении фактов с их мировоззренческой оценкой. К ней не могут быть применены критерии точных наук, так как «гуманитарное изучение человека всегда будет содержать элемент искусства, сочувствия и этической оценки»[1]. Этика не отвечает на вопросы, которым требуются односложные ответы, и не дает готовые рецепты на все случаи жизни. Если удалось заинтересовать читателя и он задумался о принципах своего морального поведения, то можно считать, что книга выполнила авторскую задачу, ибо «задача философа не в том, чтобы мыслить, а в том, чтобы позволять или давать возможность думать, мыслить»[2] другим.

---

[1] *Малиновский Б.* Научная теория культуры. – М., 2000. С. 24.

[2] *Мамардашвили М. К.* Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М., 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие....3

1. Что такое этика?

1.1. Определение этики....5
1.2. Соотношение понятий "этика", "мораль", "нравственность"...11
1.3. Структура и функции морали....19

2. Природа морали

2.1. Мораль и право....24
2.2. Религия и мораль....29
2.3. Нравственность и духовность....37
2.4. Идея национальной независимости и категории этики....43
2.5. Происхождение и природа морали....47
2.6. Классификация этических учений....53

3. Основные категории этики

3.1. Добро и зло....56
3.2. Страдание и наслаждение....62
3.3. Свобода....66
3.4. Справедливость....68
3.5. Долг....74
3.6. Совесть....76
3.7. Смысл жизни....79
3.8. Счастье....83
3.9. Любовь....86

4. Основные этические учения

4.1. Конфуцианство....91
4.2. *Этика мусульманского средневековья*....92
4.3. Суфизм....95
4.4. Советские примеры узбекской этической мысли....98
4.5. Гедонизм (эпикуреизм)....99
4.6. Стоицизм....101
4.7. Утилитаризм....103
4.8. Этика Канта....105
4.9. Разумный эгоизм....106
4.10. Альтруизм....107
4.11. Моральный нигилизм....108
4.12. Краткие сведения о представителях эпохи Возрождения *в Центральной Азии*....112

5. Прикладная этика

5.1. Некоторые проблемы медицинской этики....117
5.2. *Судебная этика*....124
5.3. Бизнес и мораль....126
5.4. Этикет....131
Заключение....134

Эркин Умарович Умаров
Феруза Борисовна Загретдинова

ЭТИКА

Учебник для вузов

Зав редакцией Шоим Бутаев
Редактор Георгий Хубларов
Художник Уйгун Салихов
Художественный редактор Шухрат Одылов
Технический редактор Елена Толочко
Корректор Шахноза Иногамова

ИБ № 09-189

Подписано в печать 17.12.2005. Формат 60×90 1/16. Гарнитура ТАД. Офсетная печать. Усл.п.л. 8,5. Уч.-изд. л. 8,56. Договор № 81–2005. Тираж 1000. Заказ №172.

Издательско-полиграфический творческий дом имени Чулпана Узбекского агентства печати и информации. 7000129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано в типографии: ООО «Arnaprint». 700182. Ташкент, ул. Х. Байкоро, 41.